

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2016

Выпуск изображений

«Мне не по душе сегодняшние спекуляции вокруг патриотизма. Я пережил оккупацию, видел людей действительно преданных, смелых, готовых пожертвовать всем. Они были патриотами, но не набивали цену патриотизму. (...) Патриот должен быть с теми, кто создает Европу. Такой фильм я бы с удовольствием посмотрел». УРОКИ ИНОГО ПАТРИОТИЗМА, НП 6/13

«Как мог бы выглядеть кинофильм о Катыни? Трагедия польских офицеров до сих пор не отразилась ни в романе, ни в кино по многим причинам. Пятьдесят лет на страже лжи по катынскому делу стояла "Народная Польша", но полтора десятка лет свободы давали шанс снять кино, литературные произведения могли бы и раньше возникнуть в эмиграции, куда не дотягивалась рука советской цензуры. И всё-таки...» ПУГОВИЦЫ, НП 10/07

«У Анджея Вайды вообще свои отношения с историей. Когда он в 1957 году снимает "Пепел и алмаз", в 1976-м — "Человека из мрамора", в 1982-м — "Дантона", а теперь — "Бесов", для него каждый раз речь идет о том прошлом, которое пустило побеги в настоящее. И в этом смысле "Бесы" Вайды — как и сам роман Достоевского — воспринимаются сегодня уже не как пророчество, мрачное предсказание, но как страшное и правдивое отражение реальности, прежде всего реальности

революционного терроризма и государственной шигалевщины».
Наталья Горбаневская ПРОРОЧЕСТВО, ОБРОСШЕЕ ПЛОТЬЮ, НП
3/04 Фото: Э. Лемпп

Содержание

1. Польша на периферии Евросоюза
2. Евросоюзу нужен прагматизм, а не идеология
3. Хроника (некоторых) текущих событий
4. Непокорный интеллигент в стране реального социализма
5. Тадеуш Конвицкий — писатель в изгнании
6. Культурная хроника
7. Ходасевич возвращается в Польшу
8. Пространство диалога
9. Русская хандра
10. Артист под подозрением
11. Выписки из культурной периодики
12. Стихотворения
13. В лунном свете
14. Диалог о Солженицине
15. Жилищная политика: хорошие идеи и пять опасностей
16. Фестиваль глупости
17. Вацлав Радзивиллович вспоминает посла Ежи Бара
18. Открыть паратеатр

Польша на периферии Евросоюза

Александром Квасневским беседовал
Яцек Низинкевич

Фото: East News

— *Брексит — и что дальше?*

— У Великобритании нет плана, что делать с решением, которое приняли ее граждане, что делать с растущим напряжением в Шотландии и Северной Ирландии, каким образом вести переговоры с Европейским союзом. В ЕС царит хаос, потому что это первый случай, когда процедуры, предусмотренные ст. 50 Лиссабонского договора, будут действительно запущены. Вдобавок антиевропейские движения во Франции или Голландии воспользуются этим благоприятным для них ветром и предпримут усилия, чтобы разыграть свою карту. Во Франции приближаются выборы, на которых госпожа Ле Пен может получить очень хороший результат.

— *В 2017 г. выборы состоятся также в Германии.*

— Партия «Альтернатива для Германии» может добиться на них результата, выраженного двузначным числом, и приблизиться к уровню немецкой социал-демократии. Нас ожидает серьезнейший хаос и Европа трех скоростей^[1].

— *Как будет проходить это разделение ЕС?*

— У шестерки учредителей Евросоюза, иными словами, у Франции, Германии, Италии и стран Бенилюкса, есть такое чувство, что они — депозитарии данного проекта, и от них зависит удержание ЕС в незыблемых рамках, поэтому они не проявят готовности к далеко идущим уступкам либо компромиссам. Далее, существует еврозона, иначе говоря, 19 стран, которые должны сотрудничать между собой, так как это — условие их стабильности и развития. Ну, и будут возникать европейские окраины — периферия, где окажутся Польша, Чехия, Венгрия, Болгария, Румыния.

— *Не очень оптимистический сценарий.*

— Оптимизм можно черпать из того, — но это скорее возможность для вас, чем для меня, поскольку не знаю, доживу ли я до этого времени — что через каких-нибудь 15 лет даже британцы придут к выводу, что единственный шанс для европейского континента состоит в интеграции. Огорчает меня лишь то обстоятельство, что за этот очевидный для меня вывод предстоит расплачиваться большими издержками — потерей времени, денег и — не дай Бог — европейскими конфликтами.

— *Ярослав Качинский выступил с предложением нового союзного договора, но Беата Шидло не упоминала ни о чем таком в ходе недавнего саммита лидеров ЕС.*

— Премьер-министр Шидло ведет себя намного более прагматично, чем председатель «Права и справедливости». И это хорошая новость. Подобным образом обстояли дела и в случае иммигрантов или климатической конференции. По моей информации, которая исходит изнутри Евросоюза, премьер-министр Шидло воспринимается там как политик предсказуемый. Во времена хаоса это несомненное и ценное достоинство.

Внесение в данный момент на рассмотрение нового договора стало бы только углублением нынешнего хаоса. Первым делом нам необходимо взять под контроль ситуацию, в которой оказался ЕС, обсуждение нового евросоюзного договора — дело будущего. Сегодня говорить об этом слишком рано.

— *Почему еще не пришло время для нового евросоюзного договора?*

— Нет никакой возможности, с одной стороны, проводить Брексит, который неизвестно как должен выглядеть, с другой — внимательно отслеживать конфликт на Украине, а с третьей — вести требующие времени переговоры о европейском договоре. Такая неуверенность может закончиться катастрофой. Нам следует начать с решения вопроса о Брексите. Вся Европа нуждается в совместной политике в таких сферах, как безопасность, энергетика, отношение к иммигрантам и терроризму, а также в общей политике по отношению к Америке, России и Китаю.

— *Одним словом, в супергосударстве?*

— Это не супергосударство. Идеей супергосударства злоупотребляли в предшествовавшей референдуму британской кампании, она касается такого видения Европы, которое мы сегодня не в состоянии представить. Я не знаю, как будет выглядеть Европа через 30 лет; быть может, тогда вопрос о супергосударстве не будет вызывать таких эмоций.

— *Возвращение к национальным государствам?*

— У нас имеются сейчас национальные государства, которые должны отдавать себе отчет в том, что в современном мире многие из проблем невозможно разрешить иначе, нежели совместно. Никто не требует, чтобы совместно устанавливать, как должна выглядеть система обучения или здравоохранения; даже налоги не охватываются единой совместной политикой. Но вместе с тем ни один разумный человек не может сказать, что борьба с терроризмом или климатическими изменениями может вестись в рамках национальных государств, поскольку в таком случае мы никогда с этим не справимся.

— *Каким образом должно выглядеть выстраивание отношений с Россией в рамках национальных государств?*

— Европейский союз попросту обязан предложить новые взаимоотношения государства с обществом. Он обязан намного более прозрачно показывать, что именно он делает и на чем основывается. Иначе нами будут манипулировать все, кто неприязненно относится к Евросоюзу: Россия, мечтающая лишь о том, чтобы ЕС провалился в преисподнюю, а также средства массовой информации, у которых не хватает терпения углубляться в подобные проблемы.

Я согласен с одним из польских европарламентариев, сказавшим, что если главным обвинением в адрес Евросоюза, который на протяжении последних 70 лет спасал Европу от войны, выдвигается тот факт, что в нем дискутируют о кривизне банана, то в общем и целом кривизна банана — это гораздо меньшая причуда, чем развязывание очередных войн.

— *Ослабляет ли политика Пис Европейский союз?*

— Это явная цель ПИС.

— *Политики этой партии божатся, что не хотят выхода Польши из ЕС.*

— Если Пис хочет более сильной позиции национальных правительств и меньшей роли Брюсселя, то иначе не получится. Мол, по вопросу денег должны делаться единоголосные выплаты тем странам, которые нуждаются в средствах, а вот вопрос нарушения демократических принципов — это наше дело, и сюда не вмешивайтесь? Так не получится. Мы выступаем за европейскую солидарность, когда речь идет о помощи нашим государствам, например, в вопросах безопасности, но когда речь заходит о помощи тем

странам, которым угрожают иммигранты, то на нас просим не рассчитывать, потому что в подобном случае европейская солидарность уже не действует.

ЕС не может быть чем-то вроде меню в ресторане, откуда мы выберем то, что нам по вкусу, а остальные блюда пусть едят другие. Евросоюз основывается на солидарности. Если Польша ее нарушит, то последствия этого окажутся плачевными.

Большинство поляков хорошо себя чувствует в Евросоюзе и не хочет оттуда выходить. Количество тех, кто воспользовался новыми возможностями, огромно. Крестьяне-земледельцы, студенты, органы местного самоуправления, поляки, легально работающие в странах Евросоюза, — это лишь малая часть плюсов нашего пребывания в ЕС.

Неправда, будто поляки вносят в Евросоюз больше денег, чем от него получают. Неправда, будто ЕС бюрократизирован в большей степени, чем государства, которые его образуют.

Процентная доля евросоюзной бюрократии по сравнению с полумиллиардом проживающих в ЕС людей очень невелика.

Разумеется, можно сделать Евросоюз менее

бюрократизированным, и к этому следует стремиться. Но нельзя оскорблять и попираť великий европейский проект, который дал Европе мир, развитие и безопасность. Проект европейского сообщества — это шанс на то, чтобы Европа очутилась в кругу тех, кто будет строить будущее мира в XXI веке. В одиночку даже у Германии нет шансов сделать это.

— Что случится, если и в других странах дело дойдет до референдумов по вопросу о выходе из ЕС?

— Если бы такой референдум состоялся во Франции, и французы сказали бы Евросоюзу «нет», это означало бы начало конца Европейского сообщества.

— Президент Чехии выступил с призывом провести референдум по вопросу дальнейшего членства своей страны в ЕС и НАТО.

— В Вышеградской группе каждый говорит и делает, что хочет; иными словами, никакой совместной политики там нет.

Милош Земан — оригинальный человек, но сейчас он играет с огнем.

— Не усиливает ли Брексит ведущую роль Германии в ЕС?

— Мы демонизируем Германию как государство, стремящееся к гегемонии. Она действительно хочет быть сильным лидером в Евросоюзе, но совместно с другими государствами. Отсюда ее тесные контакты с Францией, но наряду с этим ранее — с Великобританией. Отсюда также ее старания подключить Польшу к основному течению.

Германия ищет союзников. Стремление к гегемонии — отнюдь не главная ось ее внешней политики.

— Как изменилась позиция Польши в ЕС после Брексита? Ослабляет ли Пис Европейский союз?

— Нынешний польский министр иностранных дел говорил в Сейме, что наш главный партнер — Великобритания, страна, которая сейчас выходит из Евросоюза. Страны Вышеградской группы находятся где-то на обочине. Только Словакия входит в еврозону и обладает достаточно близкими связями с центром управления ЕС.

— *Было ли ошибкой то, что мы не приняли евро?*

— Большой. Но я нахожу этому объяснение, которым был экономический кризис, свирепствовавший тогда в Европе. Мы не удовлетворяли критериям. И не особенно старались им удовлетворять. Польша не разработала дорожную карту принятия единой валюты.

Дональд Туск во время Экономического форума в Крынице пообещал, что Польша примет евро в 2011 году. Только за словами не последовали действия. При правительстве Пис Польша европейскую валюту не примет. Было бы хорошо, если бы это правительство постаралось хотя бы удовлетворять критериям вхождения в еврозону.

— *Что это означает?*

— Укрепление экономики. Означает удержание в жестких рамках как инфляции, так и государственного долга — иначе говоря, с точки зрения стабильности нашей экономики это сплошные плюсы. В настоящий момент дискуссия о Польше в еврозоне — вопрос чисто теоретический.

Пожалуй, точно так же, как и дебаты в Европейском парламенте по поводу польского Конституционного суда (КС). Европарламент откладывает их на какое-то неопределенное время. Он еще вернется к вопросу о Польше. Даже во время саммита НАТО в Варшаве лидеры Евросоюза будут упоминать о необходимости соблюдать законность в Польше и решать вопрос о КС в духе Венецианской комиссии.

— *Неужто после Брексита кого-либо в ЕС будет в самом деле интересовать вопрос о нашем суде?*

— Меньше, но будет. Мы ощутим последствия игры с Евросоюзом, причем болезненные. Применительно к Брекситу станет приниматься много решений, где голос Польши не будет иметь значения. Мы теряем репутацию предсказуемого партнера. Восстановить нашу позицию в мире окажется не так-то легко.

— *Уменьшает ли Брексит шансы Дональда Туска на второй срок его полномочий в качестве главы Европейского совета?*

— Как раз наоборот. Брексит их увеличивает. Он наверняка затянется, так что Европейскому совету понадобится кто-то, хорошо разбирающийся в этих длительных процессах. Взять на эту должность кого-то нового означает приговорить Европейский совет к углубляющемуся хаосу.

Дональд Туск проглотил горькую пилюлю, так как хотел чего-то

совсем другого, но это надо пережить. На данном этапе он, Мартин Шульц и Жан-Клод Юнкер необходимы Евросоюзу, потому что они знают сущность проблемы. Если бы сегодня Туска сменил на его посту Ярослав Качинский, то я убежден, что глава ПиС в качестве руководителя Европейского совета был бы гораздо более беспомощным, чем предшественник. ПиС ненавидит бывшего премьер-министра, а посему везде и всегда будет искать, как бы подставить ему ногу. Туск — ночной кошмар Качинского. Психологически это можно понять. Политически это нечто болезненное.

-
1. Это понятие ввел в обиход лидер недавно созданной в Польше партии «Современная» Рышард Петру, сказавший: «Первой скоростью будет еврозона. Второй — страны, которые не используют евро, но близки к этой зоне и тесно сотрудничают с ней, например, такая страна, как Дания. Третья скорость окажется почти на обочине, это Польша и Венгрия». — Здесь и далее прим. пер.

Евросоюзу нужен прагматизм, а не идеология

С Конрадом Шиманским беседовал
Агатон Козинский

Фото: Krzysztof Kaniewski/REPORTER

— *Как Брексит изменит Европейский союз?*

— В Великобритании произошел ряд событий, которые привели к такому, а не иному результату референдума. Евросоюз может лишь принять к сведению этот факт и ожидать, что процесс выхода британцев из ЕС пройдет гладко. Если мы не хотим повторения такого сценария, ЕС должен определить свою долю ответственности, сделать выводы и начать серьезную реформу.

— *Но какова атмосфера внутри Евросоюза после референдума? Ведь когда слушаешь комментарии, может возникнуть впечатление, что часть политиков в Брюсселе, например, Жан-Клод Юнкер, даже рады Брекситу — по принципу «баба с возу, кобыле легче».*

— Только при этом скоро окажется, что на этом возу никого нет, или даже, что исчез сам воз. Это порочная логика. Некоторые политики — убежденные в том, что процесс интеграции должен углубляться — предлагают сценарии, которые ведут к тому же, что и предложения евроскептиков, то

есть к распаду Евросоюза. Попытки создания маленьких клубов внутри ЕС, то есть дифференциации государств-членов, дают точно такой же эффект, что выход стран из Евросоюза. Это ослабление Европы.

— *Так почему же столь многие политики движутся в этом направлении? Я имею в виду письмо глав МИД Франции и Германии.*

— Многие из этих высказываний делаются, прежде всего, из соображений внутренней политики. Особенно это касается Германии. Цель письма социал-демократических руководителей МИД Франции и Германии — подчеркнуть социал-демократическую идентичность в европейских делах. Но невооруженным взглядом видно, что ведомство канцлера не разделяет эту точку зрения. Для Польши это хорошая новость. Брексит требует дискуссии, а также критического самоанализа во многих странах и в самих институтах ЕС. Нужно серьезно задуматься, каким образом мы должны реформировать Европу, чтобы в будущем не повторялись такие события как Брексит.

— *В коммюнике после недавнего саммита стран Вишеградской группы^[1] написано, что сегодня не следует выдвигать лозунги типа «меньше Европы» или «больше Европы» — вместо этого нам нужна «лучшая Европа». Лучшая, то есть какая?*

— Этот голос Вишеградской группы был ответом на предложения, о которых мы только что говорили. Ведь если Евросоюз обязан адекватно отвечать на потребности Европы и стран-членов, он должен провести процесс адаптации к действительности. Изменить образ действия, по-другому использовать инструменты, которые доступны — и на европейском уровне, и на уровне отдельных государств. Процесс интеграции нужно приспособить к нынешним потребностям и возможностям, а не руководствоваться какими-то общими, абстрактными, часто академичными установками. Лучше всего это наблюдается на примере миграционного кризиса. Имеет смысл усиливать элемент общности в вопросе контроля внешних границ ЕС, развивать сотрудничество ЕС со странами-источниками миграции, при этом не стоит вводить единую внутреннюю политику по отношению к мигрантам путем создания центрального распределителя беженцев.

— *Иными словами — следует усилить «Фронтекс»^[2] и не принуждать членов ЕС принимать мигрантов по определенным квотам.*

— Видно, как на ладони, что этот вопрос не решить с помощью одного универсального правила. Мы должны избавиться от корсета мышления в рамках академических моделей и чутко реагировать на политические потребности и возможности.

Нужно больше прагматизма и меньше мышления в категориях типов, моделей интеграции Европы.

— *Ваш политический лагерь выдвинул лозунг нового европейского договора. Что должно в него войти?*

— Следует дать государствам больший контроль над процессом интеграции, чтобы они почувствовали свою ответственность за этот процесс. Трудность этого пути в том, что это нельзя сделать за счет общего рынка — превалировать должен принцип сообщества. Однако прежде чем мы подойдем к этому этапу, мы должны сформировать в ЕС потребность и готовность к переменам, а этого пока нет. Хуже всего сегодня было бы, если бы европейские лидеры пришли к убеждению, что, в общем-то, в ЕС ничего не стряслось, а весь этот Брексит — результат недопонимания у части британцев. Так нельзя. Когда такая большая и важная страна решает покинуть Евросоюз, нужно задать себе вопрос о том, что же мы сделали неправильно, раз дело дошло до такой реакции. Да, в кампании в пользу Брексита было много плохих, лживых, оторванных от реальности аргументов — но были и верные аргументы. Потому столь важен критический самоанализ в самом Брюсселе, а также прагматические соображения стран-членов о том, что мы должны делать вместе, а чем каждый должен заниматься самостоятельно.

— *Дональд Туск после недавнего саммита ЕС сказал, что в ходе его никто не выдвигал никаких предложений, связанных с внесением изменений в договоры либо составлением новых. ПиС ранее сообщал нечто иное. Как было на самом деле?*

— Сигнал из Варшавы очень ясно дошел до европейских лидеров. Но чтобы подойти к этапу изменений в договоре, нужно подготовить почву. Сегодня формально поданное предложение было бы просто отвергнуто. Вначале нужно сформировать потребность в изменении договора. Поэтому было бы эксцентричным решением представить новый договор всего через несколько дней после события, которое наглядно указывает на такую потребность. Это привело бы лишь к росту напряжения. Евросоюз нужно реформировать, не забывая при этом о контексте, в котором мы движемся. Вводя новые формулировки, касающиеся необходимости реформы ЕС, в тексты последнего саммита, премьер Беата Шидло сделала первый шаг.

— *Туск, как и Вишеградская группа, говорит о «лучшей Европе» — и противопоставляет этот лозунг таким требованиям как «меньше Европы» и «больше Европы». О чем это сигнализирует?*

— Наш регион, в принципе, подходит к процессу интеграции намного менее идеологизированно, чем Западная Европа. Невзирая на политические различия — в Вишеградской группе у нас два социал-демократических и два консервативных

правительства. Это не мешает находить общий язык. Такой прагматичный подход необыкновенно ценен с учетом вызовов, перед которыми стоит ЕС.

— *Вы с Туском говорите на одном языке — и все же отнюдь не предрешено, что ваше правительство поддержит его кандидатуру на место главы Европейского совета на очередной срок. Но ведь если его не будет, его не заменит никто другой со столь же прагматичным подходом к Евросоюзу.*

— Во всем ЕС сегодня нет ни одного правительства, которое сформулировало бы свои персональные предпочтения по вопросу кандидатуры на эту должность. Преждевременное представление такого рода деклараций было бы просто ошибкой. Наше правительство примет решение по этой проблеме, когда у него будет полный образ ситуации, а также когда мы будем знать, какие есть альтернативы для нынешнего председателя. Это время еще не пришло.

— *В Австрии состоятся повторные президентские выборы. Как это влияет на функционирование Евросоюза в целом?*

— Сам факт повторных выборов не вносит ничего нового. В этом вопросе более важен тот факт, что Австрия — очередная страна, где пошатнулось доверие к политическому классу, правившему в этой стране до сих пор. В том числе и на фоне отношения к Европе. Во второй тур президентских выборов, который будет повторен, вышли кандидаты от партий, когда-то находившихся на краю тамошней политической сцены. Оба кандидата очень сильно подчеркивают необходимость перемен. Подозреваю, что Австрия — невзирая на то, каким будет результат выборов — станет одной из тех стран, которые будут ожидать корректировки в способе функционирования Евросоюза.

POLSKA

-
1. Вишеградская группа – объединение четырех центральноевропейских государств: Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, образованное в 1991 г. в венгерском городе Вишеград – Прим. пер.
  2. «Фронтекс» – агентство Европейского союза по безопасности внешних границ – Прим. пер.

Хроника (некоторых) текущих событий

• Саммит НАТО 8 июля в Варшаве. «В саммите принимают участие 18 президентов, 21 премьер-министр и 80 министров из 28 стран, входящих в НАТО, а также из 26 сотрудничающих с альянсом стран. Кроме того, на саммите присутствуют представители 11 международных организаций, в том числе ООН и ЕС. В общей сложности в Варшаву прибыли 2 103 делегата». («Польша», 8 июля)

• «“Мы приняли решение об усилении нашего военного присутствия в восточной части альянса, — заявил генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг. Четыре многонациональных батальона будут на основе принципа ротации размещены в Польше, Латвии, Литве и Эстонии. (...) Киберпространство теперь рассматривается нами в качестве новой сферы оперативных действий, наравне с воздушным пространством, морем и сушей”. (...) Кроме того, НАТО втрое (до 40 тыс. чел.) увеличит свои силы быстрого реагирования. Их можно будет перебросить в район конфликта в течение нескольких дней. (...) Объявлено также о предварительном формировании руководства т.н. европейского щита противоракетной обороны». (Дорота Ковальская, «Польша», 11 июля)

• Барак Обама после встречи с президентом Анджеем Дудой: «В рамках усиления присутствия НАТО на восточном фланге США направят в Польшу батальон, в состав которого войдет около тысячи американских военных. (...) Дополнительно в Польшу разместится руководство бронетанковой бригады, которая будет дислоцироваться в Европе с начала будущего года. (...) Я поделился с президентом Дудой нашим беспокойством относительно ситуации вокруг Конституционного суда. (...) Я призываю польские политические партии сделать все возможное, чтобы сохранить демократический характер ключевых государственных институтов. Демократическую природу наших стран определяют не только слова, записанные в конституциях, но и незыблемость основных институтов и стандартов, таких, как верховенство закона, независимость суда и свобода прессы. Это те ценности, на которых мы построили наш союз». (Мариуш Завадский, «Газета wyborcza», 9–10 июля)

• «Военнослужащие 21-й бригады подгальских стрелков приступили к обучению украинских военных (...) на полигоне в

Яворове в окрестностях Львова. (...) Польские инструкторы будут находиться на Украине до 24 сентября 2016 года. (...) Основу группы составляют сержанты-инструкторы различных воинских специальностей». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 26 июля)

- «“Я не считаю Россию нашим врагом. В первую очередь это наш сосед с несравнимо бóльшим военным потенциалом, в последние годы проводящий имперскую политику”, — подчеркнул президент Анджей Дуда в беседе с датским премьер-министром Ларсом Лёкке Расмуссенем. Дуда также добавил, что Россия “не уважает слабых”». («Жечпосполита», 10 июня)

- Расходы на техническую модернизацию армии в бюджете министерства национальной обороны в млрд злотых: 2008 г. — 3,4; 2010 г. — 4,1; 2012 г. — 7,2; 2014 г. — 8,2; 2016 — 9,3. (по материалам «Жечпосполитой» от 18 и 22 июля)

- «Как пояснил проф. Станислав Цудзило, декан факультета новых технологий и военной химии Технической академии, в Польше производится т.н. черный порох, то есть старейшая его разновидность, которую в военном деле уже в середине XIX века вытеснил бездымный порох, в частности, наиболее распространенный в наши дни нитроцеллюлозный. В нашей стране нитроцеллюлозный порох также производится, однако его главный компонент, нитроцеллюлозу, мы вынуждены приобретать за границей. (...) Смешанный, дву- или многосоставный порох у нас также не делают. (...) Проф. Цудзило добавляет: «Это проблема, поскольку мы, не имея возможности самостоятельно производить взрывчатый материал, оказываемся безоружными — боеприпасов, которыми мы располагаем, может хватить только на несколько дней интенсивных боев». (Кшиштоф Ковальчик, «Польска збройна», июнь)

- «В Кувейт отправились уже около 120 польских военных и 4 многоцелевых истребителя F-16, а в Ирак — около 60 солдат спецназа». (Мацей Милош, «Дзенник газета правна», 25 июля)

- «С момента прихода к власти ПиС откровенно игнорирует внешнюю угрозу. Единственная форма реакции, которую позволяет себе правящая партия — это риторика ритуального характера. Внешней угрозой должно заниматься НАТО. (...) Приоритетным направлением теперь считается поиск внутренних врагов и борьба с ними. (...) Внимание оборонного ведомства концентрируется в основном на контроле за разного рода военизированными формированиями, а также на создании новых. Обучение и оснащение этих структур указывает на то, что их готовят к гражданской войне. (...) Утечка аналитических данных одного из центров, связанных с правительством, нечаянно выдала истинное предназначение

групп, которыми управляет руководство минобороны. Для особо сомневающих: эту подготовку следует рассматривать в контексте правительственной политики, направленной на раскол общества и эскалацию внутреннего конфликта, а также в контексте чрезвычайных полномочий, которыми в спешке были наделены органы и структуры, ответственные за госбезопасность», — Рафал Кузняр, руководитель Института стратегических исследований Варшавского университета. («Газета wyborcza», 2–3 июля)

- «За последние несколько месяцев я заменил уже половину командного состава оперативных воинских частей», — министр национальной обороны Антоний Мацеревич. («До жечи», 18–24 июля)

- «В среду ближе к вечеру начался визит в Польшу Папы римского Франциска. Папа приехал на XXXI Всемирные дни молодежи, но собирается также отпраздновать вместе с поляками 1050-ю годовщину крещения Польши». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 28 июля)

- «В ходе встречи в Вавельском замке, в присутствии высших официальных лиц, Папа подчеркнул: «Нам необходимо быть готовыми принять людей, спасающихся от голода и войн, и проявить солидарность с теми, кто оказался лишен своих основных прав, в том числе права на свободное и безопасное вероисповедание». «В ответ на призыв понтифика вице-премьер Ярослав Говин заметил, что Франциск заботится о спасении наших душ, в то время как политики занимаются вопросами нашей безопасности, и поэтому правительство “не хочет впускать в Польшу иммигрантов из мусульманских стран”». (Доминика Козловская, «Газета wyborcza», 30–31 июля)

- «“Если бы мне пришлось высказываться о мусульманском насилии, я не смог бы обойти молчанием насилие католическое. Не следует отождествлять ислам с насилием”, — заявил Папа Франциск». «Понтифик также добавил, что отождествление ислама с насилием было бы несправедливым и ошибочным», — фрагменты беседы Папы римского с Антуаном-Мари Изоардом в самолете во время возвращения из Кракова в Рим в изложении Томаша Белецкого («Газета wyborcza», 2 авг.) и Гжегожа Игнатовского («Польска», 5–7 авг.)

- «По данным опроса ЦИОМа, 66% наших соотечественников против того, чтобы Польша принимала иммигрантов с Ближнего Востока и из Африки, прибывающих в ЕС». («Дзенник газета правна», 27 июля)

- «Открытым остается вопрос об отношении духовенства к Франциску и его посланию. (...) Пустые ряды предназначенных для духовенства стульев в храме в Лагевниках могут, конечно, быть следствием плохой организации рассылки приглашений, а могут свидетельствовать о том, что часть польских духовных

лиц не разделяет взгляды Папы». (Михал Ольшевский, «Газета wyborcza», 1 авг.)

- «На 51 тыс. польских священнослужителей, монахов и монахинь было выделено 7 тыс. мест. Половина из них осталась свободна», — о. Адам Бонецкий, Артур Спорняк. («Тыгодник повшехный», 7 авг.)

- «О том, что польское духовенство стремится игнорировать и бойкотировать идеи Франциска, свидетельствуют епископские послания и проповеди. Сравним их с тем, что они говорили и писали во времена Иоанна Павла II и Бенедикта XVI. В те годы они неустанно цитировали обоих понтификов, сегодня же этого не происходит. На Франциска они ссылаться не хотят». (Ярослав Маковский, «Пшеглэнд», 1-7 авг.)

- 68% поляков считают, что визит Папы Франциска никак не влияет на политическую ситуацию в стране, 18% респондентов уверены, что приезд понтифика смягчит межпартийный конфликт, а по мнению 14% опрошенных, напротив, — обострит его. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 29-30 июля. («Жечпосполита», 2 авг.)

- «Первым решением, которое принял Мариуш Блащак, став министром внутренних дел, стало приглашение экзорциста. Священник явился, чтобы изгнать злых духов, оставшихся после предшественников министра. Только после освящения кабинета министр смог начать в нем работать», — рассказывает бывший сотрудник ведомства. (...) Блащак сопровождает о. Рыдзыка в паломничествах «Радио Мария» на Ясную Гору, сопровождает его во время юбилейных торжеств в честь создания радиостанции в Торуни, во встречах в резиденции редемптористов в варшавском районе Рембертув. Иногда подобного рода совещания продолжаются там до поздней ночи». (Александра Павлицкая, «Ньюсуик Польша», 25-31 июля)

- «Организации, созданные о. Тадеушем Рыдзыком получили от правительства дотации на общую сумму 1,1 млн злотых. Еще 1,5 млн злотых поступят от подконтрольной ПиС ассоциации «Движение по контролю за выборами». (...) Ранее о. Рыдзык получил более 340 тыс. злотых государственных дотаций». («Жечпосполита», 7 июля)

- «Вице-премьер и министр экономического развития Матеуш Моравецкий объявил о принципиально новом подходе к вопросам экономики — а именно, об отказе от идей неолиберализма, а также о необходимости максимально сократить степень зависимости от зарубежного рынка. (...) «Экономическая политика ПиС должна в первую очередь служить гражданам нашей страны (...), а не статистике, цифрам и процентам», — заявил он». (Богуслав Храбола, Павел Яблонский, «Жечпосполита», 9 июня)

- «Масштаб социальных трансфертов по программе 500+ уже сегодня вызывает бурные эмоции среди экономистов и социологов, а это только первые недели работы программы. (...) Для сотен тысяч польских семей, которые раньше с трудом сводили концы с концами, такое вливание денег со стороны государства означает не только улучшение материальной ситуации. (...) Рост благосостояния среди беднейших поляков может благотворно сказаться на их интеллекте, культуре и традициях. (...) А также может стать причиной серьезных изменений в политике, экономике и обществе в целом». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 15 июня)
- Согласно отчету “Boston Consulting Group”, «по уровню удовлетворенности качеством жизни мы занимаем 30-е место в мире. Мы уступаем Испании и Португалии, зато опережаем Италию и Грецию. Вот уже второй раз подряд Польша уверенно укрепила свои позиции в этом рейтинге. Как и раньше, больше всего радости полякам приносят их дети, супружеские отношения и дружба. Наименьший процент положительных эмоций наших сограждан связан с финансовой ситуацией и уровнем доходов». («Жечпосполита», 21 июля)
- «Польская экономика развивается в идеальном — по европейским меркам — темпе. (...) Поэтому я попытаюсь уговорить членов Совета финансовой политики сохранить процентные ставки на существующем уровне до возобновления инфляционного прессинга. (...) Дефицит на уровне 3% ВВП не представляется мне серьезной проблемой. Пока наша страна обогащается, мы можем позволить себе финансирование за счет обязательств. Со временем мы сможем добиться бюджетного равновесия», — Адам Глапинский, председатель Польского национального банка. («Жечпосполита», 13 июня)
- «Польская экономика держится в первую очередь на крошечных фирмах с количеством работников менее 10 человек, которыми как раз не интересуются те, кто проводит правительственные исследования. А ведь это самая естественная форма бизнеса. Впоследствии они не развиваются до крупных предприятий, поскольку с ростом оборотов предпринимателям навязывается всё более строгий режим, блокирующий возможность естественного развития фирмы от микропредприятия к малой, средней, а затем крупной экономической единице. Благодаря такой стимуляции со стороны каждого нового правительства лучше всего у нас развивается теневая экономика или, выражаясь более научно, незарегистрированный бизнес. (...) Именно этот экономический планктон (...) производит подавляющее большинство того, что приписывается малым и средним предприятиям. Мы знаем, что микрофирмы, а также малые и средние предприятия производят в целом почти 70% польского

ВВП, однако основную часть обеспечивают как раз самые крошечные фирмы», — Анджей Садовский, президент Центра им. Адама Смита. («Жечпосполита», 8 июля)

- «Рейтинговое агентство “Fitch” оставило в силе прежнюю оценку кредитоспособности Польши, а также стабильные перспективы рейтинга. Это означает, что через полгода, когда нам захочется проверить рейтинг еще раз, более вероятным будет сохранение предыдущего рейтинга, нежели его снижение». (Кшиштоф А. Ковальчик, «Жечпосполита», 18 июля)

- «В понедельник президенты Анджей Дуда и Си Цзиньпин подписали декларацию о стратегическом партнерстве Польши и Китая. (...) Еще три года назад в совместном отчете Польского Института международных дел и консалтинговой фирмы “KPMG” обращалось внимание на то, что в экспортную торговлю с Китаем вовлечены почти две тысячи польских фирм, зато импортом товаров из Китая занимается более 20 тыс. наших коммерческих организаций». (Адам Вожняк, «Жечпосполита», 21 июня)

- «Задолженность государственных финансов сегодня стала самой высокой за всю историю Польши. (...) За первые четыре месяца этого года задолженность государственного казначейства увеличилась на 47 млрд злотых, при этом за один только апрель — на половину этой суммы. Это почти 40% годового объема! (...) А государственный долг Польши по состоянию на конец апреля достиг рекордного уровня — почти 882 млрд злотых. Лимит государственного долга, предусмотренный законом о госбюджете, превышает эту сумму всего на 1,5 млрд злотых, но он уже наверняка превышен, поскольку стоимость долга подскочила после “обвала”, вызванного британским референдумом». (Милош Венглевский, «Ньюсуик Польска», 4-10 июля)

- «Рост инвестиций требует стабильности и предсказуемости. Между тем паралич деятельности Конституционного суда, дополнительное налогообложение секторов со значительным участием иностранного капитала (инвесторы гадают, какие отрасли станут следующими) и практика популистских обещаний (вроде снижения пенсионного возраста) делают ситуацию в экономике довольно шаткой. Это одна из причин, по которой уровень инвестиций средних и крупных предприятий в первом квартале снизился почти на 9%, хотя в прошлом году они почти на 12% выросли». (Рафал Тшецяковский, «Жечпосполита», 23 июня)

- «Подходит к концу важная страница истории рыночной экономики в Польше. Открытые пенсионные фонды (ОПФ) окончательно идут под нож. (...) Каждый из 16 млн вкладчиков ОПФ сохранит 75% своих пенсионных сбережений. Однако

доступ к ним будет ограничен. (...) Что будет с оставшимися 35 млрд злотых, инвестированными в ОПФ? (...) Они попадут в (...) Фонд демографического резерва. Управлять этими средствами будет государственный Польский фонд развития». (Матеуш Павляк, «Жечпосполита», 5 июля)

- «С конца октября 2015 г., то есть с момента победы Пис на парламентских выборах, стоимость акций девяти крупнейших биржевых компаний, контролируемых государственным казначейством, снизилась на 36,7 млрд злотых. В свою очередь стоимость акций, принадлежащих государственному казначейству, уменьшилась на 16,4 млрд злотых. (...) С конца октября прошлого года среднестатистический поляк потерял в общей сложности 500 злотых». (Витольд Гадовский, «Газета wyborcza», 14 июля)

- «Как правило, в Польше ежегодно менялось руководство примерно 25% биржевых компаний. Сегодня состав правления изменился в 90% компаний с участием государственного казначейства. А любой предприниматель ценит предсказуемость», — Тадеуш Возняк, экономист, генеральный директор консалтинговой фирмы «FIG Polska». («Газета wyborcza», 2-3 июля)

- «Пис планировал существенно повысить жалование представителям государственной элиты (...), а также предусмотреть на законодательном уровне заработную плату для жен президентов (55% вознаграждения главы государства, то есть около 12 тыс. злотых). Оклады премьер-министра, маршала Сейма и председателя Польского национального банка выросли бы с 16,6 тыс. до 24,7 тыс. злотых; министров, вице-министров и омбудсмена — до 20,1 тыс. злотых, президента — с 20,1 до 24,6 тыс. злотых, депутатов и сенаторов — с 12,3 до 15,5 тыс. злотых. Повышения зарплат обошлись бы бюджету примерно в 25 млн злотых в год». («Газета wyborcza», 21 июля)

- «После нашей публикации, в которой проект депутатов Пис был назван “Программой Кормушка+”, руководство правящей партии отказалось поддерживать этот законопроект. Качинский не знал о том, что новый законопроект о вознаграждении руководящих лиц предусматривает также повышение окладов депутатов и сенаторов! (...) Председатель Пис буквально вышел из себя, когда оказалось, что он не знал всех нюансов законопроекта о повышении окладов. (...) Вчера руководитель Пис распорядился отозвать этот законопроект». (Магдалена Рубай, «Факт», 21 июля)

- «Вчера в Сейме во втором слушании рассматривался проект закона о Конституционном суде (КС). (...) Председатель КС, присутствовавший на парламентских дебатах, попросил слова, поскольку, как он выразился, “совесть молчать не позволяет”. По его мнению, законопроект о КС “подготовлен с

недобросовестными намерениями и направлен на изменение общественного строя без изменения Конституции”. (...) Вчера во многих городах Комитет защиты демократии организовал т.н. “черные протесты” (в ходе акции ее участники заклеили себе рты скотчем черного цвета — прим. пер.) против политики, парализующей работу Конституционного суда». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 6 июля)

- «Сейм одобрил новый закон о Конституционном суде, отклонив вчера 44 поправки, внесенные в законопроект фракциями “Гражданской платформы”, “Современной” и крестьянской партии ПСЛ». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 8 июля)

- «Вчера к сенаторам обратился комиссар Совета Европы по правам человека. Нил Муйжниекус заявил, что “крайне обеспокоен принятием закона о КС, поскольку он представляет серьезную угрозу для режима законности”. (...) Муйжниекус призвал сенаторов предотвратить появление такого закона. (...) С оценкой нового закона о КС в Венецианскую комиссию обратился генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд. (...) Он призывает польских сенаторов на последнем этапе их работы принять во внимание замечания Венецианской комиссии». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 9-10 июля)

- «Национальный совет правосудия вместе с тремя другими ассоциациями судей — “Iustitia” (“Справедливость”), “Themis” (“Фемида”) и “Pro familia” (“За права семьи”) — созывает Чрезвычайный конгресс польских судей, назначенный на 3 сентября». Вчера три ассоциации судей, которые организуют конгресс, обратились к президенту, призвав его не подписывать законопроект Пис о Конституционном суде либо направить его в КС». (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 29 июля)

- «Президент Анджей Дуда в субботу подписал новый закон о Конституционном суде. (...) Председатель КС Анджей Жеплинский призывал президента применить по отношению к данному законопроекту право вето либо обжаловать его». («Жечпосполита», 1 авг.)

- «У правительства есть три месяца, чтобы исполнить новые рекомендации Европейской комиссии относительно ситуации с Конституционным судом. (...) Европейская комиссия ждет, что польские власти назначат трех судей, избранных Сеймом предыдущего созыва, опубликуют и исполнят решение Конституционного суда, а также проведут такую реформу КС, которая сделает его судом, независимым от правительства и парламента. По мнению Брюсселя, всего этого новый закон, принятый 22 июля, не гарантирует. Если Польша не выполнит этих рекомендаций, нам грозят санкции, связанные с

приостановлением права голоса в ЕС». («Жечпосполита», 28 июля)

- «В официальном сообщении польского МИДа говорится, что действия Европейской комиссии “носят откровенно преждевременный характер и чреваты для Европейской комиссии утратой авторитета, необходимого для выполнения функций, предусмотренных договорами ЕС”», — из Брюсселя Анна Слоевская. («Жечпосполита», 28 июля)

- «Городской совет Кракова в среду принял резолюцию, в которой подчеркнул, что “в ходе принятия нормативно-правовых актов будет соблюдать все решения Конституционного суда, как это предусмотрено ст. 190 абзацем 1 Конституции Республики Польша”. (...) Подобные резолюции (...) были приняты, в частности, городскими советами Быдгоща, Гданьска, Гожува-Велькопольского, Лодзи (здесь резолюцию отменил воевода), Ольштына, Познани, Сопота и Варшавы». («Жечпосполита», 9 марта)

- «Всего лишь несколько десятков из 2,7 тыс. муниципалитетов приняли резолюцию о своих намерениях уважать решения Конституционного суда. По мнению многих представителей местного самоуправления, такие резолюции принимаются лишь для вида. “Нам не нужны резолюции, чтобы соблюдать закон”, — говорят они». («Дзенник газета правна», 4 авг.)

- «Центральное антикоррупционное бюро (ЦАБ) взялось за муниципалитеты, наведавшись к шестнадцати маршалкам воеводств. (...) Сейчас это выглядит так: сначала масс-медиа сообщают, что ЦАБ начинает кого-то контролировать, а уже потом происходят контрольные мероприятия. Это делается для того, чтобы проинформировать общество, что та или иная организация проверяется, поскольку в чем-то замешана. Таким образом готовится почва для того, чтобы после отъезда из Польши Папы Франциска прямо перед телекамерами бросить представителей оппозиции в тюрьму. (...) На каждого, кто не состоит в ПиС, будут искать уголовную статью», — Ханна Гронкевич-Вальц, мэр Варшавы. («Дзенник газета правна», 1-3 июля)

- «В конфликте вокруг Конституционного суда 48% поляков признает правоту Европейской комиссии, 40% поддерживают правительство Беаты Шидло, а 12% не могут определиться со своим мнением. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 17-18 июня. («Жечпосполита», 30 июня)

- «Венецианская комиссия дала негативную оценку принятому Сеймом в феврале “закону о слежке”». «Комиссия согласилась с большинством замечаний, высказанных общественными организациями, органами самоуправления адвокатов и муниципальных депутатов, Генеральной инспекцией охраны личных данных и Законотворческим бюро Сейма. (...)

Венецианская комиссия выразила свое мнение относительно данного закона в связи с обращением Парламентской ассамблеи Совета Европы, консультационной структурой которой она является». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 11-12 июня)

- «Проф. Ханна Сухоцкая была единогласно назначена почетным председателем Венецианской комиссии, что позволит ей активно участвовать в работе этой структуры, не будучи формально ее членом. В состав Венецианской комиссии Сухоцкая входила с 1991 года, однако в апреле ее полномочия истекли, а министр иностранных дел Витольд Ващиковский заявил, что “не станет вновь выдвигать ее кандидатуру”». («Ньюсуик Польска», 13-19 июня)

- Эва Седлецкая: «Президент отказался назначать десятерых судей, чьи кандидатуры были представлены Национальным советом правосудия». Проф. Адам Стшембош, бывший первый председатель Верховного суда: «Я вижу в этом первые симптомы грядущего разделения судейского корпуса на своих и чужих. И с глубокой печалью воспринимаю нарушение компетенции Национального совета правосудия и присвоение президентом полномочий, которые ему не предоставляют ни правовая норма, ни цели, с которыми она принималась. (...) Такая практика существовала во времена ПНР. Например, в коллегии по уголовным делам Верховного суда не было ни одного судьи, который бы не состоял в польской компартии. (...) Вот и теперь проводится селекция с точки зрения определенной идеологической позиции». («Газета wyborcza», 30 июня)

- «Ассоциация судей “Iustitia” подвергла критике отказ президента Анджея Дуды назначить десятерых судей, представленных Национальным советом правосудия: “Решение президента противоречит статье 179 Конституции”». («Газета wyborcza», 30 июня)

- «Ассоциация “Lex Super Omnia” (“Закон превыше всего”) была создана два месяца назад с целью защитить независимость работников прокуратуры. (...) Создателями ассоциации выступили около 50 следователей, как из Генеральной прокуратуры, так и из других прокуратур. (...) На днях стало известно, что реестровый суд Варшавы отказал в регистрации ассоциации». (Мариуш Ялошевский, «Газета wyborcza», 1 авг.)

- «Сегодня, 15 июня, начинает свою работу портал OKO.press, представляющий Центр общественного контроля; так же называется фонд, который учредила группа репортеров из Общества журналистов». (Ярослав Курский, «Газета wyborcza», 15 июня)

- «Мы живем в эпоху великой конфабуляции. 2 миллиона поляков верят в “смоленский заговор”, столько же наших

соотечественников считают, что “в стране царит разруха”, а две трети сторонников правящей партии утверждают, что в 2009 году в Польше не было роста ВВП. (...) Недавно группа граждан решила создать аналитический центр “Демократия XXI века”. (...) Он будет изучать нашу действительность, а также реагировать на текущие события. Думается, что создание такой ячейки “быстрого реагирования” совершенно необходимо, (...) поскольку лавина инсинуаций, домыслов и просто бессовестного вранья, щедро приправленная высокомерием и презрением к здравому смыслу, заливают нас с невиданной силой», — проф. Радослав Марковский. («Газета wyborcza», 25–26 июня)

• «“Я против того, чтобы в здании Бундестага фальсифицировали историю”, — заявляет Хартмут Кошик, уполномоченный правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств. Речь идет о выставке “Поляки — немцы. История диалога”, которую маршал Сейма Марек Кухцинский вместе с председателем Бундестага Норбертом Ламмертом открыл в одном из зданий немецкого парламента в Берлине. (...) “Имя Леха Валенсы, тогдашнего лидера «Солидарности», даже не было упомянуто. (...) А ведь этот человек, впоследствии награжденный Нобелевской премией, сыграл огромную роль в развитии диалога между поляками и немцами”, — пишет Х. Кошик. Его также возмущает фрагмент текста, из которого следует, что поляки выполнили свои обязательства по немецко-польским договорам, а немцы — нет. По его мнению, это неправда». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 11–12 июня)

• «На выставке, демонстрируемой в кулуарах саммита НАТО и рассказывающей о польском пути в альянс, отсутствовали фотографии президента Александра Квасневского и министра Бронислава Геремека, руководивших страной как раз в то время, когда был подписан — кстати, именно авторучкой Геремека — договор о присоединении Польши к НАТО». («Тыгодник powszechny», 17 июля)

• «По оценкам комиссара Совета Европы Нила Муйжниека, далеко зашедшие перемены в польском законодательстве вызывают серьезные опасения относительно защиты прав человека. (...) Согласно докладу Совета Европы, наиболее тревожные изменения касаются: Конституционного суда, уменьшения бюджета Уполномоченного по гражданским правам, расширения полномочий спецслужб, а также ситуации в общественных масс-медиа. (...) Новый закон о средствах массовой информации, в частности, ограничил прозрачность выборов руководства общественных СМИ. Представитель Совета Европы считает, что слияние должностей министра юстиции и генерального прокурора “представляет серьезную

угрозу независимости прокуратуры”. (...) Правительство Польши с такой оценкой не согласно». (Анджей Гайцы, «Жечпосполита», 16 июня)

• «Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 2-9 июня, 42% поляков считают, что (...) мнение Европейской комиссии об угрозах законности в нашей стране является обоснованным. Противоположной точки зрения придерживаются 34% респондентов, а 24% участников опроса не смогли определиться со своей позицией. (...) 49% поляков считают, что польское правительство должно выполнить рекомендации Европейской комиссии, (...) 35% полагают, что этого делать не нужно. Введения санкций опасаются 45% респондентов». («Газета wyborcza», 16 июня)

• «16 июня 2016 г. Европейская комиссия объявила о начале процедуры против Польши в связи с нарушением нашей страной законодательства ЕС. (...) Польша обвиняется в нарушении директив, касающихся защиты природных зон, флоры и фауны. План по увеличению вырубки лесов в надлесничестве Беловежа может нанести природе непоправимый вред, поэтому Комиссия дала польским властям только один месяц, в течение которого нужно подготовить ответы на все эти замечания (...). Это досудебный этап процедуры, которая может закончиться направлением жалобы в Европейский суд и высокими штрафами. (...) Ранее, с 4 по 8 июня, Беловежскую пуцу посетили эксперты Международного союза охраны природы (IUCN), который является консультационной структурой ЮНЕСКО. (...) Люк Бас из IUCN пообещал, что отчет будет готов через несколько недель». (Агнешка Голембевская, «Дзике жице», июль и август 2016)

• «Когда я беседовал с Папой Бенедиктом, который чувствует себя хорошо и сохраняет ясность мысли, он сказал мне: “Ваше святейшество, это эпоха прегрешений в отношении Творца”. (...) Бог создал мир (...), а мы творим что-то совсем противоположное», — Папа Римский Франциск во время закрытой встречи с польскими епископами 27 июля в Вавельском замке. («Газета wyborcza», 6-7 авг.)

• «В ситуации с Беловежской пуццей 43% поляков признают правоту Европейской комиссии, 33% поддерживают позицию правительства Беаты Шидло, а 24% декларируют отсутствие собственного мнения по данному вопросу. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 17-18 июня. («Жечпосполита», 30 июня)

• «“Необходимо реформировать Евросоюз, это будет конструктивной реакцией на Брексит и может стать также серьезным предложением для Великобритании”, — заявил вчера Ярослав Качинский, комментируя решение британцев. (...) Он подверг критике организованную немецким министром

иностранных дел Вальтером Штайнмайером субботнюю встречу руководителей дипломатических ведомств шести стран-основателей ЕС. “Это может привести к тому, что группа государств создаст разного рода барьеры, к примеру, экономические, и последствия будут совершенно очевидны. Другие страны не смогут с этим смириться”, — подчеркнул Качинский. (Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 25–26 июня)

- «Министр иностранных дел Витольд Ващиковский организовал в Варшаве встречу, которая должна была стать своего рода ответом на субботний саммит шести стран-основателей. Однако на встречу приехали только главы дипломатических ведомств Венгрии, Румынии, Болгарии и Греции, хотя (...) предполагалось, что в столицу Польши приедут все министры иностранных дел 27 стран ЕС». (Енджей Белецкий, Анджей Гайцы, «Жечпосполита», 28 июня)

- «К предложению Ярослава Качинского относительно заключения нового договора о ЕС никто не отнесется всерьез, поскольку это, по сути, приглашение к самоубийственной драке. (...) У Качинского нет ни малейшего понятия о том, что происходит в мире и в Европе, его идеи абсурдны. Он ведет Польшу к краху. Если каким-то чудом ему удастся устроить бунт всех антиевропейских сил в ЕС, это уничтожит всё, что для Польши имеет жизненно важное значение. 15 “старых” членов ЕС спокойно обойдутся без нас. (...) Евросоюз нуждается в большем единении, а не в дроблении. Сегодня более слабые страны будут пытаться укрепить контакты с Германией и Францией», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр и министр иностранных дел. («Жечпосполита», 27 июня)

- «С 1 июля Варшава будет председательствовать в Вишеградской группе (Польша, Словакия, Чехия, Венгрия). По такому случаю в Праге встретились премьер-министры этих четырех стран. (...) “Мы не можем отказываться от политики, цель которой — благо общей Европы. (...) Разного рода экстремисты, предлагающие решения, основанные на искаженном образе действительности, представляют для Европы угрозу”, — заявил премьер-министр Чехии Богуслав Сobotка». (Михал Кокот, «Газета wyborcza», 9 июня)

- «Создавать отдельные группы, крупные или мелкие, не имеет никакого смысла, поскольку существует европейское сообщество. (...) Нам не нужна многоскоростная Европа, равно как не нужны конфронтации между странами Восточной и Западной Европы в Совете ЕС. (...) Выстраивание вокруг Польши союза шести или семи стран — это не решение проблемы», — Эмиль Бок, бывший премьер-министр Румынии. («Жечпосполита», 30 июня)

- «Европейский парламент подавляющим большинством голосов принял резолюцию, 10 пункт которой сводит на нет любые спекуляции на тему распада ЕС: “В то время, когда некоторые государства-члены ЕС могут принять решение замедлить или сократить свою интеграцию, стержень Европейского союза должен быть усилен”, — Ружа Тун, депутат Европарламента. («Газета wyborcza», 2-3 июля)
- «В том, что касается главных вызовов, перед которыми стоит ЕС, (...) Польша сказать особенно нечего. Это связано с тем, что Варшаву интересуют вопросы, не являющиеся первостепенными для политиков других европейских столиц. Польша есть что сказать относительно усиления еврозоны и действующих в ней правил. Нас не интересует участие в банковском союзе, равно как и участие в союзе рынков капитала. Для нас также не являются актуальными вопросы кризиса роста, кризиса задолженности и, более того, механизмов макроэкономического управления “зоной евро”. Не слишком активным было и наше участие в создании стабилизационных механизмов, призванных решить проблемы южной Европы. (...) Никаких идей относительно разрешения миграционного кризиса мы тоже не выдвинули, не считая нашего участия в помощи “третьим странам”. (...) Мы также практически не вовлечены в решение вопросов в области инновационной и климатической политики. (...) В действительности у Польши остаются только две сферы, где она может себя проявить: вопросы безопасности, преимущественно на восточном направлении, и европейская политика соседства. (...) Предложения по реформированию системы договоров ЕС, звучащие из уст польских политиков, не заинтересуют всерьез европейских политических деятелей», — Кшиштоф Блюш. («Дзеньник газета правна», 28 июня)
- «За те полгода, что Польшей правит ПиС, страна оказалась на первом месте (...) в списке стран-членов Евросоюза, которые не желают приводить национальное законодательство в соответствие с директивами и регламентами ЕС либо принимают законы, противоречащие евросоюзным нормам. (...) До недавнего времени за каждый день, в который конкретный закон продолжал не соответствовать законодательству ЕС, провинившаяся страна наказывалась штрафом в размере нескольких десятков тысяч евро. При этом проценты не начислялись, если страна-виновник вносила необходимые изменения в свое законодательство. Однако из-за Польши Европейская комиссия решила скорректировать эти правила. Кроме ранее действующего штрафа, планируется введение дополнительного фиксированного штрафа, сумма которого станет удерживаться с виновника независимо от обычного, ежедневного штрафа и не будет подлежать возврату.

(...) Придется также раскошелиться не только на штрафы, но и на судебные расходы в Люксембурге (Европейский суд) и Страсбурге (Европейский суд по правам человека), которые рассматривают жалобы физических лиц и организаций, касающиеся несоответствия польских законов

законодательству ЕС и расхождения между решениями Конституционного суда и действиями правительства», — Цезарий Михальский. («Ньюсуик Польска», 17-19 июня)

• «ПиС (...) вышвырнет нас из Евросоюза. (...) События будут развиваться так: костяк ЕС возьмет курс на более тесную интеграцию, а Качинский скажет, что мы оказались в изоляции, и нам нужна независимость. Даже референдум проводить не станет. В ближайшее время нас ждут очень сильные колебания настроений в обществе», — Ханна Гронкевич-Вальц. («Дзенник газета правна», 1-3 июля)

• «84% поляков положительно относятся к тому, что Польша состоит в ЕС, 15% — отрицательно. 83% наших соотечественников высказываются за сохранение Польшей членства в ЕС, 15% — за ее выход из Евросоюза. За переход Польши на евро выступают 24% опрошенных, против — 72%. Если бы от введения евро зависело членство страны в ЕС, 49% респондентов согласились бы перейти к европейской валюте, а 43% — нет. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 30 июня. («Жечпосполита», 4 июля)

• «Качинскому удалось невозможное — он умудрился так расколоть общество, что теперь в любой ситуации, какое бы предложение он ни выдвинул, 40% поляков поддержат его, а 60% выступят против. (...) Сегодня в Польше человек может быть либо за ПиС, либо против, и это лучше всего иллюстрирует нынешний политический разлад в нашей стране, позволяя также делать политические прогнозы. (...) Разумеется, такое разделение крайне примитивно, безыдейно, глупо, ошибочно, чересчур персонифицировано и не имеет никакого смысла. Но оно есть! И прекрасно характеризует не только происходящее, но и то, что может случиться в будущем». (Марек Мигальский, «Жечпосполита», 13 июля)

• Поддержка партий: «Право и справедливость» — 32%, «Современная» — 18%, «Гражданская платформа» — 18%, Кукиз'15 — 11%, Коалиция левых сил — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 4%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики — воля и надежда») — 3%, «Вместе» — 3%, не определились с симпатиями — 6%. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 29-30 июля. («Жечпосполита», 4 авг.)

• Фрагменты интервью. С министром национального образования Анной Залевской беседует Петр Заремба. П.З.: «Почему Вы считаете, что четырехлетнее обучение в лицее —

это хорошо?» А.З.: «Потому что именно столько времени нужно, чтобы воспитать элиту Речи Посполитой». (...) П.З.: «Какова роль школы в воспитании национального самосознания?» А.З.: «Это не только экскурсии и патриотические академии, но и направление в определенное русло гражданской активности молодежи, а эта активность в последние годы переживает самый настоящий бум. (...) Это и харцерское движение, и группы реконструкторов». (...) П.З.: «Некоторые с возмущением говорят, что в школы с пропагандистскими целями регулярно наведываются представители Национально-радикального лагеря». А.З.: «(...) Школа должна воспитывать национальное самосознание». («В сети», 4-10 июля)

- «Министр образования Анна Залевская объявила о ликвидации гимназий с будущего учебного года (2017-18). (...) Вместо гимназий появится общеобязательная восьмилетняя школа. (...) После ее окончания ученики смогут выбрать четырехлетнее обучение в лицее, пятилетнее обучение в техникуме либо двуступенчатую пятилетнюю отраслевую школу». (Юстина Сухецкая, «Газета wyborcza», 28 июня)

- «Польская система образования перестает быть совместимой с системой образования на Западе. Восьмилетняя «общеобязательная школа и четырехлетний лицей — это возвращение к временам ПНР, к школьной модели самых мрачных коммунистических времен, (скроенной по примеру СССР — В.К.). Даже слово “общеобязательная” позаимствовано оттуда. (...) Ностальгия по школе времен ПНР проявляется также в стремлении ограничить доступ в школы общественных организаций, а также уменьшить роль самоуправления за счет расширений полномочий кураторов. Приоритетом становится не качество обучения, а неукоснительное исполнение директив министра», — Кристина Шумиляс, бывший министр образования. («Газета wyborcza», 28 июня)

- «Президент Международного еврейского конгресса Рональд Лаудер требует извинений от министра образования Анны Залевской, которая публично усомнилась в участии поляков в уничтожении еврейских соседей в Едвабне, а также в их причастности к погрому в Кельце. Обеспокоенность по поводу высказываний представителей польских властей выразил также американский музей Холокоста». («Ньюсуик Польска», 25-31 июля)

- «Главная проблема погрома в Кельце в 1946 г. заключается в том, что люди погибли на польской земле, от рук поляков. И наше сегодняшнее отношение к этому событию представляется мне очень важным вопросом. (...) Никому не нравится, когда твоих предков, которым ты обязан жизнью, которых любишь, кто-то называет злодеями», — Михал Яскульский, сорежиссер

нового документального фильма «На улице Планты, 7/9», посвященного погрому в Кельце. («Политика», 6–12 июля)

- «Одним из первых решений нового руководителя Института национальной памяти (ИНП) Ярослава Шарека стало увольнение историка Кшиштофа Персака, одного из составителей двухтомного собрания документов, посвященных преступлению в Едвабне». «Одновременно на должность вице-директора ИНП был назначен Матеуш Шпытма, создатель находящегося в деревне Маркова музея, посвященного польской семье Юзефа Ульмы, казненной в 1944 г. за укрывание евреев». (Адам Лещинский, «Газета wyborcza», 29 июля)

- Фрагменты интервью. С Джонни Дэниэлсом, президентом фонда “From the Depths” (“Из глубин”), беседует Михал Плочинский. М.П.: «Вы (...) открыли в деревне Маркова Музей поляков, спасавших евреев во время Второй мировой войны, носящий имя семьи Ульмы». Д.Д.: «Да, только ни одна еврейская экскурсия не поедет специально в Подкарпатье, чтобы его посетить. Кроме того, на торжества, посвященные открытию музея, было истрачено 350 тыс. злотых. Вы представляете, на какое посмешище выставило себя польское государство в ситуации, когда оставшиеся в живых Праведники народов мира голодают? Более того, половина из них даже не была приглашена на открытие музея. (...) Это еще не подтверждено официально, но уверяю вас, что через несколько месяцев Кнессет назначит Праведникам пенсию, что-то вроде ренты от государства Израиль. Они будут получать из Тель-Авива деньги, которые позволят им достойно прожить остаток дней. За этой инициативой стоит Хилик Бар. (...) Я встречался с польскими Праведниками и увидел, в каком ужасном материальном положении они находятся. А теперь впервые в истории Израиль будет платить пенсии людям, не являющимися гражданами этого государства». («Жечпосполита», 11–12 июня)

- «Г-жа премьер-министр Беата Шидло радостно объявила, что несколько сотен миллионов злотых пойдут на создание специальной организации, которая будет защищать доброе имя Польши за рубежом», — Людвик Стомма. («Пшегленд», 8–15 авг.)

- «В США в возрасте 90 лет умер Филип Бласковиц, польский еврей, последний из участников восстания узников в немецком концлагере Собибор. (...) В октябре 1943 г. восставшие освободили сотни узников. Бласковиц был уроженцем Избицы». («Жечпосполита», 9 авг.)

- Фрагменты дискуссии о “проклятых солдатах” — участниках польского послевоенного вооруженного подполья. Анна Хоронжи: «(...) Молодые люди, чьи предки иногда гибли от рук

“проклятых солдат”, вступают в ряды националистических польских организаций». (...) Томаш Сулима: «По моим данным, около 20% националистов в Хайнувке исповедуют православие». (...) Олег Латышонок: «Мы сейчас подходим к обсуждению трагической для нас ситуации, когда православный поляк оказывается таким же чужаком православному белорусу, как поляк-католик». (...) О. Марек Лаврешук: «В церковь в последнее время приходят молодые люди в футболках с надписью: «Всепольская молодежь». (...) Олег Латышонок: «Культ “проклятых солдат” распространен там, где их не было, то есть в крупных городах, и в основном среди молодых людей, которые не помнят тех времен. Там, где действовали “проклятые солдаты”, люди еще помнят, кого и из какой семьи подпольщики убили, так что их трудно заставить поддерживать этот культ». («Пшеглэнд православный», июль 2016)

- «Пропагандистский миф о “проклятых солдатах” ставит своей целью делегитимизировать традицию Комитета защиты рабочих и всей демократической оппозиции, проводившей переговоры с коммунистами за Круглым столом. (...) ПиС объявляет себя наследником “проклятых”, не имея к тому никаких оснований», — Петр Осенко. («Ньюсуик Польша», 18-24 июля)

- «Мэр Пшемисля, исповедующий право-консервативные взгляды, воспрепятствовал проведению в своем городе концерта украинской группы «От винта». (...) Организаторы перенесли концерт группы в Варшаву. Однако пограничники не пустили украинских музыкантов в Польшу». (Войцех Мазярский, «Газета wyborcza», 4 июля)

- «Президент Украины Петр Порошенко, находясь в Варшаве на саммите НАТО, возложил венок, зажег свечку и преклонил колени перед памятником жертвам Волынской резни. Порошенко — первый украинский политик высокого ранга, решившийся на такой жест. (...) Волынская резня началась 11 июля 1943 года. (...). Это была кульминация этнической чистки на Волыни, в ходе которой погибли 17 тыс. человек». (Игорь Щенснович, «Газета Польша цодзенне», 11 июля)

- «“Память о жертвах преступлений, совершенных в 40-х годах украинскими националистами, не была надлежащим образом увековечена, а массовые убийства не получили квалификацию геноцида, как того требовала историческая правда”, — говорится в принятой Сеймом резолюции. (...) ПиС решил форсировать принятие резолюции, (...) объявив 11 июля Национальным днем памяти жертв геноцида. “Я очень сожалею о решении польского Сейма. Мне известно, кто собирается использовать эту резолюцию для своих политических спекуляций. И тем не менее мы должны

помнить слова Иоанна Павла II: «Я прощаю и прошу прощения», — прокомментировал президент Украины Петр Порошенко. («Тыгодник повсехный», 31 июля)

- «В Пшемысле и его окрестностях отношение к украинцам становится все более похоже на отношение к евреям в межвоенной Польше. С некоторого времени в интернете началась настоящая буря: дескать, украинцы скупают наши земли и дома, делают бизнес, фактически управляют городом, эксплуатируют и унижают поляков. (...) Польские украинцы начинают чувствовать себя не гражданами, а мальчишками для битвы. За УПА, за Волынь, за проспект Степана Бандеры в Киеве, за то, что кому-то что-то показалось», — Петр Тыма, председатель Союза украинцев в Польше. («Газета wyborcza», 6-7 авг.)

- «Необходимо сделать все, чтобы Польша стала тем, чем сегодня является Турция, — заявил Ярослав Качинский в 2014 г. — Величие такого рода вполне достижимо. Сначала необходимо сменить власть, а затем реформировать польскую элиту, причем во всех сферах. (...) Определенные силы стремятся к тому, чтобы Польша никогда не стала такой, какой могла бы быть. Необходимо им помешать», — рисовал образ осажденной крепости Качинский. (Ярослав Курский, «Газета wyborcza», 23-24 июля)

- «Мы имеем дело с прирожденным политиком, считающим, что мы можем реализоваться только сообща, и готовым посвятить этому единству всего себя без остатка. Это настоящий государственный муж. (...) Его искренность в описании своих политических начинаний не имеет ничего общего с обычным в таких случаях позерством. (...) Благодаря своей искренности Качинский был (и, возможно, остается) самым проницательным диагностиком болезней Третьей Речи Посполитой. (...) Перед нами — устойчивый к прихотям политической моды интеллект-государственник, который свои знания о мире черпает в основном из собственного опыта, наблюдений и общения с огромным количеством граждан из самых разных слоев общества. (...) Независимость мышления, здравый рассудок и наблюдательность позволяют ему отличить преходящее от незыблемого во всех сферах человеческой деятельности. (...) Качинский умеет не только точно диагностировать язвы Третьей Речи Посполитой (...). Все свою карьеру он посвятил борьбе с ними, а также формированию польского самосознания и польского государства, невзирая на любые неблагоприятные обстоятельства. (...) Невозможно переоценить результативность его работы», — Бронислав Вильдштейн об автобиографической книге Ярослава Качинского «Согласие против единовластия. Из истории СЦ» (СЦ — «Соглашение Центра», польская политическая партия,

непосредственный предшественник Пис — прим. пер.), опубликованной издательством “Знак” («вСети», 27 июня — 3 июля)

- «В прошлом году поляки купили 19 млн упаковок антидепрессантов, доступных только по рецепту. По сравнению с 2014 г. этот показатель увеличился на 1,1 млн, а по сравнению с 2013 г. — более чем на 2,6 млн, сообщает фирма “IMS Health”. Общая сумма закупленных антидепрессантов в 2015 г. составила 301,2 млн злотых. Годом ранее эта сумма была меньше на 22,1 млн, а в 2013 г. — на 35,6 млн». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 25 июля).

Непокорный интеллигент в стране реального социализма

Тадеуш Конвицкий. Фото: Кшиштоф Дубель

После того как роман «Малый апокалипсис» был издан нелегально, Тадеуш Конвицкий попал во все возможные проскрипционные списки и стал одним из самых знаменитых «нежелательных лиц» упоительного периода расцвета ПНР. Поэтому кажется настоящим чудом, что мне вдруг удалось — да еще именно в оруэлловском 1984 году — снять документальный фильм «Прохожий», главным героем которого был автор этой запрещенной книги.

Человеческая память, как известно, обманчива, поэтому я не ручаюсь за точность описания этих давних событий. Кажется, это было ранней весной 1984 года: во дворе варшавской Киностудии документальных фильмов я встретил двух ожесточенно споривших коллег. Еще издали я услышал, что они обсуждают идею фильма о Тадеуше Конвицком. Одним из собеседников был Томаш Мерновский, тогдашний директор Киностудии им. Кароля Ижиковского. Кто был второй — сегодня уже не помню. Я подошел, поздоровался и присоединился к разговору. Оказалось, что молодые кинематографисты решили снять документальный фильм об авторе «Малого апокалипсиса», однако писатель, побеседовав с ними, отверг предложенную концепцию. Очень расстроенные,

мои собеседники размышляли о том, кто бы мог этим заняться. Тадеуша Конвицкого я знал много лет. Обожал его книги и фильмы. И давно мечтал снять о нем фильм, однако при всем моем богатом воображении мне бы и в голову не пришло предлагать подобную тему своему начальству на Киностудии документальных фильмов, поскольку было ясно, что они ни за что не согласятся. Возможно, я сам сказал, что готов за это взяться. А возможно, мне предложил кто-то из них. Были основания надеяться, что Конвицкий одобрит и меня в качестве режиссера, и мою концепцию фильма. Не помню точно, прямо ли там, во дворе киностудии, было принято решение, что автором фильма о Тадеуше Конвицком буду я, или спустя несколько дней или недель. Чтобы понять, каким образом вообще оказались возможны съемки такого фильма, следует хотя бы вкратце рассказать о вышеупомянутой Киностудии им. Кароля Ижиковского. Она была создана по инициативе молодых кинодеятелей летом 1981 года, на волне бурных перемен, связанных с возникновением независимого профсоюза «Солидарность». Это была организация, идея которой родилась в среде кинематографистов и была одобрена властями в качестве своего рода «предохранительного клапана». Права, которыми пользовалась молодая студия, несколько отличались от тех, что регламентировали деятельность других киноструктур — они предоставляли куда бóльшую свободу. Студия выпускала как художественные, так и документальные фильмы — полно- и короткометражные. Руководство, подобно начальству прочих киностудий, было обязано утверждать сценарии в Главном управлении кинематографии, но это касалось только полнометражных художественных фильмов. Другими словами, проект документального фильма о непокорном писателе представлял собой вполне осознанную попытку обмануть руководство социалистической кинематографии, не выходя при этом за рамки существующих инструкций. Киностудия воспользовалась своими привилегиями и, не утверждая сценарий в ГУК, запустила фильм в производство. Разумеется, некоторый риск тут был, и созданный таким образом фильм мог оказаться на полке. Мы не сомневались, что, скорее всего, этим дело и кончится, однако дружно решили, что имеет смысл попробовать — игра стоит свеч.

Как только стало ясно, что съемки состоятся, я энергично приступил к работе. Прежде всего, я решил заново перечитать все книги и пересмотреть все фильмы моего будущего героя. Не скрою: проверка моих юношеских впечатлений оказалась процессом весьма болезненным. По прошествии лет иные прежние восторги уже не были для меня столь очевидны и несколько померкли. Но это не имело особого значения. Тадеуш

Конвицкий по-прежнему интересовал меня как человек и как художник, и я хотел попытаться рассказать о его сложной биографии.

Съемки фильма с рабочим названием «Нисхождение»^[1] я решил начать с большого интервью с моим кумиром. Мы заранее решили, что разговор будет происходить в квартире писателя. Однако незадолго до начала съемок Тадеуш Конвицкий неожиданно передумал и заявил, что нужно найти какое-то другое место. Мол, он по собственному опыту знает, что киносъемочная группа — это разрушительная стихия, сравнимая с набегом татар. Поначалу я запаниковал, но потом меня вдруг осенило. В декабре 1983 г. умер мой дед, последние годы проживший вдовцом. От него осталась квартира в центре Варшавы. Она идеально подходила для съемок: большая, тесно заставленная мебелью и чрезвычайно запущенная. Увидев будущую киносъемочную площадку, автор «Современного сонника» тут же согласился. Писатель походил, поглядел, уселся в приготовленное для него кресло и сказал, что я сделал правильный выбор. Конвицкий понял, что пространство, в котором будет создаваться мой фильм о нем, должно быть значимо для меня, а не для него. И вот началась наша беседа, продолжавшаяся несколько дней. Я не составлял список тем, которые собирался затронуть. Разумеется, у меня имелся определенный план, но не слишком подробный, скорее так, наброски. Меня интересовали жизненные выборы, которые делал автор «Малого апокалипсиса», а также тайны его творческой кухни, и я решил спрашивать обо всем подряд, о любви и дружбе, о повседневной жизни и семье, о книгах и фильмах, о снах и мечтах, о взлетах и падениях. Я был убежден, что моя интуиция, а также доброжелательность и доверие в наших отношениях позволят достичь желаемого результата. Тадеуш Конвицкий согласился с таким форматом встреч под камеру, попросил лишь избегать расспросов, связанных с его жизнью в партизанском отряде и с коротким, но бурным увлечением коммунизмом. О виленских партизанах он не хотел говорить потому, что отряд воевал, главным образом, с Красной Армией, а сие «преступление» не имеет срока давности. Сведение же счетов с коммунистическим прошлым младшего поколения коллег по перу Конвицкий считал неприличными и называл «политической порнографией». Говорил, что по горло сыт этими чистенькими, не первой молодости юнцами, которые с горячным румянцем на щеках пытаются подловить старших товарищей, чтобы продемонстрировать их не слишком чистое белье и таким образом окончательно сбросить с пьедестала. Я согласился, что это серьезные аргументы, хотя понимал, что не смогу учесть их полностью. Я решил, что все же не стану щадить Тадеуша

Конвицкого и спрошу о его тяготении к «новой вере», поскольку без этой детали весь портрет окажется фальшивым. Когда я в конце концов задал свой вопрос, Конвицкий не сумел сдержать раздражения. Кинокамера подробно запечатлела эту бурю эмоций, показывая лицо писателя крупным планом. Он возмущенно отвечает: «Я поддался искушению марксизмом, прежде всего, по очень простой причине, которая для моих ровесников совершенно очевидна, но удивительным образом непонятна младшим поколениям... Из-за разочарования: мое поколение проиграло войну». Затем автор «Малого апокалипсиса» снимает очки, и мы видим совершенно другое выражение лица. Перед нами уже не ласковое лицо «доброты», но суровое, гневное лицо солдата. Звучат слова, произнесенные с явной досадой: «Я мог бы вести себя по-барски, не снисходя до всего этого, с эдакой барской обидой на жизнь, но нет, я пал, пал... Можно сказать, пал на самое дно. Я был на стороне этих аппаратчиков, этих грешников». Это до боли искреннее признание представляется мне одним из важнейших в фильме. Оно родилось в процессе насыщенного разговора под бдительным оком камеры. Подобных признаний за время нашей беседы прозвучало немало. Чрезвычайно важной темой стало искусство. Размышлениям о том, что означает писать и снимать фильмы, рисовать и сочинять музыку, мы посвятили немало времени. Мне с самого начала было ясно, что именно Искусство, вопреки видимости, имеет для нас обоим первостепенное значение. Это мое предположение подтверждается следующим высказыванием писателя: «Единственное, в чем мы преуспели, — это искусство, поскольку искусство есть запись нашего присутствия. Много всего пережив, я пришел к выводу, что если человек пишет, то его не должны сковывать никакие внешние правила, следует слушать лишь свою совесть и запечатлеть свое время так, как диктует старомодная душа». Наш разговор под камеру продолжался несколько дней. Когда он завершился, я понял, что цель достигнута. Было очевидно, что результат превзошел самые смелые мои ожидания. И собеседник, похоже, остался доволен. Через два года в книге «Новый Свет и окрестности» Тадеуш Конвицкий так описал начало нашего сотрудничества:

«Сегодня я играл в фильме. Все было просто. За мной прислали машину, я сел в нее и, словно какая-нибудь кинозвезда, поехал на съемочную площадку. Там, в подсобном помещении, я долго-долго ждал, пока группа управится с юпитерами и камерой, которую заело, и она не включалась. (...) Наконец все заработало, и я напрягался и расслаблялся, изображал свободу, откровенность, непосредственность, а также старался время от времени ничего не изображать, чтобы внезапно стать самим

собой, блеснуть умом, сверкнуть удачной мыслью и внезапно рассмешить беззаботностью, а если получится, то вдруг тронуть легкой сентиментальностью. Одним словом, я играл от всей души, играл в фильме, которому заведомо светит ранг «полковника», то есть с первого дня съемок всем известно, что его положат на полку».

Это яркое и необычайно забавное описание имеет мало общего с реальностью. Тадеуш Конвицкий не ждал «долго-долго» ни в каком «подсобном помещении», поскольку никакого такого помещения попросту не было. Группа состояла из нескольких человек, юпитер был всего один, а камера работала отлично, и ни разу ее не заело. Но обижаться не стоит. В этом описании есть обаяние, юмор, ирония и самоирония, все черты стиля прирожденного беллетриста, каким был светлой памяти Тадеуш Конвицкий. Лишь предположение, что фильм положат на полку, выглядело весьма правдоподобным, но эту гипотезу — на грани стопроцентной уверенности — я отгонял подальше, меня переполняла радость, что фильм все же и несмотря ни на что рождается на свет.

Конвицкий во время интервью действовал согласно собственной стратегии, которую отчасти раскрыл в процитированном выше тексте. У меня была своя. Я точно знал, что хочу узнать и что для меня важно. Я чувствовал, что этому прирожденному рассказчику нужно дать время разговориться. Поэтому часто задавал вопросы стандартные, ненужные, подменяющие собой другие — для, так сказать, затравки. Давал ему разойтись, чтобы затем внезапно и прицельно атаковать вопросом по существу.

Количество киноплетки, с которой мы работали, было в те времена строго регламентировано. Из соображений экономии я держал в руке устройство, при помощи которого можно было включать и выключать камеру. Звук же записывался непрерывно. Этот выключатель я прятал под столешницей, чтобы писатель не знал, когда камера работает, а когда нет. Дело в том, что мне не хотелось раскрывать свою уловку. Камера была в звукозаглушающем боксе, то есть работала практически бесшумно. Однако она стояла так близко, что ухо киношника не могло не уловить момент включения. Я опасался, что Тадеуш Конвицкий, выдающийся писатель, но также и прекрасный кинорежиссер, разоблачит мою злосчастную хитрость. Однако этого не случилось. Конвицкий не слышал, как включается и выключается аппарат. И не потому, что был глуховат. Оказалось, что в его утверждениях, будто сам он себя считает режиссером-любителем, есть доля правды, это не чистой воды кокетство, как я полагал прежде. Съемки с самого начала проходили в атмосфере подлинной эйфории. Все преграды моментально рушились. Первый, самый

главный этап — интервью с писателем — был позади. Я понимал, что снял потрясающий материал, и теперь надо только не уронить планку на следующем этапе работы. С «1984» Оруэлла я тогда не расставался, это была главная моя книга. А на дворе стоял тот самый год. Стоит ли удивляться, что мне хотелось запечатлеть в своем фильме два важнейших праздника тогдашнего строя, 1 мая и 22 июля. «Праздник труда» до 1980 года отмечали очень пышно, это было триумфальное, массовое мероприятие, призванное демонстрировать всеобщую поддержку народной власти. Представители рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции стройными рядами вышагивали по улицам и площадям всех стран «народной демократии». Однако в Польше 1984 года это мероприятие проходило совсем не так. Демонстрации на сей раз носили исключительно камерный, элитарный, несколько застенчивый и чуть ли не конспиративный характер. В Варшаве товарищи маршировали по Гжибовской площади. Небольшая, гротескная демонстрация шла из ниоткуда в никуда. Я отчетливо ощущал, что заканчивается некая эпоха, что это уже декаданс, закат. Подобная же атмосфера царил в день годовщины Июльского манифеста, праздновавшегося на Стадионе Десятилетия. Накануне на монументальном здании Дворца культуры, как обычно, вывесили государственный герб. Водружение орла на стену Дворца я снял покадрово с крыши универмага «Центрум», с этой сцены и начинается фильм «Прохожий». Спустя некоторое время оказалось, что летом 1984 года герб ПНР висел на Дворце культуры в последний раз. Тадеуш Конвицкий шутил, что тут не обошлось без нашего фильма. После летних каникул мы продолжили съемки. Я работал, словно в амоке, веря в успех, на гребне вдохновения. Фильм созрел в моей голове, и я уже совершенно позабыл, что он, возможно, обречен на небытие. В дедушкиной квартире я с энтузиазмом снимал небольшие сценки, лишь несколько из которых вошло в фильм. Там же я поставил фрагмент «Малого апокалипсиса». К автору, которого играл Густав Холоубек, приходят двое соратников по оппозиции, Хуберт и Рысь (Ян Энглерт и Мацей Шарый). Они беседуют о том о сем, пьют водку, наконец Хуберт говорит: «Мы хотим тебе кое-что предложить. От имени товарищей». Обеспокоенный писатель неуверенно спрашивает: «Что вы хотите предложить?» Хуберт решительно отвечает: «Сегодня в восемь вечера ты устроишь самосожжение перед зданием Центрального Комитета». Сегодня уже трудно понять, какое это было для меня счастье — иметь возможность снять сцену из «Малого апокалипсиса», да еще в таком великолепном актерском составе. Ставя фрагменты книги обожаемого писателя, внесенной в

проскрипционные списки и приговоренной к небытию, я испытывал чувство полной свободы. И словно бы не замечал окружающей реальности — военного положения, зеленых человечков на экране телевизора, нападок в прессе, постоянной травли, всеобщей подозрительности, ежедневных сеансов ненависти, продуктовых карточек и арестов.

В процессе съемок мы также запечатлели множество городских сценок. Зачастую это были ситуации, на первый взгляд, не связанные с содержанием фильма. Мы снимали в трамваях и на вокзале, на улицах и на рок-концерте. Оператор, Рышард Гаевский, порой возмущался, что мы зря переводим пленку. Но он был не прав. Почти весь этот съемочный материал пошел в дело.

У Тадеуша Конвицкого имелись свои устоявшиеся ритуалы и маршруты. У него был необычайно четкий распорядок дня. Ежедневно в полдень писатель усаживался за свой столик в кафе Бликле на Новом Свете. Оттуда шел обедать в издательство «Читательник». Потом возвращался — всегда по одному и тому же маршруту — в свою квартиру на улице Гурского. Именно на этом маршруте мы видим героя «Прохожего» в конце фильма. И слышим очень важное высказывание, целиком, за исключением последней фразы, где съемка синхронная, снятое тремя кадрами. Сначала писатель выходит из кафе издательства «Читательник» и по улице Вейской медленно удаляется в направлении площади Трех крестов. Затем Конвицкий переходит Иерусалимские аллеи, а на заднем плане видны очертания зловещего здания Центрального Комитета ПОРП. И, наконец, Конвицкий идет по улице Гурского, а за спиной у него маячит в тумане силуэт Дворца культуры и науки, многократно фигурировавшего в его книгах и фильмах. Эти иллюстративные кадры — прогулка писателя по улицам города — сопровождаются словами: «Важнейшей функцией искусства является помощь ближнему, который, как и мы, ни за что, ни про что обречен пребывать в сей юдоли. А страдает ближний, прежде всего, от одиночества, заброшенности, это наихудшая из кар. Я думаю, что всякая любовь, всякая дружба берет свое начало в безумном, пронзительном, чудовищном чувстве одиночества. Я хочу быть прохожим, которого человек встречает в жизни... Помахать ему рукой, дать знать, что вокруг тоже люди, что он не один».

Эти слова, вне всяких сомнений, можно считать своего рода кредо Тадеуша Конвицкого. Они со всей определенностью свидетельствуют о том, что все его творчество пронизано мыслью о человеческом сообществе, страстной верой, что оно, пусть и хрупко и непросто, но все же возможно. Из этой необычайно важной для меня реплики я также взял название фильма, герой которого — мудрый, остроумный и полный

эмпатии Прохожий.

Решив, что фильм будет открываться сценой монтажа герба на здание Дворца культуры, я подумал, что можно использовать подобный прием и в финале. Камерой для покадровой съемки, установленной на балконе квартиры на ул. Новы Свят, мы несколько часов, вплоть до самых сумерек, снимали автобусную остановку. Этот кадр, сопровождающийся бурной панк-рок музыкой, завершает фильм. Как призыв воспринимаются строки песни Томека Липинского «84 год»:

Звучат последние слова:

Нет, коли плохо тебе, ты не плачь...

Нет, не беги, ведь куда нам бежать...

Нам ломаться нельзя...

Нет, нельзя.

Нет, нельзя!

В октябре приступили к монтажу, а в ноябре фильм был уже готов. Чтобы лучше передать атмосферу тех дней, процитирую несколько записей из дневника, который я тогда вел:

5.10.1984

Я работаю над этим фильмом не хуже обычного, даже лучше. И результат лучше. Работаю без особого напряжения, но фильму это на пользу. Он лучше двух предыдущих, возможно даже, что это самый лучший из моих фильмов. В нем много свободы и непосредственности, гибкости мышления, и нет прежних судорожности, педантизма, аскетизма и сухости. Этот фильм пульсирует, дышит, живет.

29.11.1984

Показ фильма для Конвицкого. Он с женой. Рядом со мной монтажница, Эля Курковская, мы сидим сзади. Я все время смотрю на его спину, пытаюсь по ней определить, что писатель думает о фильме. Мука мученическая. Зажигается свет. Он, лицо совершенно непроницаемое. Когда мы идем по коридору, пани Конвицкая, сжавшись, говорит какие-то слова. В тот же день публичный показ. Зал полон. Фильм принимают на ура. Вдруг оказалось, что все элементы этого сложного паззла образуют гармоничное целое. Интервью-река с Тадеушем Конвицким, наблюдения над повседневной жизнью ПНР образца 1984 года и масса архивных кино- и фотоматериалов сложились в цельное, многоплановое и динамичное повествование о проблемах нашей повседневности. Благодаря герою этого фильма удалось добиться результата, в документалистике встречающегося достаточно редко. Потому что Тадеуш Конвицкий сумел великолепно передать дух времени. Мы встретились в нужный момент. Он ощущал

потребность рассказать о себе, а я хотел и умел его выслушать. Герой моего фильма открылся передо мной на самом деле, а не просто изображал «свободу, откровенность, непосредственность». С полным доверием, абсолютно искренне и очень мужественно он рассказал историю своей сложной жизни. Получился портрет человека, попавшего в мясорубку Истории. Но в этом предельно индивидуализированном портрете легко обнаружить универсальные черты. Говоря о себе, Тадеуш Конвицкий рассказывает и о положении, в котором находились в стране реального социализма все непокорные интеллигенты.

После этого сеанса для супругов Конвицких мне удалось организовать еще два просмотра на территории Киностудии документальных фильмов. Они состоялись 17 и 18 декабря. Оба раза атмосфера была оживленной, а зал трещал по швам, поскольку в городе уже пошли слухи, что фильм «неблагонадежный». И тут начались серьезные проблемы. Попытка организовать еще один показ провалилась, а рабочая копия фильма исчезла из монтажной при загадочных обстоятельствах. Воцарилось глубокое молчание. Я совершенно не понимал, что происходит, хотя, разумеется, догадывался. Через несколько лет, уже во времена Третьей Речи Посполитой, ко мне в руки попали документы, проливающие новый свет на те события. Один из них — письмо от 27 декабря 1984 года, в котором директор варшавской Киностудии документальных фильмов Чеслав Санделевский информирует тогдашнего шефа кинематографии Ежи Байдора о том, что он наказал нескольких сотрудников Киностудии и просит одобрить его решение. Шеф кинематографии передал эту бумагу секретарю ЦК ПОРП Вальдемару Свиргоню, приписав от руки: «Одобряю». К документу прилагается служебная записка, из которой следует, что «21 декабря 1984 года состоялось совещание, посвященное организованному на Киностудии документальных фильмов показу киноленты под названием „Нисхождение“, снятой на Киностудии имени К. Ижиковского режиссером Анджеем Титковым; на показе присутствовали представители художественной среды, связанные с оппозиционной деятельностью, а также иностранцы». На этом документе — приписка рукой Ежи Байдора (адресованная, видимо, секретарю ЦК Вальдемару Свиргоню): «P.S. Одновременно сообщаю, что в связи со сложившейся ситуацией режиссер А. Титков лишен заграничной стипендии (в Норвегии)».

Другой документ — анонимное «Приложение к ежедневному рапорту за 30.12.1984». Эта четырехстраничная записка представляет собой критический анализ деятельности Киностудии им. Кароля Ижиковского, а также подробный

разбор моего фильма и связанных с ним событий. Уже первая фраза вселяет ужас: «В 1984 г. на Коммунальном предприятии «Киностудия им. К. Ижиковского» режиссер Анджей Титков, который известен своей антисоциалистической позицией, снял сорокаминутный фильм под названием „Нисхождение“, представляющий собой кинопортрет Тадеуша Конвицкого». Затем ужас постепенно нагнетается: «Сопровождаемые рассказом Т. Конвицкого кадры, в которых присутствуют партийные лидеры — Б. Берут, Вл. Гомулка, Э. Герек, ген. В. Ярузельский — на фоне встреч, митингов и демонстраций, имеют однозначно антисоциалистическое звучание». И, наконец, зловещий финал: «Фильм о Т. Конвицком до сих пор не получил оценки Главного управления по контролю над прессой, публикациями и зрелищами и не был представлен Киностудией на рассмотрение. Несмотря на это, Анджей Титков хитростью организовал на территории варшавской Киностудии документальных фильмов два просмотра киноленты, один 17 декабря, второй — 18-го, на которые пригласил около восьмидесяти человек. Среди приглашенных — люди, занимающие однозначно антисоциалистическую позицию, такие как: Виктор Ворошильский, Анджей Дравич и Анджей Лапицкий, а также представители Посольства США в Варшаве и западные журналисты».

Далее в письме анализируется деятельность Киностудии, сообщается, что на сегодняшний день там создано уже семь фильмов, не разрешенных к прокату по причине их нежелательного идейного звучания. Из текста, однако, явствует, что лишь фильм о Тадеуше Конвицком и два показа, которые я «хитростью» организовал, представляют подлинную угрозу для социалистического строя. Угрозу столь серьезную, что эту бумагу получила вся партийная верхушка: Войцех Ярузельский, Казимеж Барциковский, Юзеф Чирек, Збигнев Месснер, Тадеуш Порембский, Ян Гловчик, Флориан Сивицкий, Вальдемар Свиргонь, Мечислав Ф. Раковский, Витольд Навроцкий, Казимеж Жигульский.

Потом наступили Рождество и Новый год, так что ничего не происходило, но уже в январе ход событий неожиданно ускорился. Поскольку человеческая память обманчива, а я продолжал вести дневник, процитирую несколько записей, которые показывают, как назревала не слишком удачная для меня кульминация этого сюжета.

10.01. 1985

Все крутится вокруг фильма о Конвицком. На встрече в костеле я познакомился с Тадеушем Шимой, от которого узнал, что цензура вырезала упоминание о моем фильме из интервью Вайды еженедельнику «Тыгодник повшехный». Кроме того —

отсутствие решения по фильму, отсутствие решения, уже само по себе являющееся решением. (...) Изменение Министерством вердикта относительно моей стипендии. Много всего. Несколько бессонных ночей. Несколько ночей, когда просыпаешься на рассвете и не можешь уснуть...

14.01.1985

Сегодня фильм смотрит цензура. И снова никакого решения. Один из них, какая-то важная шишка, мне: «Что ж, о фильме много говорят, мы не можем это так оставить». К тому же еще висящая в воздухе двусмысленность. Мы с цензором в одном зале, словно по одному и тому же делу, словно объединившиеся против фильма. И во мне какое-то чувство неловкости вместо радости и гордости за удачный фильм. Да и фильм уже не мой. Он живет собственной жизнью, пуповина перерезана, он обособился, отвалился от меня. (...) Потом фильм вернули. Шофер из цензуры подошел и поздравил. Киномеханик взволнован — мол, такие шишки смотрели фильм, Свиргонь, Миргонь, еще какие-то члены и секретари.

15.01.1985

Фильм забрали на какой-то очередной просмотр. Якобы в воеводском Комитете. Караул!

17.01.1985

И вот наконец сегодня — Байдор. Началось с ора. У меня вдруг возникло ощущение, будто все это меня не касается, будто мужик этот из другой игры — зарвавшийся, претендующий на то, на что не имеет права. Ну да! Но, может, это он в игре, а я нет, поскольку абсолютно не признаю его власть надо мной. Но он ведь говорит от лица этой власти, которой служит, ее именем. (...) Так что же имеет мне сказать господин министр? Что я нарушил закон, поскольку художник не имеет права показывать свой фильм без визы цензора. Что я несу ответственность за сложившуюся ситуацию. «Вы устраиваете показы, демонстрируете фильм публике, причем определенному контингенту». И добавляет, что в наказание у меня отобрали стипендию. Я: «А вот это, по-моему, некрасиво». Он: «Если бы вы вели себя прилично, мы могли бы обсудить, что такое красиво и что такое некрасиво».

Итак, в ходе этого единственного, довольно неприятного и утомительного разговора я узнал, что лишен весьма соблазнительной стипендии, которую дал мне вовсе не министр Байдор, а правительство Норвегии, и возможности снять художественный фильм по роману Марека Хласко «Сова, дочь пекаря». В результате этой беседы, а также всевозможных закулисных манипуляций, о которых я тогда не имел понятия,

фильм «Прохожий» был положен на самую верхнюю полку, а сам я получил уже не первый в моей жизни «волчий билет». 22 апреля 1985 года меня вызвали «для беседы» в Главное управление по контролю над прессой и зрелищами, иначе говоря, в Управление цензуры. Это мрачное учреждение представляла милая, красивая и очень неглупая женщина. То, что происходило между нами, напоминало скорее шахматную партию, нежели боксерский матч. Пани цензор была решительна и настойчива. Я тоже твердо стоял на своем, но проявлял гибкость. Первой жертвой стала сцена из «Малого апокалипсиса». Пани цензор хотела вырезать ее полностью. В конце концов порешили на том, что я уберу только слова «Центрального комитета партии». Теперь текст звучал так: «... чтобы ты сегодня в восемь совершил самосожжение у здания...». После этого слова идет резкая, жесткая и недвусмысленная смена кадра. Я сражался за каждую склейку, за каждое слово. Какие это были слова и кадры, я сегодня уже не помню. Пани цензор точно требовала вырезать кадр с генералом Ярузельским в толпе на стадионе Десятилетия в день Праздника национального возрождения, то есть 22 июля. Мне было жаль этого кадра, но из стратегических соображений, чтобы спасти несколько других, я уступил. В общем, вмешательства оказались не слишком серьезными и носили скорее косметический характер. В целом я остался доволен, уверенный, что отвоевал то, что возможно, и пожертвовал тем, что и так было не спасти. В какой-то момент между нами произошел весьма характерный диалог. Она: «Войдите в мое положение». Я: «А вы — в мое...»

Фильм таким образом получил пресловутую «визу цензора», однако на его статусе это никак не отразилось. «Прохожий» продолжал лежать на полке. Несмотря на активные старания коллег по Киностудии, руководство кинематографии не дало разрешения на участие фильма в Кинофестивале в Мангейме. Фильм также не приняли на Краковский кинофестиваль, под предлогом, что он на несколько минут длиннее, чем полагается. В конце концов я сам послал его на проходивший во Вроцлаве не очень приметный фестиваль «Фильм за пределами кинотеатра». Но узнав, что «Прохожий» — в числе возможных призеров, забрал его, не потому что испугался, а из тактических соображений, ведь я-то как раз страстно желал, чтобы мой фильм показали в кинотеатрах.

Вскоре со мной связался Гжегож Богута из хорошо мне известного Независимого издательства «НОВА»: сообщил о создании предприятия «ВИДЕОНОВА», целью которого является распространение видеокассет с фильмами — «полковниками», и предложил отдать им «Прохожего». Я охотно согласился. Вот тогда я и выкрал из

монтажной цензурированную рабочую копию «Прохожего», чтобы переписать ее на электронный носитель. Эту операцию удалось осуществить благодаря неоценимой помощи Яцека Петрицкого. «ВИДЕОНОВА» начала свою деятельность с «Допроса» Рышарда Бугайского, а на второй кассете уже был мой «Прохожий», вместе с документальным фильмом «Есть» Кшиштофа Краузе. Эти кассеты, как и книги, издаваемые «НОВОЙ», пользовались большим успехом. Таким образом фильм, обреченный властями на небытие, приобретал известность. Его демонстрировали на закрытых и открытых, нелегальных, полуполигальных и вполне публичных показах, в залах церковных общин, в подвалах и на чердаках, в университетских аудиториях и на частных квартирах, а я, хотя уже имел на своем счету ряд достойных фильмов, прославился, главным образом, как режиссер «Прохожего». Кроме того, я получил премию «Солидарности» по культуре за 1984 год. Лишь в феврале 1987 года фильм был передан в «малый» прокат и показан в нескольких Дискуссионных кино клубах. Осенью того же года я пытался убедить Главное управление кинематографии разрешить совместный показ «Прохожего» и художественного фильма Роберта Глинского «Воскресные игры», также снятого на Киностудии им. Кароля Ижиковского. Однако и эта инициатива, вследствие упорного сопротивления непреклонного шефа кинематографии Ежи Байдора, осталась неосуществленной. И наконец, для полноты картины следует добавить, что первый вполне официальный показ этого фильма состоялся по общественному телевидению осенью 1989 года.

Перевод Ирины Адельгейм

---

1. Аллюзия на книгу Т. Конвицкого «Вознесение» — Прим. пер.

Тадеуш Конвицкий — писатель в изгнании

В «Малом апокалипсисе» Тадеуш Конвицкий писал: «(...) я этот город чуточку люблю, не так сильно, как эти своры лакействующих артистов, каковые любят крепко, до безумия, любят за деньги (...)»^[1]. И все же Варшава оказалась для его творчества пространством не менее важным, чем родная Долина на Виленщине, хоть и представляла собой ее противоположность. В столицу Конвицкий переехал в 1947 году из Кракова, вместе с редакцией журнала «Одродзене», где работал корректором. Город лежал в руинах. В сравнении с очарованием долины реки Вильни, по которой по-прежнему тосковал автор «Трясины», Варшава решительно проигрывала. Именно такой образ столицы — грязного, серого и мрачного города — запечатлел Конвицкий в своей прозе. На восприятие писателя повлияло и то, что Варшава стала для него местом изгнания.

Отношение Конвицкого к польскости было специфическим. Он часто подчеркивал свою автономность, всегда представлялся литовцем, хоть и не имел в виду национальные различия. Речь скорее шла об иной — тамошней — ментальности, ином мировосприятии, то есть совершенно ином опыте, нежели тот, что имелся у его коллег, выросших в Царстве Польском. Таким образом, Конвицкий постоянно обрекал себя на положение эмигранта, человека, в силу обстоятельств вынужденного строить жизнь на новом месте, с которым он себя, в сущности, никогда не отождествлял. Его творчество и жизненную мудрость питала Виленщина. Воплощенный писателем образ Варшавы заставляет предположить, что Конвицкий этот город не любил, хотя это не совсем так. В разговоре со Станиславом Бересем он говорил: «Варшаву я описываю только потому, что живу в этом городе и хочу это как-то выразить. Столица не могла не появиться в «Малом апокалипсисе», но там я говорю о ней словно бы безразлично. Она меня совершенно не волнует. Я, правда, пытаюсь что-то предпринять, стараюсь, например, чтобы Дворец культуры значил больше, чем он значит в реальности, подстегиваю этот мир, спасаю его, как умею, но, в сущности, все мои усилия тщетны»^[2].

Мне, однако, это равнодушие по отношению к столице представляется несколько показным; возможно, оно

объяснялось стремлением сохранить свою автономность — образ человека оттуда.

Конвицкий создал собственный варшавский мир, подобно тому, как создал Долину. Доказательством может служить, в частности, организованная в 2012 году прогулка по Варшаве Конвицкого. Улица Гурского, улица Новый Свят, кафе при издательстве «Читательник», Дворец культуры — места, уже неотделимые от фигуры писателя. Как отмечал в разговоре с Бересем сам Конвицкий, сюжеты его книг могут разворачиваться только на Виленщине или в Варшаве — попытки перенести действие в какое-либо другое место заканчиваются фиаско^[3].

Клеймо ПНР

Столица, куда Конвицкий попал спустя всего два года после расставания с Виленщиной, не могла не показаться ему местом чрезвычайно мрачным. Человеку, воспитанному в совершенно иной реальности, родившемуся и выросшему, как он сам говорил, на краю света, привыкшему к близости природы, было трудно адаптироваться к этому миру. Отсюда у Конвицкого персонажи, блуждающие по Варшаве, но мысленно, в мечтах переносящиеся в Долину. Город в его прозе — пространство, не способное дать своим обитателям ничего ценного, место, где даже быт требует определенных навыков и знания правил игры. Купить что-либо практически невозможно, повсюду огромные очереди, попытка решить какой-либо вопрос в государственном учреждении, как правило, оборачивается абсурдом, требует задействования целой цепочки знакомств, а нередко также и взятки. Проблемы эти порождены реальностью ПНР. Вынужденные существовать в подобных условиях, люди стараются просто выжить, отказываясь строить планы на будущее и добиваться своих целей, что ведет ко всеобщему оцепенению и практически полному безразличию к окружающему миру. Особенно ярко это состояние общества отражено в «Малом апокалипсисе», где, по сути, никто никого не слушает^[4]. Повествователь — несостоявшийся писатель и «пророк», который утверждает, что ему не удастся донести свои идеи до широкого круга слушателей. Общество не слышит художников-пророков. Столь же равнодушно оно к тому, что пытается сообщить ему власть, о чем наглядно свидетельствует повальная привычка смотреть трансляции важных политических событий, выключив звук. Очевидно также, что и власть, в свою очередь, остается глуха к каким-либо требованиям со стороны общества. При описании столпотворения на варшавских улицах подчеркивается животное начало человека. Повествователь уподобляет людские толпы «табунам», утверждает, что они

«(...) мчали, словно суетливые грибники. Обнюхивали торговые точки, (...) искали поживы (...)»^[5]. В «Вознесении» толпа предстает бесформенной серой массой, хаотично перекаत्याющейся по улицам Варшавы — словно вода, вливающаяся в каждую щель. Несколько более индивидуализированы персонажи, которых встречает герой «Подземной реки...» Седьмой; здесь, а также в «Зверочеловекомороке», меньше подчеркивается запруженность столичных улиц. В этих двух книгах писатель изображает государственных служащих, художников, домохозяек, инженеров и т.д. — социальный срез общества. Однако вне зависимости от того, идет ли речь о социуме в целом или отдельных личностях, все погружены в апатию, заторможены, не видят смысла в какой бы то ни было деятельности, создании чего-то нового. Варшавяне в творчестве Конвицкого лишены идеи, которая могла бы вывести их из состояния летаргии, и единственной целью общества становится монотонная повседневность. В состоянии оцепенения пребывает также вся инфраструктура города и печальные клочки природы, пытающиеся выжить в сером городе. «Почерневшие кусты сирени», «рахитичные деревца», «одичавший парк», «обкусанный луг» — вот лишь некоторые из определений, которые использует повествователь, описывая варшавскую реальность. Дома ветшают, рушатся, от крыш отваливаются куски жести и черепица. Подобно людям утомлены и машины — вездесущие танки, трамваи и автомобили, которые обычно не едут, а катятся, стонут, мчатся и т.д. При описании их повествователь неизменно использует лексику, отсылающую к чувству истощенности и страдания. В «Подземной реке...» на столичных улицах стоит тревожная тишина, в «Вознесении» и «Малом апокалипсисе» Варшава гудит — тарахтят моторы, из громкоговорителей доносятся официальные сообщения. Неотъемлемым элементом варшавского мира является также не стихающий, навевающий тревогу ветер. Вездесущая милиция то и дело останавливает граждан, контролируя буквально каждый их шаг. По каким-то загадочным причинам постоянно отключают воду, газ и свет. Грязные улицы украшаются к государственным праздникам, толпы равнодушно скандируют лозунги на патриотических демонстрациях и шествиях. По причине хронического, почти тотального дефицита вместо многих вещей используются имитации, например, в витрине мясного магазина вместо колбас выставлены пенопластовые муляжи — декорации к празднованию сороковой годовщины Польской Народной Республики. Центр столицы — Дворец культуры и науки, много раз

описанный Конвицким и ставший в его прозе своего рода азимутом, неотъемлемым элементом города. Можно заметить, что автор испытывает по отношению к этому зданию одновременно неприязнь и привязанность: с одной стороны, в его книгах звучит немало критических замечаний в адрес Дворца культуры, с другой, он присутствует почти во всех варшавских романах писателя, а в «Вознесении» становится местом действия финальной сцены.

Виленские черты

Однако, несмотря на удручающий характер реалий социалистической Варшавы, в ее образе можно обнаружить виленские черты, что не раз отмечали исследователи, в частности, Ян Вальц^[6]. Об этом спросил Конвицкого Станислав Бересь, писатель же ответил довольно уклончиво: «Безусловно! Не Бещады, не Нижняя Силезия, а просто Виленская колония, наперекор течению времени перенесенная в ПНР. Это жест самозащиты, понимаете? В свое время я два года прожил в Кракове и полюбил этот город, но в литературном смысле он мне ничего не дал. Ни «драйва», ни запала, ни энергии. Впрочем, подобным образом обстоит дело и с Варшавой (...) Лучше всего я себя чувствую, когда помещаю персонажей в пространство своего детства, по-всякому приспособливая его к дню сегодняшнему. Единственное исключение, пожалуй, — Варшава, к которой я все же в конце концов привык. Но и тут возникают пейзажи моей молодости. Разумеется, не буквально, я имею в виду скорее настроение, ауру или магию»^[7]. В самом деле, в образ уставшего бетонного города вкрадываются интонации загадочности. Плутания героев Конвицкого по улицам столицы отсылают к атмосфере виленских лесов, описанных, например, в «Трясине». С одной стороны, это территория знакомая и, казалось бы, освоенная, с другой, настолько изменчивая, что город кажется живым, самостоятельным существом. Поэтому герои никогда не ощущают себя в полной безопасности, «дома», вне зависимости от того, шагают ли они по улице или ложатся спать в собственной квартире. Подобным образом воздействует и упомянутая писателем магия. Неведомо откуда появляются одни люди и исчезают другие, по ночам в городе орудует убийца по прозвищу Вампир, о котором ходят легенды. Особенно ярко это ощущается в «Вознесении», онтологический статус героев которого с трудом поддается определению. Если считать, что главные герои «Вознесения» — блуждающие по Варшаве призраки, а к такой мысли подталкивает читателя и сам автор, можно сказать, что Варшава, подобно Виленщине, предстает пространством, где естественным образом сплетаются два мира: мир живых и мир

умерших. Интересно, что приемы, способствующие созданию этого специфического настроения, весьма сложно уловить. Мы ощущаем: что-то происходит, однако, что именно — непонятно, и это еще больше усиливает таинственность повествования.

В варшавских джунглях есть точки, где герои останавливаются чаще обычного. Это всевозможные заведения, закусочные и бары, порой подпольные, порой вполне легальные. Продолжая сравнение города с дремучим лесом, можно уподобить их полянкам, которые служат местом отдыха. При этом нередко оказывается, что именно здесь бурлит жизнь, именно здесь встречаются яркие личности, которых так не хватает в повседневности захлестывающей улицы серой толпы. Именно здесь соприкасаются разные слои общества — их представители вместе проводят свободное время и топят печаль в алкоголе. Вспыхивают романы и обдeldываются темные делишки. Появляются мелкие жулики, стриптизерши и женщины легкого поведения, лица значительные и влиятельные, порой даже представители власти, художники, а то и участники похорон соберутся на поминки. Эта «сборная солянка» отчасти напоминает социум долины Вильни.

Таинственность и тревогу навевают также поведение главных героев. В «Вознесении», «Малом апокалипсисе», «Подземной реке...», «Польском комплексе» и «Ничто или ничего» персонажи находятся в постоянном движении. Как правило, в самом начале повествования герой покидает квартиру и начинает свои скитания по городу. Главные события разворачиваются именно на улицах и в окрестных питейных заведениях. Постоянные перемещения, с одной стороны, поддерживают динамику текста, с другой, вызывают тревогу, поскольку заставляют задуматься над причиной этих блужданий, как правило, достаточно горькой. Ведь герои бродят по Варшаве, скрываясь от властей, пытаясь что-то понять в себе или переосмыслить собственную жизнь.

Одновременно они напоминают обычных безымянных прохожих, появление и исчезновение которых остается никем не замеченным.

Два мира Конвицкого

Двухчастность пространства в творчестве Конвицкого бросается в глаза, это отмечали все исследователи его прозы.

Однако обычно при анализе исходят из простого противопоставления: Вильно — Варшава, деревня — город, край детства — место эмиграции. Как нам кажется, проблема требует более глубокого рассмотрения.

Реалии социалистической Варшавы, среди которых протекала жизнь Конвицкого, и которые он так часто клеймил в своих романах, как раз и породили лейтмотив Долины в таком виде, какой предстает перед нами в тексте. Долина —

художественная реакция писателя на окружающую действительность. Можно предположить, что оказался Конвицкий в другом уголке страны, этот мотив все равно бы прозвучал в его прозе, однако трудно сказать, какую бы он принял форму. Поэтому если варшавские реалии в значительной степени определили образ виленской Долины, то можно сделать вывод, что автор отождествлял Виленщину с ценностями, которых не хватало ему в столице.

По словам Анны Фиалкевич-Сэнь, особенно в «Малом апокалипсисе» поражает раскол между реальностью и созданной коммунистами вымышленной действительностью. Слова, как выясняется, утратили всякую ценность.

Злоупотребление и манипулирование их смыслами привело к ситуации, когда многие ценности размыты, а общество глухо к каким бы то ни было сообщениям со стороны властей^[8]. В качестве примера исследовательница приводит гротескную сцену обрушения моста, пролет которого падает прямо на проплывающий по реке лозунг «Мы построили социализм!» Заметим, что подобным образом обстоит дело и с развешанными по всему городу неоновыми вывесками, которые часто упоминаются в тексте. Украшающие обветшавшие здания, жителями они уже просто не воспринимаются.

Об отсутствии идеи, которая могла бы воодушевить общество и заставить людей действовать, писатель утверждает во всех своих книгах, посвященных эпохе ПНР. Милош Клобуковский отмечает, что специфическое превосходство Виленщины заключается именно в том, что ее обитатели сохранили этос и традиции, что помогло сберечь и определенные модели поведения^[9]. Польское же общество, устав от перманентной несвободы, в определенный момент не столько отвергло и отринуло, сколько утратило ряд моделей и ценностей, вследствие чего они оказались размыты и перестали функционировать. Таким образом, постоянные «возвращения» в Долину порождены идеологической пустотой и апатией, в которую погружено общество. Виленщина видится столь заманчивой именно потому, что там эти ценности живы, пускай даже они не всегда могут быть применены на практике: этой проблеме посвящена «Трясина» — горькое повествование о невозможности существования в соответствии с высокими нравственными образцами. Упомянувшийся уже Клобуковский замечает, что и в образе Полека Крывко, героя романа «Дыра в небе», также воплощен конфликт высоких идей с реальной жизнью — еще один пример того, как Конвицкий расколдовывает мир в своей прозе^[10].

Глубокая пропасть между помыслами и реальностью не

означает, однако, что от этих идей и ценностей следует отказаться. Даже неосуществимые, они служат для общества своего рода моральным стержнем. Воспитанные на их основе, люди способны строить свои личные иерархии и системы ценностей, стремиться к осуществлению конкретных целей, в свою очередь, воздействуя и на общество в целом. Судя по тому, что тема размывания понятий и ценностей в современном мире звучит во всех книгах Конвицкого, эта проблема видится писателю одной из важнейших. Описываемая автором Долина, сохранившая свой провинциальный дух и автономность по отношению к Европе, оказалась последним форпостом четких норм. Это стало причиной ее постепенной гибели, поскольку цивилизация со всеми ее неизбежными последствиями добралась и сюда. Об этом говорит повествователь и герой «Малого апокалипсиса»: «И я вдруг почувствовал себя старым, но осознание этого вовсе меня не огорчило. Мой мир был более красочным, мир строгой иерархии, мир социальной несправедливости, мир жестокой борьбы за быт. И моя борьба была иной, и моя пассивность была иной. И падение как бы ниже, и взлеты как бы выше, я знаю, это самочувствие уходящего в небытие поколения. Я знаю, нынешнее время потребует от них ничтожности и величия, наверняка таких же, как и наши ничтожность и величие, хотя и приспособленных к масштабам будущего. Но, Богом клянусь, их мне жаль, а себя не жаль»^[11].

Бремя сознания

Подобно своим героям, Конвицкий всегда был индивидуалистом. Причины подобной установки — не пристрастие к романтическому уединению и одиночеству художника. Истоки мироощущения писателя следует искать в его текстах. Герои Конвицкого — люди, не вполне приспособленные к окружающему миру, поскольку они не способны закрыть глаза на повальную девальвацию ценностей и размывание нравственных норм. А примириться с этим они не могут после соприкосновения с пространством Долины, то есть миром, где присутствует четкая иерархия ценностей и четко разграничены понятия. Все это воздействует на сознание героев, заставляя их негативно оценивать окружающую реальность. Трагизм положения персонажей Конвицкого заключается в том, что возрождение системы ценностей невозможно без революции, но невозможно и возвращение в Долину — утраченный мир. Таков, очевидно, и опыт самого писателя, которому нравственные принципы не позволили идентифицировать себя с Варшавой. И все же есть основания полагать, что к столице Конвицкий не просто притерпелся, но в определенной степени и привязался,

хотя его отношение к этому городу с трудом поддается определению. На протяжении большей части жизни Варшава была для Конвицкого домом, в своем творчестве он уделил ей массу внимания, пусть столица и виделась противоположностью мифологизируемой Долины. В Вильно писатель ехать не хотел, поскольку, подобно многим своим коллегам, считал, что это уже совсем другой город. Конвицкий не покидал Варшаву, ежедневно совершал прогулки, посещал одни и те же места. Все это, вопреки его собственным словам, свидетельствует о некоторой укорененности. Автор стал важной частью городского фольклора, а Варшава, в свою очередь, заняла в его жизни важное место.

Перевод Ирины Адельгейм

---

1. Тадеуш Конвицкий, Малый апокалипсис : Пер. А. Ермонского. — М. : Радуга, 1995.
2. T. Konwicki, Pół wieku czyśćca, rozm. S. Nowicki [S. Bereś], Warszawa 1990.
3. T. Konwicki, Pół wieku... op.cit.
4. A. Fialkiewicz-Saignes, Mała apokalipsa, czyli udana profecja [w:] Kompleks Konwicki. Materiały z sesji naukowej zorganizowanej w dniach 27—29 października 2009 r. przez Wydział Zarządzania i Komunikacji Społecznej UJ oraz Wydział Polonistyki UJ, red. A. Fiut, T. Lubelski, J. Momro, A. Morstin-Popławska, Kraków 2010.
5. Тадеуш Конвицкий, Малый апокалипсис : Пер. А. Ермонского. — М. : Радуга, 1995.
6. J. Walc, Nieepickie powieści Tadeusza Konwickiego, „Pamiętnik Literacki” 1975, nr 66.
7. T. Konwicki, Pół wieku... op.cit.
8. A. Fialkiewicz-Saignes, Mała apokalipsa... op.cit.
9. M. Kłobukowski, „Traktat o tragiczności i błazeństwie” czyli Tadeusza Konwickiego kompleks tragiczny [w:] Kompleks... op.cit.
10. Там же.
11. Тадеуш Конвицкий, Малый апокалипсис : Пер. А. Ермонского. — М. : Радуга, 1995.

Культурная хроника

Лето, как всегда, изобиловало фестивалями — преимущественно музыкальными и кинематографическими, но и литературными тоже.

Называться летней культурной столицей на Балтике по праву может Сопот. В конце августа здесь уже в пятый раз проводился фестиваль «Литературный Сопот». Ведущей темой стала израильская литература. Подготовлены были также выставка «Наши израильтяне», посвященная судьбам польских евреев в Израиле, и инсталляция Кристины Пиотровской «Я уехал, уехал из Польши, потому что...» Состоялась книжная ярмарка, прошли встречи авторов с читателями, были проведены литературные мастер-классы для детей и молодежи. На балтийский курорт прибыли представители современной израильской литературы, в частности, Этгар Керет, один из наиболее популярных писателей среднего поколения. В Сопот приехали также польские писатели: Евстахий Рыльский, Гражина и Войцех Ягельские, Марек Краевский, Цезарий Лазаревич, Анджей Барт. В дебатах «Эмиграция-68» в качестве гостей выступили Петр Осенка — автор книги «Мы, люди из Марта. Автопортрет поколения 1968 года», Михал Собельман — пресс-секретарь посольства Израиля в Польше, переводчик ивритоязычной литературы и сценарист документального кино, Мацей Заремба-Белявский — мартовский эмигрант, известный шведский журналист польского происхождения. А еще в Сопоте звучала музыка. В начале августа здесь прошел шестой Международный музыкальный фестиваль «Energa Sopot Classic». На подмостках Лесной оперы состоялся большой оперный гала-концерт с участием выдающейся польской певицы, сопрано Александры Кужак. А на музыкальной площадке аквапарка можно было послушать концерт «Музыка для кино», специальным гостем которого был выдающийся польский композитор, обладатель «Оскара» за музыку к фильму «Волшебная страна» Ян А.П. Качмарек. Концерт музыки барокко в исполнении ансамбля «La Stagione Frankfurt» прошел в храме св. Георгия, а завершился фестиваль необычным бесплатным концертом под открытым небом, на пляже, — «Vivaldi contra Piazzolla».

Конечно же, в Сопоте не могло обойтись без джаза. Ведь именно в этом городе 60 лет назад состоялся первый Всепольский фестиваль джазовой музыки (среди инициаторов мероприятия

были Леопольд Тырманд и журналист Францишек Валицкий). В нынешнем году за главный приз фестиваля «Джаз свободы» (27 августа) сражались пять коллективов. Музыканты выступали в Курортном сквере возле знаменитого сопотского мола. Дополнительной «фишкой» стало чтение культового криминального романа «Злой» Леопольда Тырманды и показ трех документальных лент, посвященных пианисту и композитору Кшиштофу Комеде-Тшцинскому. В заключительном концерте фестиваля принял участие знаменитый скрипач и саксофонист Михал Урбаняк.

Анджей Стасюк в нынешнем году стал лауреатом государственной премии Австрии (25 тыс. евро) в области европейской литературы. Премия, присуждающаяся писателю, добившемуся международного признания, была вручена автору «Востока» 29 июля во время церемонии в университете «Моцартеум» в Зальцбурге. Среди польских писателей в предыдущие годы лауреатами премии были Збигнев Херберт, Славомир Мрожек, Тадеуш Ружевич, Станислав Лем и Анджей Щипёрский.

Согласно проведенному по итогам прошлого года опросу читателей Силезской библиотеки, автором «Книги 2015 года» признан Филип Спрингер. «Силезским литературным лавром» отмечена его книга «13 этажей». За нее было отдано большинство голосов (почти 40%). Второе место заняла книга «Малое уничтожение» Анны Янко (17%), а третье — «Пятьдесят» Инги Ивасюв (14% голосов).

Жюри литературной премии Центральной Европы «Ангелус» назвало 14 книг, вошедших в полуфинал конкурса нынешнего года. Шансы занять место в финальной семерке имеют «Сольфатары» Мацея Хена, «Отвага и страх» Оли Гнатюк, «Малое уничтожение» Анны Янко, «Дом глухого» Петера Криштуфека, «Во льдах Прованса. Бунин в изгнании» Ренаты Лис, «Письма и воздух. Пограничные рассказы» Василя Махно, «Автомат с газировкой с сиропом и без» Владимира Некляева, «Кажется, Эстер» Кати Петровской, «Silva rerum» Кристины Сабаляускайте, «Татуировка с трезубцем» Земовита Щерека, «Насыпать горы. Истории из Полесья» Малгожаты Шейнерт, «Меня зовут Марите» Альвидаса Шляпикаса, «Меджидие, город у рубежа» Кристиана Теодореску, «Книга шепотов» Варужана Восканяна. Имя победителя мы узнаем 15 октября в музыкальном театре «Капитоль» во Вроцлаве.

14 августа Юлия Хартвиг отметила 95-летие, а также 80-летие своего литературного дебюта на страницах школьного альманаха. В связи с юбилеем в Люблине, городе, где родилась

выдающаяся польская поэтесса, центр «Городские ворота — Театр NN» подготовил ряд мероприятий, в том числе прогулку по люблинским местам Юлии Хартвиг и ее семьи. Текст стихотворения поэтессы украсил лестницу в переулке Хартвигов в Старом городе. Хартвиги в Люблине были известной семьей. Отец после бегства из охваченной революцией России открыл здесь фотоателье, брат поэтессы Эдвард стал выдающимся фотохудожником, второй брат, Валентин, — видным эндокринологом. Юлия Хартвиг к радости поклонников ее творчества продолжает писать: в 2011 году вышел сборник «Горькие плачи», в 2013 — «Записанное», а в мае нынешнего года тридцать новых стихотворений, опубликованных в сборнике «Взгляд». Ее поэзию высоко ценил Чеслав Милош. «Стихи Юлии Хартвиг я не могу читать иначе, нежели выстраивая из них автобиографический роман, — заметил нобелевский лауреат. — Повествователь — женщина, выходец из польской интеллигентской семьи, имеющая за плечами опыт военных лет, много путешествующая, хорошо знающая искусство, владеющая иностранными языками, живущая на три города: Варшаву, Париж и Нью-Йорк. Но она также поэт, и в поиске определения к этому слову я останавливаюсь на эпитете „изысканный”». Гранд-даме польской поэзии — наши лучшие пожелания в связи с юбилеем.

Варшава не захотела — Познань в выигрыше. В августе жители Познани смогли увидеть спектакли Кристины Янды, показанные под открытым небом во внутреннем дворе здания городской администрации. В рамках проекта «Театр под открытым небом» были показаны спектакли театра «Полония» и «Ох-Театра»: «Белая кофточка», «Страстное фламенко», «Плач на площади Конституции», «Ясь и Малгося», «Открытый союз». На представлениях побывало более 8 тысяч зрителей, билеты были бесплатными. Актрису пригласил президент Познани Яцек Ясковяк. По мнению части представителей городской оппозиции, президент, приглашая театры Кристины Янды в столицу Великопольши, руководствовался не художественными, а политическими соображениями (театрам Янды, не пользующимся любовью нынешнего ведомства культуры, отказано в текущем году в государственной дотации). Президент парировал, что эта критика, хотя и связанная с театральным событием, имеет политический характер. «Сегодняшняя власть не терпит критики, не понимает, что такое культура, искусство, что они должны побуждать мышление, а не рассыпаться в комплиментах и улучшать настроение у правящих», — сказал Ясковяк.

В сентябре на престижном кинофестивале в Торонто пройдут премьеры ни много ни мало трех польских фильмов. Каждый обещает быть интересным.

«Мария Склодовская-Кюри», режиссером которого была Мария Нелле, — фильм международного производства, рассказывающий о жизни знаменитой польской ученой, лауреата Нобелевской премии, открывшей два элемента — полоний и радий, но прежде всего это портрет необычайной женщины, которая, благодаря своему интеллекту и знаниям, заставила повернуться к себе мир науки, где доминировали мужчины. В заглавной роли выступила Каролина Грушка. В фильме также снялся Даниэль Ольбрыхский.

«Послеобразы» Анджея Вайды — это рассказ о Владиславе Стшеминском, художнике, теоретике искусства и педагоге, соучредителе (вместе, кстати, с женой, скульптором Катажиной Кобро) художественно-поэтической группы «а.р.» — «авангард реальный». В 1950 году Владислав Стшеминский по приказу тогдашнего министра культуры был уволен с работы в лодзинской Высшей школе изящных искусств. Причиной было отрицание художником принципов доктрины социалистического реализма. Он умер нищим двумя годами позже, в туберкулезной больнице. В фильме Вайды трагическую фигуру лидера конструктивистского авангарда воплотил Богуслав Линда.

Рышард Бугайский, автор известных фильмов «Слушание», «Генерал Нил», «Закрытая система», на это раз рассказывает в фильме «Катаракта» о Юлии Брыстигер. Член Польской рабочей партии, а затем ПОРП, она вошла в историю как жестокий функционер госбезопасности в сталинские времена. В конце жизни она сблизилась с людьми, связанными с деятельностью Центра для слепых в Лясках, и умерла ревностной католичкой. Образ Кровавой Луны, как ее называли, воссоздала Мария Мамона. В фильме также снимались Януш Гайос и Малгожата Зайончковская.

Кшиштоф Мешковский, несмотря на успехи последних сезонов, 23 августа был освобожден от должности директора театра «Польский» во Вроцлаве. «Мешковский, — пишет в своем блоге в «Политике» Анета Кызёл, — придал силу этой сцене. Благодаря его открытости и смелости во Вроцлаве были созданы великие спектакли, отмеченные премиями в стране и за границей, такие как «Лесоповал» Кристиана Люпы, монументальные, 14-часовые «Дзяды» Михала Задары, «Дело Дантона» Яна Кляты, провокационный спектакль «Смерть и девушка» Эвелины Марциняк. Директор, которого ценили критики и зрители, не был любимцем курирующих театр воеводских чиновников».

Новым директором назначен поддерживаемый департаментом маршала Нижней Силезии Цезарий Моравский — актер, известный преимущественно по телесериалам и роли Иоанна Павла II в фильме Кшиштофа Занусси «Из дальней страны». Такое решение приняла конкурсная комиссия. Против назначения протестовал, в частности, знаменитый режиссер Кристиан Люпа, заявивший: «Я не согласен с этим нечестным конкурсом. Всё здесь шито белыми нитками. Не стану говорить большего, чтобы не обострять, но у меня впечатление, что это шаг в сторону уничтожения театра». Ситуация вокруг театра «Польский» вызвала также актерский бунт. Некоторые уже покинули вроцлавскую сцену, а Кристиан Люпа, готовящий премьеру спектакля по мотивам «Процесса» Франца Кафки, заявил, что тоже уйдет, если в театре не будет работать Кшиштоф Мешковский.

В собрание Национального музея в Познани поступило около 500 работ Яна Млодоженеца. Коллекция оценена в 100 тыс. злотых, на ее приобретение музей получил дополнительное финансирование (65 тыс. злотых) от министерства культуры и национального наследия. Ян Млодоженец (1929–2000) — один из крупнейших польских мастеров плаката, графический дизайнер и живописец — был автором более 400 плакатов, а также рисунков, иллюстраций, книжных обложек. Его работы хранятся, в частности, в музеях Амстердама, Берлина, Парижа, Нью-Йорка. Часть приобретенной коллекции уже осенью будет показана публике на выставке.

До 28 августа в Торуні проходила ретроспективная выставка Анджея Дуды-Грача (1941–2004) — одного из наиболее прославленных польских художников XX века. Критика определяла его как сатирика и публициста. В торунском Центре современного искусства было представлено 250 произведений художника — от самых ранних до созданных незадолго до смерти. Среди работ пейзажи, портреты, но прежде всего — бытовые сцены, в которых он не щадит «польскую шляхетскую захолустность и узколобое мещанство». «Ему было бы сейчас 75 лет, — написал в «Политике» Петр Сажинский. — Для художника это прекрасный возраст, когда можно в работах аккумулировать творческий и жизненный опыт. Что бы он сегодня писал? Гротескно-карикатурные персоны земляков, обеспечившие ему славу, признание одних и ненависть других? Или, возможно, безмятежные пейзажи и религиозные картины, к которым он обратился в конце жизни, устав создавать социально-психологические портреты народа? Его нет в живых уже 12 лет, а ведь тем временем в политике, культуре и повседневной жизни случилось столь многое, что

могло бы его вдохновить. Очередные волны модного мейнстрима в искусстве Третьей Речи Посполитой смыли его с художественной сцены, но именно во временной перспективе видно, насколько пронзительно критичным искусством он занимался, насколько сильные эмоции мог вызвать у зрителя. И как сегодня недостает таких художников, о которых можно сказать — совесть народа».

Прощания

22 июня в Варшаве умер Анджей Кондратюк — режиссер, сценарист и актер.

Среди его творческих достижений такие фильмы, как, например, «Веретено времени», «Вознесенные», «Четыре времени года», «Звездная пыль». Некоторые свои картины он снимал с очень скромным бюджетом в Гзове близ Пултуска, где жил с женой, актрисой Игой Цембжинской. Часто его фильмы — это фиксация личного жизненного опыта, поэтому говорили, что Кондратюк «добился статуса частного режиссера». Один из наиболее значимых его фильмов — «Гидрозагадка», детективная комедия 1971 года. Анджею Кондратюку было 75 лет.

25 июня в Варшаве в возрасте 93 лет умер Адам Килиан, один из крупнейших сценографов польского кукольного театра. В качестве художника-графика он сотрудничал с еженедельным журналом для детей «Пломычек», создал иллюстрации к множеству детских книг. Именно он создал Яцека и Агатку — кукол телепередачи для малышей на сон грядущий. На книжных иллюстрациях Килиана, на оформленных им спектаклях выросло несколько поколений.

18 июля в возрасте 85 лет в Варшаве умер историк искусства Влодзимеж Пивковский, легендарный куратор музея в Неборове и Аркадии. Годы его руководства (1970–1994) — период расцвета музея. Он оставил большое научное наследие, благодаря которому Неборов сегодня — один из лучше всего сохранных и ухоженных загородных дворцов в Польше.

20 июля в Пясечно в возрасте 86 лет умер Влодзимеж Одоевский, один из самых видных польских прозаиков минувшего века. Автор многих книг, в числе которых роман «Все завет, заметет...» (Париж, 1973), признаваемый критикой шедевром. Это история двух родственников, показанная на фоне драматических событий волынской резни. В связи с наличием катынской сюжетной линии роман не мог быть напечатан в Польше. В 1960-е годы Одоевский руководил Студией современного театра Польского радио. Изгнанный по политическим причинам с работы, с 1969 года он пребывал в

эмиграции. Жил в Мюнхене, с 1984 года заведовал литературной частью радиостанции «Свободная Европа». Другие его романы — это «Остров спасения», «Посещенное место», «Возвращенное время», «Оксана». Издал также сборники рассказов: «Падения Товия», «Сумерки мира», «Сохранение следов» (Париж, 1984) о поляках в советских лагерях, «Забывшие, непобежденные...» (Западный Берлин, 1987), «Давай поедem, возвратимся» (1993) о поляках в эмиграции. «Историософский пессимист, — написал Томаш Фиалковский в воспоминаниях о писателе, — он считал, что «главная страсть в людях — ненависть». Был непростым человеком в личных контактах, а как публицист — нестигаемым полемистом и суровым критиком современной культуры. Последние годы его жизни были омрачены обвинением в сотрудничестве с госбезопасностью в 1960-х. Сейчас нам предстоит заново взглянуть на все сделанное одним из наиболее выдающихся наших писателей».

28 июля в Варшаве умер Тадеуш Гурный — журналист радио и телевидения, создатель незабываемой авторской программы «Книги с верхней полки», инициатор и организатор многих общественных акций в поддержку книги и чтения. Кроме того, Тадеуш Гурный писал о джазе. Ему было 75 лет.

10 августа в Варшаве умер бывший директор Королевских Лазенок, варшавский краевед, историк искусства проф. Марек Квятковский. Он был автором нескольких десятков книг, а также университетским преподавателем. С Лазенками был связан почти полвека. Он создал также частный музей, заповедник старопольской архитектуры, Музей деревянного зодчества Седлецкого региона в селе Суха возле Венгрува. «Его заслуга — объединение дворцово-паркового комплекса Королевских Лазенок и руководство им, а также организация в Старой оранжерее первой в стране Галереи польской скульптуры», — написано в обосновании решения о присвоении проф. Квятковскому звания Почетного гражданина Варшавы. «Он участвовал в восстановлении дворца Круликарня и организации в нем Музея им. Ксаверия Дуниковского. Был первым куратором восстановленного Королевского замка в Варшаве и автором концепции музея интерьера во дворце в Отвоцке-Великом. Принял личное участие в создании Музея коллекций им. Иоанна Павла II. Осуществлял художественный надзор над реставрацией гостиницы «Бристоль» и Президентского дворца. В 1983 году стал членом Варшавского научного общества», — таков перечень его заслуг. Профессору Квятковскому было 86 лет.

16 августа умерла Ядвига Хибовская-Влодек, самая знаменитая буфетчица в истории польской литературы. «Пани Ядвига — это легенда кафе издательства «Читательник» в лучшие его времена. Хозяйка литературного салона», — написал известный варшавский краевед Ежи С. Маевский в воспоминаниях, помещенных в «Газете столичной». Кафе «Читательника» было исключительным местом. Как в довоенном заведении «Кавярня земянская», здесь были литературные столики, у которых собирались звезды польской литературы, актеры. Постоянными посетителями были, например, Тадеуш Конвицкий, Густав Холоубек, Ян Химильсбах, Януш Гловацкий. — Ее смерть для меня словно потеря кого-то из близких, члена семьи. Люди к ней приходили со своими заботами, а она умела им помочь, окружала всех теплом, — сказал Стефан Братковский, журналист, публицист и писатель, в 1991–1992 годах председатель издательского кооператива «Читательник».

Петр Мицнер

Ходасевич возвращается в Польшу

Мы публикуем стихотворение Феликса Неца (1939–2015) о Владиславе Ходасевиче. Феликс Нец переводил русскую литературу, в его переводе вышли «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. Гоголя, своего издания ждут сборник стихов Ходасевича и «Евгений Онегин».

Творчество Ходасевича было известно в Польше еще до войны, его стихи, в частности, переводили Юлиан Тувим, Казимеж А. Яворский, Влодзимеж Слободник, а после войны — Павел Херц, Северин Полляк, Адам Поморский и Збигнев Дмитроца.

Последний в этом году выпустил первую книгу Ходасевича на польском языке — сборник стихотворений «Возвращение Орфея» (серия «Библиотека забытых поэтов», Люблин: «Брама Гродзка»).

В середине 30-х годов выдающийся польский славист Вацлав Ледницкий собирался организовать приезд Ходасевича в Польшу, собирал на это деньги, но поэта одолевали страхи и сомнения, и в итоге он сказал, что из этой поездки ничего не выйдет, поскольку он либо умрет, либо случится война. В 1939 году произошло и то и другое. Спустя 77 лет Ходасевич вернулся в Польшу — и своей книгой, и стихотворением Феликса Неца из сборника «Крик совы», выпущенного Библиотекой «Топоса».

***

Феликс Нец ХОДАСЕВИЧ

Париж — почти идеальное место для смерти,
как Москва — для того, чтобы в ней родиться,
но не жить там. И так же не выжить в Париже,
разница только в одном: обычно в Москве поэт
погибает от пули, а в Париже — по той причине,
что его жизнь и особенно смерть никого не волнуют.
Так поэт и жил, обедал тем, что супруга сготовит
на спиртовке, ночью спал и вдыхал тяжкий запах

ваз ночных и параш — ведь никто не покинет
среди ночи свой пятый этаж, чтоб спуститься
во двор, в яму общей уборной.

Поэты всегда

здесь жили на пятом, с видом на шпили церквей,
крыши и трубы — воистину, весь Париж
был у их ног. Писали стихи, и единственным
их читателем оказывалась жена, зачастую
тоже поэт, сочиняли в кровати, с которой
почти не вставали — слишком слабые, чтобы
жить, слишком сильные, чтоб умереть.

Слависты

спрашивают обычно о рукописях, о чемоданах
с шедеврами, но никто не спросил ни разу,
в каких кальсонах поэт умирал, а это было
старое штопанное тряпье, никто не спросил
о простынях на больничной койке, а они
до того были рваные, что мертвое тело поэта
нельзя было в них завернуть.

Если б он мог говорить,

то сказал бы, наверное: заверните меня

в черновики моих русских стихов,

перевяжите дымом, что поднимался

над польской соломенной кровлей,

если б он мог говорить, то сказал бы:

и все же мне повезло,

меня убила болезнь, а не выстрел в затылок,

в своей буду спать могиле, не в общей.

И все же, сказать по правде, бывали

у меня и такие сны: я бегу из России,

но выбираю не Запад, а Польшу;

Речь Посполитая душит меня в объятиях,

так, что ребра трещат, и от боли я губы кусаю,

горячо целует меня, цедит кровь с моих уст,

обнимает, как своего — но и как чужака,

как сына — но будто внебрачного, толком

не зная, разумно ли поступает; паспорт

мы обмываем запоем (Скамандр в полном

составе), и все хорошо говорят по-русски!

Словно Москва за окном, и кажется мне —

скамандриты меня, изгнанника, утешают,

хоть и не был я изгнан, и по-русски вновь говорят,

точно пытаюсь помочь губам моим неумелым,

с которых польская речь сходит нетвердым шагом,

словно я, здоровенный лоб, становлюсь несмело

на первый ладожский лед; и вот уже снятся

мне сны на польском, но пишу я по-русски

для «Ведомостей литерацких», и сам Редактор^[1]
это скрывает, словно бы из Советской России
я вывез сибирский сифилис; не знаю, что будет
дальше, что будет со мной, не знаю,
не уверен, что Польша мне стала отчизной,
и, быть может, не уверена Польша,
что она мне теперь родная; скоро узнаем,
ибо снова она обняла меня крепко,
снова ломает мне ребра, обряжая меня
в саван всеобщей мобилизации. Выстрел
в затылок в смоленском лесу (отсюда родом
была моя русская няня, мой русский язык –
это ее язык), может быть, падая в бездну,
я крикнул «Boże!», а может: «Господи!»
А тот череп, который держит немецкий врач,
вставляя карандаш в отверстие на затылке –
это мой череп, мой, ведь он мог быть моим,
если бы я из своего товарного вагона,
подцепленного к поезду, едущему в Берлин,
вышел бы вдруг на первой же польской станции,
с восьмитомником Пушкина в сумке. Нине
сказал бы «Прощай!», выбрав Польшу
вместо нее,
такие, бывает, сны вижу я,
лежа навзничь в неудобной до ужаса
позе, и буду их видеть в ближайшие
тысячу лет в своей, не в общей, могиле.

Перевод Игоря Белова

-
1. Имеется в виду Мечислав Грыдзевский (1894-1970) — польский историк, журналист, редактор журнала «Скамандр» и еженедельника «Вядомости литерацке».

Пространство диалога

8–9 июня 2016 г. в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме состоялась международная конференция «Милош — Венцлова — Бродский. Восточная Европа: пространство диалога культур». Масштаб конференции формировал своим выступлением и участием в обсуждениях Томас Венцлова. Историк, литератор и библиограф Российской национальной библиотеки Никита Елисеев модерировал заседания так, что после каждого сообщения возникала дискуссия.

В самом начале Никита Елисеев напомнил об очень сложных отношениях между тремя народами, о Польше как «европейском анклав в те времена, когда Польша входила в состав Российской Империи, и в те времена, когда она входила в состав социалистического блока», об «очень поучительном во всех смыслах» «разводе» Литвы и Польши и, наконец, дружбе трех замечательных поэтов XX века, дружбе, «которая территориально была предрасположена, поскольку все трое любили замечательный город Вильнюс».

Генеральный консул Литовской Республики в Петербурге Дайнюс Нумгаудис, историк по образованию, отметил, что между соседними государствами не всегда существует диалог: «Мы пытаемся все решать монологами, сказать: «Я знаю, где правда». Вот этой культуры диалога очень не хватает в нашей жизни. И трое мужей и творцов — Бродский, Милош и Венцлова — являются примером выстраивания этих диалогов».

Воспринимать троих поэтов именно в триумвирате типично для Польши и Литвы, но не характерно для Петербурга, — считает директор Польского института Наталья Брыжко-Запур. Польско-литовский вектор задал в Петербурге формат уже второй конференции, посвященной троице друзей-поэтам: в октябре 2015 на малой сцене Александринского театра состоялась конференция «Пограничье как духовный опыт: Чеслав Милош — Иосиф Бродский — Томас Венцлова».

Томас Венцлова раскритиковал упоминание его имени в названии конференции: «Одновременно это что-то пошловатое вроде марки немецкой машины BMW, с другой стороны, это Гомер, Мильтон и Паниковский» — сказал поэт, отсылая идеологов конференции к «Золотому теленку».

Выступал Венцлова в стиле вышедшей недавно в Петербурге книги «Пограничье», массивного тома его публицистики разных лет [Издательство Ивана Лимбаха, 2015], то есть говорил

«не об искусстве, а о политике». Начал издавека — с фрески XV века в храме св. Петра Молодого в Страсбурге. Фреска символически изображает христианизацию европейских народов: шествие аллегорических фигур на конях — «Германию», «Галлию», и т. д. — замыкают две пеших дамы Oriens и Litavia. Как известно, могущественная и крупная Литва приняла христианство последней в Европе лишь к началу XV века, пропустив вперед восточных соседей Украину и Беларусь (Oriens), ставших православными на столетия раньше, но подчинявшихся языческому Вильнюсу. Фреска подобно «комиксу времен осени Средневековья» «довольно точно отображает свою эпоху» и при этом «удивительным образом соотносится с современной Европой — с Европейским союзом». «Затерянная среди лесов на окраине континента, говорящая на троичном балтийском языке Литва стремилась догнать Европу и присоединиться к ней почти тысячу лет». Это отражено и на средневековом литовском гербе, актуальном до сих пор: на нем изображен всадник Vytis (погоня — на русском), устремленный на Запад. «Эта погоня за ушедшей вперед Европой началась в средние века и, казалось, завершилась крещением». Однако потребовалось еще шесть веков — до 2004 года, — чтобы после череды завоеваний и распада советской империи Литва опять вошла в Европейский союз одновременно с Польшей, Чехией, Словакией, Венгрией и еще пятью странами, — «то есть средневековое шествие опять имело место».

«Следует сказать, что Россия, хотя она сильно отличается от Литвы или, скажем, Польши, по-своему тоже почти всегда догоняла и догоняет Европу — продолжил Венцлова. Киевская Русь была попросту частью Европы. Московская Русь от Европы отделилась, но, начиная с Петра, возникло российское западничество, которое в определенные эпохи преобладало и, кстати, всегда приносило прекрасные плоды (почти всегда, поскольку большевизм — это тоже своего рода западничество). Западной по сути своей была вся петербургская линия русской культуры — от Пушкина до Мандельштама, Ахматовой, Набокова и Бродского. И недаром Бродский как-то сказал в частном разговоре: «Литва для русского человека — всегда шаг в правильном направлении». Современный герб России, который воспроизводит имперский, также символичен, как и герб Литвы: «одна голова двуглавого орла повернута к Западу, не хочется утверждать, что с угрозой, хочется думать, что с интересом, а другая отворачивается от Запада».

С двумя «великими европейцами — Милошем и Бродским — Венцлову объединяла «общая эмигрантская судьба, схожие литературные предпочтения, а еще более — схожие литературные отталкивания»: «Мы могли любить в литературе

разные вещи, но вот если не любили, то всегда одно и то же. Но, может быть, главное, что нас объединяло — это любовь к Литве и Вильнюсу. К России у всех, включая Бродского, отношение было гораздо сложнее и двойственное. Сейчас я вспоминаю, как мы наблюдали крушение коммунизма и распад коммунистического мира. Тому уже 25, а то и 30 лет. Это было зрелище для богов, как мы тогда говорили, нечто захватывающее дух. Никто из нас не надеялся, что этого дождется, и все же мы дождались. Помню, как Бродский сказал, когда Ленинград переименовали в Санкт-Петербург: «Мы-то этого дождались, но как грустно, что этого не дождались ни Анна Ахматова, ни Надежда Мандельштам».

Но даже тогда Милош и Бродский «оставались скептиками».

Венцлова привёл слова Бродского, сказанные в частном разговоре: «Главное, чтобы Польша и Литва выпали из системы, остальные — как они хотят». Милош говорил Венцлове: «Я никогда не был и не буду оптимистом». «Что касается меня, я всё-таки склонялся к оптимизму. Я считал, что все народы этой области мира, включая, разумеется, русских, должны и способны освободиться.

Но меня пугало одно: как бы большую тоталитарную клетку не заменили десятки меньших клеток, в которые нас заводит игра национализма. Еще больше пугало, что эта игра национализма может вылиться в кровопролитную войну, похуже русской гражданской войны, а то и Второй мировой. К счастью, это не произошло. Хотя Карабах, Приднестровье, а особенно Чечня и Югославия были серьезнейшими сигналами опасности. Сейчас, как все мы знаем, этих сигналов еще больше».

Двадцать лет посткоммунистического мира напоминали прекрасную эпоху перед Первой мировой войной: рухнул железный занавес, Польша, Литва и все восточно-европейские государства осуществили то, что им было предназначено целое тысячелетие, на очереди стоял Ориент, то есть Украина и Беларусь, а там и Россия, дела в которой поначалу казались вполне обнадеживающими. Увы, сейчас наступило то, что вослед Бродскому, мы можем назвать концом прекрасной эпохи. Скептики, даже крайние скептики, были правы.

Справедливо будет сказать, что все это началось, цитируя Грибоедова, с покоренья Крыма. Именно это было водоразделом между спокойным и ненадежным временем, как в России, так и за ее пределами. Сигнал подали силы национализма и реваншизма, преданные пустым и даже безумным геополитическим мечтаниям. Эти мечтания заставили нарушить правила международного общежития, а нарушение привело к предсказуемым последствиям. Но похоже, что беда нарастает лавинообразно, мы действительно оказываемся в новых клетках, куда нас загоняют эгоизмы, замыкание на себя,

стремление к ничем не ограниченной суверенности — то, что иные называют вставанием с колен.

В современном мире такая суверенность вполне анахронична — это путь Северной Кореи. На этом пути оказываешься даже не на коленях, а в гораздо худшей позе: экономически в лежащей позе, а политически — у позорного столба.

Эта тенденция к замыканию на себя, увы, заметна все более. Она победила в Польше, в современной Польше Ярослава Качинского, и в Венгрии Виктора Орбана. Она на волосок миновала Австрию и, возможно, не минует Великобританию, что мы узнаем через пару недель [Венцлова выступал в Петербурге 8 июня 2016]. Она торжествует в Турции Реджепа Эрдогана, которая, увы, прямо противоположна Турции Кемаля Ататюрка. Она живет во Франции Марин Ле Пен и, увы, с каждым днем становится сильнее в Америке Дональда Трампа. Идеи, которые их вдохновляют, крайне похожи на идеи Владимира Путина. Возможно, особенно в том случае, когда эти люди высказывают Путину враждебность. Это попытка вернуться к миру 1930-х годов, к разобщенным государствам, к дарвиновской борьбе противостоящих национализмов, которая привела к небывалой катастрофе и ни к чему другому привести не могла. Словом, мы скатываемся, опять же по словам Бродского, в совершенно новый и грустный мир, к которому пока не готовы».

При этом оптимист Венцлова надеется, что «отход от свободы — временное явление, и мыслимо, что свобода победит».

«Причем она возмужает, отвечая на требования нового века. Но этого не произойдет, если мы не найдем для свободы новый язык и новых лидеров.

Я не знаю, как это случится, и случится ли вообще? Но меня несколько утешает факт, что однажды такое уже произошло. В те давние времена мы поднимали тост за успех нашего безнадежного дела. И это дело оказалось не совсем безнадежным». (Полный текст выступления Томаса Венцловы доступен сейчас на портале Когита!ру:

<http://www.cogita.ru/sreda/litovskii-peterburg/tomas-venclova-o-konce-prekrasnoi-epohi>)

Петербургский филолог Денис Ахапкин предложил поговорить об архитектурных аллюзиях у Милоша и Бродского. Свое выступление он начал цитатой из интервью Чеслава Милоша, записанного Валентиной Полухиной в Лондоне 6 октября 1990: «<...> Раньше русские писатели-эмигранты жили в каком-то автономном мире. Некоторые из них написали очень хорошие вещи — Бунин, например, — но и он жил в своем собственном мире. Бродский действительно захватил территорию и Америки, и вообще Запада, как культурный путешественник, возьмите его стихи о Мексике, о Вашингтоне, о Лондоне, его

итальянские стихи. Вся цивилизация XX века существует в его поэтических образах. Я это объясняю влиянием архитектуры Ленинграда. (Смеется — ремарка Полухиной)» [цитируется по кн. Валентина Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга первая (1987–1992). Изд. 2-е. СПб.: «Звезда», 2006. С. 364]. В своем сообщении Денис Ахапкин отвечал на два вопроса: «почему Милош объясняет мультикультурализм Бродского влиянием архитектуры Ленинграда, и почему он при этом смеялся»? Бродский — вне всякого сомнения, «элегический урбанист» (определение придумано им самим для Е. Рейна), «неоднократно прибегал к архитектурным метафорам и аналогиям при описании поэтического творчества и становления своего собственного стиля». Кроме того, он часто использует архитектурные метафоры — «говоря о текстах и произведениях литературы, часто описывает их в терминах архитектуры». Бродский неоднократно подчеркивал свою и своих ленинградских коллег учебу у архитектуры Петербурга. «Петербург — это школа меры, школа композиции». Говоря о «гармонизме русской поэзии», в том числе поэзии ленинградского модернизма, он отметил в интервью Анни Эпельбуэн: «Возможно, <...> дело в самой архитектуре, в самом чисто физическом ощущении города, в котором воплощена идея некоего безумного порядка. И когда ты оказываешься среди всех этих бесконечных, безупречных перспектив, среди всех этих колоннад, пилястр, портиков и т. д., и т. д., ты вольно или невольно пытаешься перенести их в поэзию».

На вопрос, почему Чеслав Милош смеялся, упоминая об этих истоках поэтики Бродского, Денис Ахапкин ответил гипотетически: Милош «более природен, чем архитектурен. За «Годом охотника» встает картина поэта скорее более внимательного к природе, чем к архитектуре. Милош смеялся от того, что Бродскому удалось взять две вещи, из которых, казалось бы, толку не выйдет, и сделать из них что-то стоящее — это сама петербургская архитектура, которую Милош никогда не видел живьем, тем более с воды, как ее надо смотреть, и вторая вещь — русская классическая метрика, противником которой был Милош, по его собственному признанию».

Для меня событием стало участие в конференции петербургского искусствоведа Эры Коробовой. Подруга Иосифа Бродского и попеременно жена двух его друзей (Анатолия Наймана и Томаса Венцловы), Эра Борисовна оказалась хранителем части его ленинградского архива (библиотеки, рисунков, писем). Эра Коробова говорила о польском круге Бродского в Ленинграде 1960-х. Во многом это сообщение опиралось на записанное в 2010 году наше интервью с нею

(опубликовано в книге «Polski mit. Polska w oczach sowieckich dysydentów», Warszawa, Kraków. Instytut Książki, 2012). Эра Борисовна прочитала на конференции неотправленное письмо Иосифа Бродского к Анджею Дравичу, написанное в ссылке в Норенской. «У меня ничего нового. Утешительные новости — ложь, как и многое другое. В лучшем случае — еще год. В худшем — три с половиной. Но трех с половиной, обещаю тебе, не состоится. Это уж я тебе обещаю. В этом году писал мало. Зимой, главным образом. Весна и лето — пустое... Вот будет зима, я немножко заболею и примусь сочинять... Знал бы ты, до чего охота писать длинные поэмы, длинные стихи... Работа у меня теперь отвратительная. Черт знает, сколько нужно тратить усилий, чтобы выбросить из головы весь ее мусор, но пока что я справляюсь. Знал бы ты, черт возьми, чего все это стоит!» — писал Бродский.

Третьим докладом, поразившим меня свежестью взгляда и глубиной подхода, стало выступление Жамилы Двинятиной, доцента СПбГУ и преподавателя петербургского «Artes Liberales» (факультета свободных искусств и наук) и других факультетов университета. Специалист по теории и истории кино и вопросам интертекстуальности, автор и ведущая программы о кино на «Радио Россия» сделала доклад «Двойной портрет. Тарковский. Кесьлевский». «Кесьлёвский и Тарковский — великие художники, мыслители, перфекционисты, труженики, гении — просто созданы для того, чтобы их сравнивать». Если Кесьлёвский говорил и писал о Тарковском, то совершенно неизвестно, что думал о фильмах коллеги Тарковский. Очевидно, что это сравнение не мешает ни одному, ни другому, они не нуждаются в подобном двойном портрете. Это мы нуждаемся в нем, — считает Жамила Двинятина, — чтобы через его призму лучше воспринять и понять каждого из них.

Свои доклады и сообщения сделали на конференции Кшиштоф Чижевский, Малгожата Ноцунь, Моника Вуйцяк. Игорь Булатовский представил книгу афоризмов Леонидаса Донскиса «Малая карта опыта» (Издательство Ивана Лимбаха, 2016). Поэт и переводчик Георгий Ефремов, живущий в Вильнюсе около 40 лет, выступил с докладом «Рубеж и рубец или Птичье безграничье», переводчик Игорь Белов рассказал о своих переводах прозы Милоша.

Тексты конференции будут опубликованы в отдельном сборнике, который выпустит Издательство Ивана Лимбаха, а Польский институт опубликует pdf-версию на своем сайте (как это уже случилось с материалами конференции 2015 года http://polinst.ru/files/upload/3854936Materialy_konferencji.pdf).

Русская хандра

или о «дурно пахнущих дегтем, солдатней и водкой» цыганских романсах в межвоенной Варшаве

В первоклассном столичном ресторане
требуется тенор — исполнитель цыганских романсов.
„Меч” 1935, № 43, с. 2

Русская музыка так же, как и литература, несмотря на настоящую любовь, которой она пользовалась в широких кругах польского общества, до 1918 года должна была быть — по крайней мере официально — игнорирована. Когда, к примеру, в 1911 г. Варшаву посетила во время турне примадонна петербургских театров Наталья Ивановна Тамара, специализирующаяся в исполнении цыганских романсов, зрительный зал варшавской филармонии был полон, но явно разочарованная редакция газеты «Курьер поранный» (от 10 января 1912 года) прокомментировала ее выступление следующим образом: «звучание ее голоса — действительно красивого от природы, но приправленного крикливостью, заставляющей думать о всех выпитых бокалах шампанского — неприятно задевало на сцене филармонии под портретами Шопена и Монюшко». До 1914 года никто не признал бы эстетического превосходства над Шопеном или Монюшко какого-нибудь русского композитора, даже если бы это был Чайковский или кто-нибудь из «Могучей кучки». И, конечно, исключением из этого правила не мог стать цыганский романс, пусть даже он покорило все сердца, но не соревноваться же ему, по крайней мере официально, с польскими мазурками.

Это был — как писал в 1924 году на страницах «Жечпосполитой» в статье под знаменательным заголовком «Русомания наоборот» Кароль Шимановский — результат «инстинкта самосохранения общества, возросшего на политической почве». Как объяснял создатель балета «Харнаси», эта избыточная осторожность, безразличие и отстраненность, несправедливая критика, незрелая недоверчивость к ценности русского искусства именно из-за того, что оно русское, — все это было последствием убеждения, что неприятие шедевров с Востока хранит нас от скрытого в

них «идеологического яда», «который мог бы в какой-то степени отравить нашу западную психику», в связи с чем «невозможно требовать от нас справедливой и ни от чего не зависящей объективности».

Голоса, критикующие тех, кто каким-либо образом демонстрировал симпатию к культуре России, не утихомирились даже после того, как Польша вернула себе независимость. Однако после 1917 года некоторые начали густо кадить «дымом лести в глаза первого попавшегося актеришки из Харькова или Тулы», умиляться «до слез «Лиловым неграм» Вертинского», а более утонченные дамы — лишаться чувств «на поэзо-вечерах Игоря Северянина» и наивно восхищаться всякого рода «Облаками в красных штанах». Давешние холодность и отторжение, превратившись в вежливость и гостеприимство, казались настолько абсурдными, что даже Шимановский возмущался: «Все происходит так, как будто мы действительно забыли, что там, где раньше нес свою вахту царский жандарм, за тонкой, неустойчивой стеной границы, сегодня затаился преступный и мерзкий комиссар чека, занятый организацией разбойничьих банд, нападающих на польский народ в городах и селах!» («Жечпосполита» от 12 октября 1924 г.). Поэтому критики с особой тревогой следили за появлением в концертных польских репертуарах произведений русских композиторов, писали о большевизации культуры в Польше и пагубном влиянии русской музыки на польскую. Расцвет этой антирусской кампании пришелся на двадцатые годы. В 1925 году один из ее активистов, Людомир Ружицкий, пугал на страницах издания «Пшеглэнд варшавский»: «Неволя внедрила в организм нашего общества культ иностранной музыки, особенно русской. Чувственная прелесть экзотической натуры этой музыки [...] полностью покорила польскую психику, создавая неблагоприятную среду для польского искусства. Эта среда, поддерживаемая представителями музыкальной журналистики и сама по себе имеющая огромное влияние на широкие массы польского общества, переходит из поколения в поколение, а безразличность к вспышкам польского творчества создает неблагоприятную атмосферу для существования и развития польских композиторов, способствуя эмиграции и страданиям множества лучших польских композиторов. [...]

Призраки времен неволи продолжают страдать. Они бродят по нашим институциям, звеня цепями. Уже несколько лет культ иностранной, особенно русской музыки в Польше практически принял форму оргии. Еще никогда, даже во время российского правления, мы не испытывали такого восторга по отношению ко всему иностранному, особенно русскому».

Этому националистическому пессимизму подпевали в

основном двое тогдашних критиков — Станислав Невадомский и Петр Рытель. Первый считал, что русская музыка всегда имела исключительно губительное влияние на польскую душу, поэтому с ужасом и чувством глубочайшего отвращения высказывался о пустоте навязчивой, назойливой, «словно специально созданной для насмешек» музыки все более популярного на западе и в Польше Игоря Стравинского: «Но еще хуже представляется это искусство с точки зрения морального содержания. Если мы всеми силами защищаемся от идущих с Востока идей и направлений, пагубных для нашей польской души, то почему мы должны принимать с открытыми объятиями искусство, которое бесспорно является олицетворением этих идей, которое строит само свое существование на враждебной нам и всему общественному порядку деструктивной силе [...], сила музыки — есть сила чувственная и еще более пронзительная, чем слово и всякая пропаганда, [...] она способна тайно проникнуть в душу и отравить ее вернее, чем всякие другие моральные отравы [...]» («Тыгодник иллюстрированный» 1924, № 46). По мнению критиков, особенно националистического толка, объединённых вокруг варшавского издания «Мысль народов», все непольское, все чужое польскому народу не должно нравится тому, кто заботится о своей идентичности. Поэтому на вмешательство включившегося в диспут Шимановского, пытающегося показать оппонентом бессмысленность их аргументов, Рытель неизменно отвечал: «Я настаиваю на своем мнении и считаю, что наше искусство и культура лишь выиграют, если поляк напишет и представит симфонию (пусть даже не шедевр), чем если наша публика выслушает, к примеру, концерт Прокофьева» («Газета варшавска», 18 апреля 1925). Неприятие русской музыки только за то, что она русская, а что еще хуже — хорошая, а значит более привлекательная и опасная для польских слушателей; восхищение самой безнадежной посредственностью только потому, что она польская — все это немыслимо сегодня и не находит оправдания, однако тогда такие расовые националистические аргументы считались не только правильными, но и праведными. С большим усердием критика старалась сохранить чистоту польской музыкальной жизни, оберегая ее от грязного поругания, от топчущего польский дух прикосновения этих «тяжелых, толстых лап русских композиторов», пытались уберечь ее от «грубой, отвратительной нам, чуждой в каждом дюйме, дурно пахнущей традиционным дёгтем, солдатней и водкой» русской музыки, — так писал Рытель («Газета варшавска», 18 мая 1922). Защитой от советского большевизма было, к примеру, исключение из польской концертной жизни произведений Чайковского, Стравинского, Скрябина, поскольку

их сочли небезопасным оружием, предназначенным для похищения и советизации польской души носителями имперского яда российской пропаганды.

Предвещая апокалипсис, критика призывала: «Пропаганда польской музыки должна сегодня принять образ какой-то настоящей, горячей, живой, энергичной акции.

Само существование польской музыки в опасности. Организованное в прошлом сезоне Товарищество любителей музыки [...] состоит в основном из людей не придающих особого значения польской музыке. Быть может, есть среди них даже такие, как раз самые влиятельные, которым по сердцу в основном русская музыка!... Оставим же их в покое, раз уж филармония нуждается в такой политике. Но нам нельзя уступать этому давлению, надо всеми силами стремиться сформировать публику истинно польскую, живущую какой-то идеей, возносящуюся чувствами и разумом над тем бессмысленным снобистским восторгом от любого искусства, приходящего к нам из России. Надо создать Комитет охраны польской музыки! Надо взяться за распространение польской музыки и создание культа Шопенов, Монюшек, Карловичей и Желенских». (Станислав Невадомский «Тыгодник иллюстрированный», 1924, № 29)

Патриоты-ксенофобы призывали «всеобщую польскую душу» взять на себя труд освободиться от вражеских оков, сбросить с себя «Стравинского и весь этот русский налет», разбудить «собственный великий творческий потенциал». Тем временем национальный дух сыграл неплохую шутку: «дорога, идеалы и тактика наших восточных соседей» нашли, однако, «опору в здоровом польском организме», — писал Рытель в «Газете варшавской» 18 мая 1922 г.; дух этот вместо того, чтобы расти собственными силами, с удовольствием обвился вокруг источающей яд забвения о собственной идентичности (!) русской цыганщины. В кафе, кабаре и литературных салонах Второй Речи Посполитой торжествовали цыганский романс, «Русский хор Семенова», Вертинский и Северянин. Эта музыка чувствовала себя здесь как дома до такой степени, что Ежи Гедройц много лет спустя вспоминал: «Огромный успех хора донских казаков, которые в то время часто приезжали в Польшу, успех Вертинского, поклонником которого был и я, факт, что в любой компании после двух-трех рюмок водки начинали петь цыганские романсы, а если перевести разговор в более серьезные области, то количество и популярность переводов русской литературы, которые печатали очарованные ею «Вядомости литерацке», — все это показывало масштаб давления русской культуры на Польшу»^[1]. Без русских цыганских романсов не могли обойтись не только известные дансинги в варшавской «Адрии», встречи в Институте

пропаганды искусства, в здании театра на ул. Каровой, в «Полонии» на Иерусалимских аллеях, где по вечерам выступал российский хор-оркестр «Волга», в гостинице «Астория», принимающей множество русских или в созданной белой эмиграцией в 20-х годах «Таверне поэтов» в клубе отеля «Саский». Цыганский хор и Вера Бобровская, известная своей красотой и элегантностью, исполнительница думок и русских романсов, были неотъемлемой частью балов в варшавском ресторане «Кристалл», расположенном на углу ул. Брацкой и Иерусалимских аллей и считавшегося одним из самых больших и самых красивых заведений города. Хор мастера цыганской песни Георгия В. Семенова выступал не только на ежегодных балах эмигрантов, но практически ежедневно в кафе «Земянская» (caveau caucasien) на ул. Ясной, 5; а в последние годы перед войной в переделанном в дансинг старом кафе «Нарцисс» на углу Кручей и Журавей. Цыганские ритмы сопутствовали, наверное, и бильярдным поединкам с Арцибашевым в нижнем зале у Лурса. Не обделили они своим присутствием ни вокально-музыкальный кинотеатр «Палас» на ул. Хмельной, ни залы Общества гигиены, ни кафе «СиМ», где их пародировала Мира Зиминская, которой уроки исполнения давала некая пани Зося, шансонетка, развлекавшая «господ офицеров» еще перед Первой мировой войной в ночном клубе «Café Chantant». Цыганские романсы звучали в русских кафе, кабаках и дансингах во всех уголках Варшавы. Видимо, звуки цыганских романсов раздавались и из трубы огромного патефона, принесенного Владиславом Валтером в знаменитое литературное кафе «Земянская», где за своим собственным столиком собирались поэты группы «Скамандр». «Земянская», между прочим, с почетом принимала в 20-е годы цыганских «кудесников дешевой поэзии и не менее дешевой экзотики — Игоря Северянина и Вертинского [...]» — как, уже спустя много лет, оценивал их творчество Влодзимеж Слободник. Автор знаменитого романа «Бездна», который с немалым трудом достал тогда для себя и Галчинского билеты на это выступление, вспоминал: «Одетый во фрак претенциозный Северянин пропел с эстрады свои стихи, полные водянистых ликёров и фальшивых духов. Деревянный конь его поэзии казался нам тогда Пегасом. Вертинский, выступавший в костюме Пьеро, очаровывал нас своими кокаиновыми песенками. После этого вечера мы бормотали под носом его «Сумасшедшего шарманщика» и повторяли до умопомрачения:

Плачет старое небо,
Мочит дождь обезьянку».^[2]

Этот успешно очаровывающий слушателей «Пегас», исполняющий свои по-цыгански декадентские и чувственные «маленькие арии Пьеро» (Александра Вертинского даже прозвали — вслед за Тувимом — Пьеротандром Пер-Вертинским^[3]), прекрасно отдавал себе отчет в этой странной коллективной слепоте, в том гипнотическом влиянии, которое он оказывал на польских слушателей. В написанных позже воспоминаниях он с гордостью подчеркивал, каким «бешеным успехом» он пользовался в Польше в 1923 году, выступая на концертах не только в Варшаве, но и в Кракове, Лодзи, Познани и десятках других маленьких городков, и утверждал, что он был в моде даже в Бельведере, и сам маршал Пилсудский слушал его «каждую свободную минуту». Он с гордостью писал: «Лучшие польские актёры — Стемповский, Антон Фертнер, Цвиклинская, Вальтер, Майдрович, Смосарская, Щавинский — приходили ко мне за кулисы с дружеским, товарищеским приветом. Молодые польские литераторы — Лехонь, Слонимский, Тувим и другие — приняли меня в своё общество и часто в Старой Земьянской кавярне, где собирались они ежедневно, у них наворачивались слезы на глаза, когда я читал им Ахматову, Блока, Анненского»^[4]. Успех, которого добился Вертинский, стал причиной того, что в польской столице он чувствовал себя как в родном Киеве или Петербурге: «В Варшаве было много военных. Их разнообразная блестящая форма — шпоры, палаши, эполеты — напоминала времена старого Петербурга, Петербурга блестящих гвардейских полков, балов и кутежей». Скорее всего, на этот взгляд упоенного славой певца больше всего повлиял собственный успех, но нельзя отрицать некоторых фактов — в 20-х годах Варшава от следов пребывания в Российской империи еще не избавилась, а карьера цыганского романса была действенной прививкой против всех попыток это изменить. Кроме романса, таким антидотом, видимо, был и чай «Любительский» в жестяных банках братьев Поповых, и икра «Амурская» или «Астраханская», пользовавшиеся неизменным успехом у польских сибаритов, о чем свидетельствовало хотя бы число реклам в отделе объявлений в газетах «Курьер варшавский» или «Курьер польский».

Доказательств того, что в межвоенной Польше слушали цыганские романсы и восхищались ими, можно привести множество. Я ограничусь еще двумя. Первое из них — это, собственно говоря, лишь обширный отрывок из последнего письма Кароля Виктора Заводинского к Юлиану Пшибосю (от 26 мая 1934 г., хранится в архиве Т. Клака). Любитель русской поэзии, особенно символизма и текстов автора стихов о

Прекрасной даме, так писал своему оппоненту, защищая величие и оригинальность русского искусства и подчеркивая его отличие от французского символизма: «Вообще весь русский «символизм» в лице самого большого поэта — Блока, это продолжение собственной национальной традиции, гениальный синтез народной поэзии (включая эти банальные цыганские «романсы», которые Вы слышите в кафе) [выделение мое — А. С.] + романтизм и парнассизм или французский символизм (*avant le lettre*), то есть Лермонтов и Фет + Некрасов, то есть социальная, политически направленная, публицистическая, прозаическая поэзия, величие которой трудно понять и объяснить. Все эти элементы слились в Александре Блоке в синтез настолько могучего источника выразительных средств, источника, который оказался в распоряжении настолько великой личности, что неизвестно, чем восхищаться больше: поэтическим мастерством (к которому, впрочем, относятся иногда с некоторым равнодушием), эмоциональным предложением «лиричной дружбы», открывающимся (или сконструированным) в этом гигантском монологе-исповеди, или, наконец, тем, с какой точностью персонифицируется в поэте его родина [...]».

Первое предложение говорит о многом, — я выделила его не только как свидетельство того, что цыганские песни и романсы действительно часто звучали в кафе, но и потому, что оно объединило их с именем Блока. Я считаю это еще одним доказательством того, что польское восприятие творчества великого символиста было направлено главным образом именно на цыганскую составляющую его поэзии.

Вторым примером, окончательно доказывающим факт существования цыганских романсов в польской культурной жизни и их огромную популярность, могут быть данные из неполного селективного обзора каталогов тогдашних звукозаписывающих компаний и издательств, публикующих ноты и слова произведений этого музыкального жанра. Если заглянуть, например, в архив известной варшавской музыкальной студии «Сирена рекорд», то окажется, что список певцов, записывающих диски с цыганскими романсами действительно очень длинный, и состоит он не только из фамилий русских эмигрантов, но и включает имена польских артистов, освоивших этот репертуар. Среди российских мастеров, исполняющих цыганские романсы, следует назвать прежде всего знаменитого Юрия Морфесси, певца, который эмигрировал из России примерно в 1921 г. и обосновался в Польше, Ивана Никитена, Георгия Семенова и его русский хор (Ивана Петина-Бурлака, Михаила Ольхового, Александра Пухальского, Димитрия Дубровского), Аллу Баянову, Надю

Белич, российский ансамбль «Волга» под руководством Левицкого с такими вокалистами, как Галина Каренина и Варя Ласка. Российские песни и цыганские романсы безупречно пела также Ольга Каменская (точнее Ольга Фависевич из Грозного, перебравшаяся в Польшу примерно в 1921 г.), исполнявшая их на польском радио и в кино (в фильме «Ханка» она выступила с хором Семенова), в варшавском кабаре «Фемина», а потом в «Новом Момусе», и конечно, в различных русских ресторанах, школах и клубах, где обитала варшавская белая эмиграция, а также на гастролях в Вильно (в театре «Лютня») и Гдыне (в театре «Ривера»).

Среди польских исполнителей цыганских произведений надо упомянуть «польскую Марлен Дитрих» — Станиславу Новицкую, Павла Прокопеного (настоящее имя — Павло Прокоп) с Полесья, Тадеуша Фалишевского (исполняющего песни Вертинского), Стефана Витаса, Адама Астона (настоящее имя — Адольф Левинсон), спевшего знаменитый цыганский романс «Как трудно забыть...» (муз. Генриха Варса, слова Ежи Юрандота) в фильме Конрада Тома «Любовные маневры», малоизвестного В. Кухтинского и очень популярного Мечислава Фогга, исполнявшего тексты из репертуара Петра Лещенко («Скучно», «Синяя рапсодия», «Марфуша», «Сердце», «Марш веселых ребят») и русские фокстроты («Танцуй, Машка...» и «Смейся, Гришка...», муз. Оскара Строцека, слова Владислава Шленгеля). Вся эта информация почерпнута исключительно из каталогов студии «Сирена Рекорд», а ведь были и другие звукозаписывающие студии, предлагавшие слушателям богатый российский репертуар. Достаточно упомянуть хотя бы варшавское отделение фирмы «Колумбия» или студии «Одеон» и «Парлофон». Конечно, кроме записей публиковалось также много альбомов с нотами и текстами романсов. Уже в 1917 г. (или примерно в это время), а также в начале 20-х успехом пользовалась выпущенная компанией Густава Адольфа Гебеднера серия «Цыганские песни: выбор любимых цыганских песен для одного голоса с фортепиано». В это же время во Львове издательство Густава Сейфарта выпустило довольно объемные, содержавшие около 30 произведений брошюры с польскими переводами самых популярных цыганских песен («Альбомы цыганских песен»). В Варшаве Бронислав Рудзкий инициировал публикацию серии «Пианист в салоне: собрание любимых произведений в адаптации Леона Хоецкого», где поместил также несколько цыганских песен. В изданной им же серии «Музыкальная библиотека» из 152 томов рядом с ариями из опер Монюшко «Галька» и «Страшный двор» публиковались военные песни, а также такие курьёзы, как фокстроты «Джонни» и «Вамп» или танго «Чар блаженства». Более 40 томов, то есть 30% всей серии, было посвящено цыганским

романсам. Русские тексты переводила Зофья Байковская, а на обложках отдельных изданий помещались фотографии исполнителей, например, Миры Земинской (романс «Благодарю тебя!»), Юзефы Бельской («Дитя и роза»), Станислава Грущинского («Умчались года» — романс Сергея Александровича Кашеварова).

В связи с большой популярностью песен и романсов Вертинского многие издатели — Гебетнер и Вольф, Идзиковский, Громбачевский и Жепецкий — публиковали целые томики произведений этого артиста, включавшие оригинальный текст, польский перевод и нотную запись каждой песни.

Огромное количество изданий такого рода, необычайная популярность русских романсов, этот особый кабацкий цыганский синдром не остались незамеченными сатириками. Цыганские романсы пародировали в кабаре, высмеивали в воспоминаниях и собственном творчестве, достаточно вспомнить песню Галчинского «Кладбищенские штаны», которую поют герои «Общей комнаты» Кшиштофа Униловского. Влияние, которое эта музыка оказывала на молодое поколение, всерьез волновало морализаторов из круга Станислава Пясецкого; один из них, Роман Томчик, почему-то помогая себе латынью, кратко изложил в журнале «Просто з мосту» (1938, № 47) содержание этих недвусмысленных, «в грязи валявшихся» шлягеров: «Coitus, alkohol, proditio, scelus in Argentinico, russicoque fetore» (то есть «половые акты, пьянство, измены, преступления по-аргентински и русская вонь»; упоминание об Аргентине, скорее всего, намекало на хор «Дано», польский мужской вокальный ансамбль Владислава Даниловского, исполнявший танго по-испански и называвшийся «Coro Argentino V. Dano»). Далее автор, не особо стесняясь в выражениях, заключал: «Обратите внимание: авторы этих шедевров вместо своих еврейских имен охотно берут славянские, но персонажей называют на иностранный манер — Мануэла, Франциска, Танголита, Карменчита. Воспетые в них страны — это Мексика, Аргентина («торговля», так сказать!) и... Россия? Ни к селу, ни к городу? (...) Эти страны имели хоть какое-то отношение к танго, но Россия? Ни к селу, ни к городу? «Бублички», «У самовара я и моя Маша», «Цыганки-дурочки», «Смейся, Гришка». Я даже не хочу перечислять, столько этой гадости развелось. Все они — на одно копыто, гнилые, грязные, воспевающее всё то, что преступно и отвратительно».

Несмотря на антипатию многих, цыганский романс и — шире — русско-цыганская музыкальная культура расцветала в межвоенной Польше. Феномен ее популярности можно наблюдать, не только листая воспоминания, просматривая

объявления в газетах или каталоги музыкальных студий. Весьма интересным свидетельством ее существования является поэзия того времени. Многие стихотворения той эпохи заголовком, настроением, духом отсылают к упомянутому поэтическо-музыкальному жанру; атмосферой декадентских романсов проникнуто творчество не только выдающихся, но и многих менее известных, сегодня уже забытых поэтов. Мы найдем ее и в стихах Константы Ильдефонса Галчинского и Юлиана Тувима, и в произведениях Хаскеля Элленберга или Тадеуша Кончица...

Чтобы напомнить хотя бы об одном из них, я полностью приведу здесь стихотворение Тадеуша Кончица (настоящее имя — Альфред Анастазий Грот-Бенчковский), поэта, театрального критика, журналиста «Курьера варшавского», человека, пишущего для кабаре тексты серьезных и сатирических песенок, а также создающего польские тексты на музыку Вертинского. Это стихотворение — своеобразная дань цыганскому романсу, памятник «салонной цыганщины»:

Цыганский романс чудный голос поет —
Цыганский давно забытый романс...
Чтоб стены театра вошли в резонанс —
По сердцу он режет, и в душу он бьёт.
Романс, умытый в любовной крови,
Пронзительный, словно стрела,
Мелодия боли, слова любви
О сладостном счастье без дна
Цыганский романс...
Ну, пой же! Рухнут проклятые стены!
Взовьется в небо жертвенный костер,
И пламя неги, словно огненный танцор, —
Горячей жалостью пройдет по венам
Цыганский романс...
Пусть песня льется вместе со слезами,
Невесты брошенной печальный плач
В нем слышится, иль вдруг весенними глазами
Сияет он, и весел как циркач...
Молчи! ...
В нем вижу я судьбы моей печать
Его энергия не может удручать
Печалит он меня, теперь забытый,
Насмешливый, в крови, в слезах омытый
Цыганский романс...^[5]

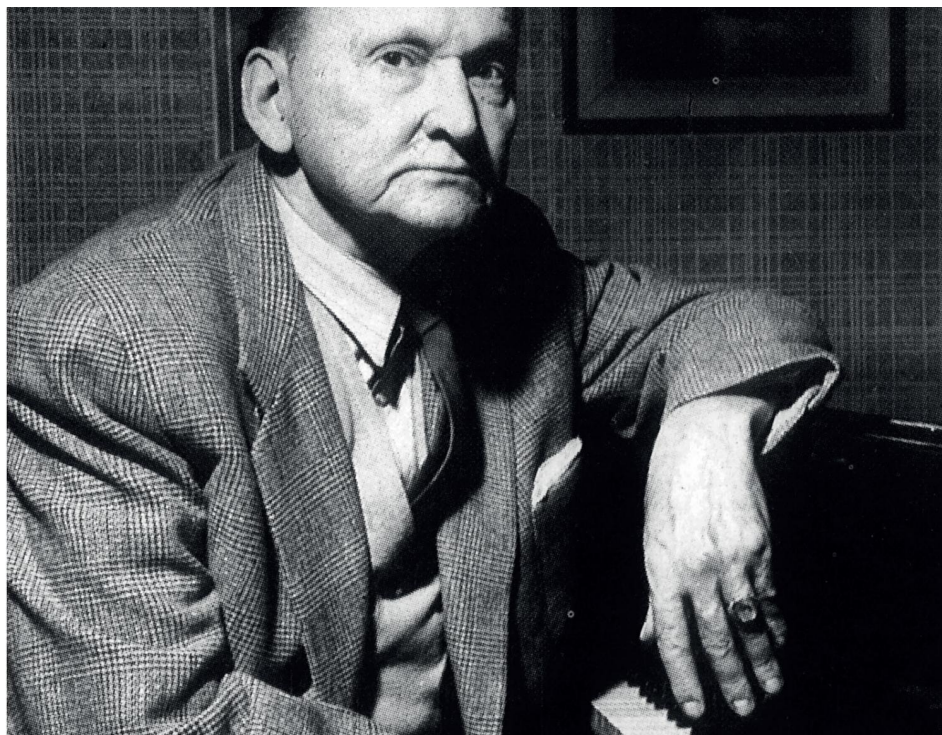
---

1. J. Giedroyc, Autobiografia na cztery ręce, oprac. K. Pomian,

Warszawa 1996, s. 15–16.

2. W. Słobodnik, *Ulica siedmiu śpiewających komet*, [w:] *Wspomnienia o K. I. Gałczyńskim, przedmowa i redakcja A. Kamieńska, J. Śpiewak*, Warszawa 1961, s. 169.
3. Автором песни «Сценическая картинка: Пьеротандр Пер-Вертинский», которую исполнила Ханка Ордон во время одного из выступлений кабаре «Qui Pro Quo», был Юлиан Тувим, впрочем, весьма ценивший русского певца. Это была пародия на цыганский романс Вертинского, исполнявшаяся на мелодию романса «У камина». На премьере этого номера присутствовал сам Вертинский, по рассказам, смеявшийся до слез. См. T. Boy-Żeleński, *Premiera w Qui Pro Quo. Rewia „Precz z Grabskim”*, „Kurier Poranny” 1924, nr 318.
4. А. Вертинский, *Дорогой длиною...* – Москва, 1990. См. также: F. Járosy, *Trubadur współczesności*, „Wiadomości Literackie” 1924, nr 38, s. 3. Культ русской культуры и Вертинского вызывал, конечно, много эмоций — см., например, полные негодования замечания в письме Ярослава Ивашкевича жене Анне от 8 октября 1924 г. о Вертинском, поющим песни и декламирующим поэзию Ахматовой на званом обеде у Тувимов (Anna i Jarosław Iwaszkiewiczowie, *Listy 1922–1926*, oprac. M. Wojanowska, E. Cieślak, wstęp T. Burek, Warszawa 1998, s. 176) и критические отзывы Бориса Савинкова о Вертинском в газете «За свободу».
5. Оригинал опубликован: T. Kończyc, *Romans cygański*, „Ilustrowany Przegląd Teatralny” 1921, nr 30–31, s. 9.

Артист под подозрением

Александр Вертинский, 1954 г. Фото: East News

Бесспорно одно: после огромных успехов в Польше Александру Вертинскому с 1925 года был запрещен въезд в нашу страну. Сохранились свидетельства двух людей, тесно связанных с этим делом. Я хочу привести их не ради поисков истины, которая в таких случаях недостижима. Для меня важна специфическая аргументация, механизм подозрительности в атмосфере шпиономании и цензорский менталитет. Вот авторы цитируемых историй.

Михал Криспин Павликовский (1893–1972) был журналистом в Вильно, знатоком охотничьей тематики. С 1940 г. находился в эмиграции, многие годы работал преподавателем польского и русского языков в университете в Беркли. Публиковал в лондонском еженедельнике «Вядомосци» весьма солидные обзоры русской эмигрантской прессы.

Рышард Врага, настоящее имя Ежи Незбжицкий (1902–1968), до войны был руководителем восточного отдела польской разведки. После войны сотрудничал с парижской «Культурой». Это сотрудничество закончилось в 1951 году, когда Врага обвинил Чеслава Милоша (после его побега на Запад) в сотрудничестве с польскими спецслужбами. Ежи Гедройц

потребовал представить доказательства, Врага лишь сослался на свою интуицию.

Михал К. Павликовский ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

1922–1924 годы Вертинский проводил в Варшаве либо в Сопоте под Гданьском. Варшава сходила по нему с ума. Впрочем, будучи одарен немалой смекалкой, он сориентировался, что дешевые «сентиментальные» эффекты вышли из моды. Так что вначале часть программы, а затем и весь концерт он выступал не в цирковом костюме Пьеро, а в смокинге, сшитом первоклассным портным (в варшавский период он одевался в мужском отделе фирмы Богуслава Герсе). Помню, как варшавская публика реагировала на его песни. Когда он пел рефрен своего шлягера «Пей, моя девочка! Пей, моя милая, это плохое вино!» — три четверти заполненного до отказа зала филармонии билось в транс, близком к истерике. Что не мешало одному пожилому господину позади меня громко шептать своей соседке: «Какого черта он предлагает ей пить, раз вино плохое?». Но этот пожилой господин был исключением. Варшава, как я уже сказал, сходила с ума. И как тут не сойти, если Вертинский написал и исполнил особую «польскую» песню «Пани Ирена», в которой мы услышали о «гордых польских руках», «голубой крови королей» и об акценте «польской изысканной речи»... В последующие годы не менее двух дюжин варшавских Ирен утверждало, что песня была адресована именно им. Однако так вышло, что я знал ту настоящую Ирену, и что в мою жилетку плакал слезами обиды и отчаяния Вертинский из-за того, что «пани Ирена» не хочет его осчастливить. [...]

Ведь меня с Вертинским — в его варшавский период — связывала дружба. Впрочем, дружба эта была довольно односторонней, так как он принадлежал к тем людям, которые позволяют себя любить, но сами не любят никого.

Было бы неумно высказать свое отношение к творчеству Вертинского, лишь пожав плечами. Не без значения тут и тот факт, что одно из поэтических направлений в Польше ставило в вину другому поэтическому направлению подражание Вертинскому. Это невинное литературное сведение счетов говорит, по меньшей мере, о его популярности. Правда такова, что Вертинский «пленил» и по-прежнему «пленяет». [...]

Вернусь к истории. В 1924 году Вертинский приехал на концерты в Вильно. Пока он пел «нейтральные» песни, зал

приветствовал его безумными овациями. Но когда он запел пропольскую «Пани Ирену», тут и там раздался свист^[1]. Мелочь — но она совершенно изменила мое отношение к Вертинскому. В ту же ночь я написал *ex officio*^[2] в Министерство внутренних дел, указав, что некоторые пассажи в песнях Вертинского содержат святотатственные моменты (что было чистой правдой, но почтенные работники министерства прежде этого не замечали). Впрочем, мне и в голову не приходило вредить другу «Шурке» (именно так мы его звали). Я просто хотел, чтобы наша зрелищная цензура вычеркнула из его песен несколько «рискованных» фраз^[3]. Наши цензоры решили иначе: они вообще запретили выступления Вертинского в Польше. С тех пор ему приходилось покорять Польшу исключительно пластинками. А позже мне сообщили из Сопота, что Вертинский, узнав, кому он обязан запретом на въезд в Польшу, якобы выразился так: «Не думал, что Миша — такая свинья». «Миша», однако, до 1939 г. с благоговением хранил его портрет со следующим посвящением: «Милому, дорогому Михаилу Казимировичу на память о короткой, хотя и взаимной симпатии»...

После своих польских успехов — преждевременно оборвавшихся — Вертинский отправился в Париж; там он выступал в ночном русском ресторане. Его заработки ограничивались почти исключительно доходами (впрочем, кажется, значительными) от пластинок, ведь золотые польские времена, когда за один концерт в Варшаве он получал «на руки» 1000 долларов, а за концерт в Барановичах — 500, прошли безвозвратно.

«Вядомости» 1955, № 34

Рышард Врага ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мне хотелось бы освободить — если это возможно — г-на Михала К. Павликовского от тех угрызений совести, которые до сих пор терзают его из-за написанного много лет тому назад *ex officio* донесения по вопросу о «святотатственных моментах» в песнях Вертинского.

Вертинского и других лишили права на въезд и выступления в Польше ни в коем случае не в связи с этим донесением. Этот запрет вообще не имеет ничего общего с его артистической деятельностью. Думаю, такое разъяснение необходимо не только по причине вышеупомянутых угрызений совести. Русские в Польше и вне Польши до сих пор считают, что

лишение Вертинского права выступать в Польше «было еще одним доказательством» подавления русской культуры в Польше. На самом деле все происходило совершенно иначе. В 1926–1927 годах руководство служб безопасности установило, что Вертинский является советским агентом. Это были не какие-то улики или подозрения, которые так легко могли бы возникнуть на основании доносов из эмигрантской среды, но конкретные данные. Вертинский был завербован советской разведкой, вероятно, во время своего пребывания в Константинополе и использовался для работы в среде русской аристократии, куда он — как все известные артисты — имел неограниченный доступ. Он сыграл немаловажную роль в сборе большевиками сведений для крупной провокации с т.н. «Промпартией» и ее связями за границей. Также он был косвенно замешан в не менее знаменитой афере «Трест». К Вертинскому вели следы в афере с похищением обоих верховных вождей эмиграции: Кутепова и Миллера^[4]. Он был бесценным информатором известного генерала графа Игнатьева. Разведывательные и провокаторские возможности Вертинского были огромны. Когда в Польше я собирал материалы для книги о «Тресте», у меня было порядка 15 фотографий Вертинского в таком обществе, что даже зависть брала. Впрочем, достаточно было, находясь в Париже, посидеть несколько часов в ресторане Корнилова (на рю д'Армай), бывшем штаб-квартирой Вертинского и других крупных советских шпионов, чтобы убедиться в возможностях Вертинского.

«Ведомости» 1955, № 43

Михал К. Павликовский
ПИСЬМО МЕЧИСЛАВУ ГРЫДЗЕВСКОМУ,
редактору еженедельника «Ведомости», июнь 1957 года^[5]

По случаю смерти Вертинского мне вспомнилось письмо Враги относительно моей статьи «История одной дружбы». Тогда я не захотел отвечать, слишком уж много этих писем в редакцию — моих и чужих! Тем не менее, Врага все же напутал, а может быть, «приукрасил». Он утверждал, что запрет на выступления Вертинского в Польше был вынесен вследствие полученных разведкой сведений в 1926 году. Тем временем запрет стал следствием моего вмешательства в конце 1924 или в начале 1925 года — в период, когда начальником отдела прессы и зрелищ был Мельхиор Ванькович^[6]. При всем уважении, которое я питаю к магическим способностям нашей бывшей

«двойки»^[7], сомневаюсь, чтобы она была способна на такой фокус, т.е. выступление против Вертинского в 1924/1925 году на основании информации, полученной годом позже...

Я пишу Вам об этом не для того, чтобы ответить Враге спустя 2 или 3 года, а чтобы подчеркнуть, что выдвинутое против Вертинского обвинение в шпионаже весьма сомнительно.

-
1. Наверняка публика состояла из местных русских — Прим. ред.
  2. *Ex officio* – по должности, в силу занимаемой должности (лат.) — Прим. пер.
  3. В личном письме редактору «Вядомостей» Мечиславу Грыдзевскому (от 3 мая 1955) автор упоминал, что речь, в частности, шла о следующем фрагменте: «А высоко в небе сам Великий Обманщик / Время»; «Будет это Христос / Пророк или просто обманщик» — Прим. ред.
  4. Видные деятели белой эмиграции генералы А.П. Кутепов и Е.К. Миллер были в разные годы похищены в Париже сотрудниками НКВД — Прим. пер.
  5. M. K. Pawlikowski, Listy do redaktorów „Wiadomości”. Opracował P. Rambowicz. Toruń 2014, s. 98.
  6. Мельхиор Ванькович (1892–1974) — журналист, репортер. В 20-е годы в Министерстве внутренних дел занимал пост руководителя отдела прессы (1923–1925) и начальника отдела прессы и зрелищ (1925–1926) — Прим. ред.
  7. «Двойка» — Второй отдел Генерального штаба, занимавшийся разведкой — Прим. ред.

Выписки из культурной периодики

Не знаю почему, но все больше и больше меня занимает ведущаяся в нашей прессе дискуссия на тему угроз польской идентичности. Опасность, в особенности согласно правым публицистам, надвигается со стороны «политической корректности», культивируемой в Европейском союзе. Однако прежде чем цитировать текст, в котором данная опасность представлена наиболее рельефно, я обращаюсь в своем обзоре к статье Конрада Колодзейского «Европа дрожит», опубликованной на страницах приложения к «Жечпосполитой» — еженедельника «Плюс Минус» (№ 177/2016): «Европейцы с ужасом наблюдают, как приезжие отнимают у них родные города, улицы, дворы. Не исключено, что через несколько десятилетий Брюссель, Мальмё или Марсель будут более напоминать Могадишо или Бейрут, чем какой-либо город Старого Света. Над Европой сгущаются темные тучи. Не будет большим преувеличением сказать, что вокруг нас набирают силу течения, стремящиеся уничтожить западную цивилизацию, — во всяком случае, в том виде, в каком мы ее знаем. Европа начинает испытывать страх, подобный тому, которым сопровождалась в XVII веке известия о непрерывных победах оттоманской Турции, или ранее, в XIII веке, когда с востока надвигались татарские орды. В те времена ставкой было сохранение христианской Европы. Сегодня у нас нет общего фундамента, на котором мог бы строиться отпор агрессии воинственного ислама или авторитарной России. Забывающая о своих корнях Европа все чаще напоминает увязший между христианством и язычеством закатный Рим, который, несмотря на свое цивилизационное превосходство, был не в состоянии противостоять вторжению и пал под ударами варваров. Все же современная Европа, в отличие от Рима, еще не в полной мере обречена на крах. При условии, однако, что отбросит риторику политкорректности и укрепит культурную идентичность. Этого нельзя сделать без обозначения границ допустимой толерантности по отношению к другим культурам и без устранения знака равенства между Европой и остальным миром».

Я пишу эти заметки как раз тогда, когда в Кракове проходят Всемирные дни католической молодежи, организованные Папой Франциском (инициатором мероприятия выступил 31

год назад Папа Иоанн Павел II), центральная тема которых — милосердие. Взывающий к милосердию Папа сосредоточился, прежде всего, на судьбе иммигрантов и обязанности каждого христианина оказать помощь тем, кто бежит от войны и голода. Как известно, некоторая — довольно значительная — часть общества в странах Европейского союза, в том числе и в Польше, противится приему первой волны (первой, так как, несомненно, будут следующие) нынешнего переселения народов, что столь же понятно, раз уж страх перед «чужими» (особенно магометанами) усиливается, сколь и неэффективно: эту стихию не сдержать. В такой ситуации трудно себе представить неизменными общественные, политические, а также, конечно, культурные структуры. Чем же тогда должна быть та самая «культурная идентичность» Европы, о которой пишет Колодзейский? И стоит ли об этой идентичности говорить в условиях, когда в Польше идет борьба за национальную идентичность? О необходимости защитить последнюю ведется речь в опубликованном в том же выпуске еженедельника фельетоне Петра Вежбицкого «Только независимость». Обращая внимание на тенденцию к усилению интеграции внутри Европейского союза, автор указывает на серьезность ситуации: «Европейское сверхгосударство — это, понятное дело, утопия. Не надо быть пророком, чтобы ясно представить: в такой искусственной конструкции под прикрытием титулованных персонажей власть негласно осуществляли бы группы крупнейших дельцов, для поддержания порядка надо было бы сразу применять силу, недовольных изолировать или депортировать, а все закончилось бы тотальной катастрофой — вспышкой тех самых эксцессов национализма, которым призвано было противостоять это предприятие. Вопреки тому, что говорят критики нынешнего состояния Евросоюза, не одни лишь бездушные технократы подрывают сегодня эту организацию, но и фанатичные борцы за великое дело, которое оказалось не по силам коммунизму. Это — строительство нового мира и формирование нового человека, разве что теперь не путем свержения капиталистов и помещиков <...>, но путем разрушения традиционной ментальности, жизненного уклада и культуры, с особым вниманием к устранению каких бы то ни было различий между личностью и личностью, общностью и общностью, мужчиной и женщиной и т.д. Как же могла не оказаться под прицелом национальная идентичность! Легко сказать: „Заменим это поистине вавилонское столпотворение общей европейской идентичностью!“ Но сколько придется ждать результата? Так что ускорим процесс: если за жителем варшавского округа или пражской губернии будут присматривать полицейский из Парижа, тайный агент из

Люксембурга и рота Бундесвера, то у того быстро улетучатся из мыслей всякие национальные фокусы. Почва готовится давно, в том числе и здесь, в Польше. А чем же должен увенчаться беспрестанно форсируемый процесс интеграции, если не положением, в котором уже нечего уравнивать? <...> Незачем тратить время и нервы, чтобы убеждать: лучше жить в независимой Польше, чем в стране несамостоятельной или такой, которая сама себя решила отменить. <...> Национальная независимость — это одна из тех ценностей, которые имеют статус аксиомы. Ее не объясняют другие ценности — они сами выводятся из нее».

Что тут скажешь! Читаю я эти статьи — и голову ломаю над тем, что же именно нам надобно защищать: европейскую идентичность, о которой пишет Колодзейский, или, скорее, польскую национальную идентичность, о которой идет речь в тексте Вежбицкого? Вот дилемма наших дней. А беженцев прибывает. И меня беспокоит, что как первый из авторов полагает необходимым «устранение знака равенства между Европой и остальным миром», так Вежбицкий требует устранить этот знак равенства между Польшей и остальной Европой. Я тревожусь за судьбу католической Церкви. Католической, то есть всеобщей, Церкви, двухтысячелетнее устремление которой к созиданию общечеловеческого единства, по логике Вежбицкого, надо отринуть как угрожающее польской культурной уникальности. Приняв во внимание, что сращение «поляк-католик» — это одно из фундаментальных понятий, которым у нас пользуются защитники национальной идентичности, подобный образ мыслей должен окончательно его разрушить. Я бы посоветовал Вежбицкому задуматься над тем, чем руководствовался Бисмарк, когда в XIX веке провозглашал направленную против Ватикана политику «культуркампфа». Пожалуй, так в Польше дойдет и до раскола и возврата к мессианским идеям: вот мы, поляки, новые «богоносцы», должны избавить Европу, неся ей — в борьбе с исламом — единственно истинную веру. Среди этих публицистических игрищ и забав серьезно звучит суждение профессионала — Марека Цихоцкого, германиста, философа, специалиста по международным отношениям, высказанное в интервью, опубликованном под заголовком «История берет сегодня реванш за тезис о конце истории» на страницах вроцлавского ежемесячника «Одра» (№ 7-8/2016): «Мы говорили уже, что история никогда не повторяется точь-в-точь, поэтому если бы я отважился на какой-либо прогноз, то с необходимой осторожностью сказал бы так: во-первых, те принципы, на которые опиралась система интегрированной Европы, не имеют абсолютного характера. Они не только перестали быть примером для людей вне Европы, но в них мало

верят и в самой Европе. Во-вторых, нам придется, в связи с этим, столкнуться с положением, когда возрастающую роль будут играть государства и их правительства. Перед лицом экономических и даже социальных угроз, которые очевидно растут <...>, эти общества будут ожидать или даже требовать от своих правительств решения злободневных проблем. Значение государства будет скорее расти, чем исчезать. <...> Не похоже, чтобы нам угрожало возрождение национализмов по типу XIX века. Поворот обществ в сторону национальных государств, возрастание ожиданий, обращенных к правительствам, не должно, по моему мнению, опираться на возвращение к ценности национального как абсолюта. Прежде всего потому, что современная культура — европейская и мировая — в связи с взаимозависимостью, взаимосвязями, простотой коммуникации значительно «космополитизировалась», в хорошем значении этого слова. Образуется обширное культурное пространство, в котором действуют иные ориентиры, нежели классические критерии национальной идентичности. Это не значит, что национальная идентичность перестанет существовать, но я не думаю, чтобы она могла вернуть свой абсолютный характер, что в Европе появится возможность возвратиться к традиционному национализму — ни в общественных отношениях, ни в культуре. <...> Мне кажется, что ни народ, ни уровень чувства национальной идентичности не является тем, что в первую очередь движет европейскими обществами, в отличие от ощутимой нехватки экзистенциальной безопасности, которую должна была, но не сумела обеспечить Европе социально-экономическая интеграция».

В принципе, с такой попыткой диагноза (не без причин высказанного в сослагательном наклонении) можно и согласиться, хотя трудно не замечать во многих европейских странах довольно многочисленных и подчас brutальных инцидентов, подтверждающих существование импульса того самого «традиционного национализма». Однако соглашусь: проблема чувства безопасности — это, несомненно, первостепенная проблема. Замечание, что «значение государства будет скорее расти, чем исчезать», показывает, что правительства должны быть ответственны за экзистенциальную безопасность — все-таки это их прямая обязанность. Но дело в том, что усиление безопасности неизбежно означает ограничения свободы. Это универсальный принцип. И нельзя не предположить, что даже если требование «больше государства» не означает неотвратимости возрождения национализмов, то с вероятностью, граничащей с уверенностью, означает возрождение авторитаризмов. Вот что пишет в опубликованном в еженедельнике «вСети» (№

30/2016) фельетоне «Учиться у автократов?» профессор Анджей Зыбертович, советник президента Республики Польша: «Меня заинтересовал познавательный аспект бытия тираном — особенно таким, который не унаследовал властную функцию, не влез в уже институционально приготовленные „сапоги“, но сам для себя их стачал. Я задумывался над познавательным измерением функционирования властителей, которые в неблагоприятном — сегодня бы сказали „конкурентном“ — общественном окружении были в состоянии долго править. Быть может, источником их успехов было значительно лучшее, по сравнению с окружающими их людьми, понимание механизмов общественной жизни своей эпохи? Может быть, их властные преимущества базировались не столько на лучших источниках информации (тайные осведомители, удачно подобранные советники), сколько на лучшем понимании (по-видимому, преимущественно интуитивном, но основанном на более тонком восприятии) общественных явлений?»

Это, как говорят политики, очень хорошие вопросы, особенно когда такие тираны тачают свои «сапоги» под аккомпанемент рассуждений о необходимости установить порядок, который обеспечит обществу чувство повседневной безопасности, подкрепленное материальным достатком, уверяя при этом, что их правление не имеет целью нарушать основополагающие права человека и гражданские права, и на голубом глазу, с придыханьем, провозглашают себя истинными демократами.

Стихотворения

Перевод Анастасии Векшиной

Гадание на дожде

Девушка смотрит на дождь в открытом окне,
струны дождя сплетаются в разные образы,
это глaдeньe на дождь — словно ожидание,
девушка словно всю жизнь свою смотрит на дождь,
в струях дождя пытается девушка разглядеть
своего будущего возлюбленного,
может быть, дождь будет милостив к ней
и на мгновение затуманится в образ
будущего возлюбленного,
но дождь вдруг перестает идти,
будто подумал и решил повременить с ответом,
пусть девушка ждет до следующего дождя,
у девушки есть еще время,
девушка теперь сама плачет, словно это в душе у нее дождь
льется,
может быть, в дожде своего плача
увидит девушка будущего возлюбленного
Девушка, которой нравится его галстук
люблю, когда ты теребишь мой галстук,
хочешь освоить узел, распутать узел,
я и сам — тоже такой узел,
у вас галстук кровавый, как жизнь,
всегда приходите в этом красном галстуке,
во мне самом нет жизни,
хочешь сперва освоить мой символ —
начни с освоения меня самого,
посмотрела на часы, опаздывает,
и
мне тоже пора — он застегнул пиджак,
последний раз посмотрел в огонь, темнеющий
в ее каштановых волосах,
она не взглянула на узел галстука,
пока, пока, пошли в разные стороны,
мужчина коснулся галстука,
словно хотел убедиться, что тот не развязан,
но узел всегда остается,
и узел его жизни — тоже

Темная роза

берет ее волосы в руки, вдыхает,
берет ее волосы в губы, впуская
их шепоты в глубь своего тела,
чтобы там шепоты поведали Тайну,
чтобы душа девушки явилась
в глубине его тела и принесла покой,
но ее душа больна
и является в глубине его тела
со своей болезнью,
он слышит, как шепоты этой болезни постепенно
проникают в его тело,
и слышит, как эти шепоты слушает его тело,
смотрит на девушку и видит, что вся она
окутана тенью,
видит, как мрак собирается в ней, густеет,
словно с ее помощью мрак
воплощает свои идеи, странные, загадочные,
ее глаза гипнотизируют его,
словно невидимые звезды,
спрятанные глубоко в темнотах ночи,
никогда не показывающиеся полностью,
но своим ужасным светом
пронизывающие пространства мрака,
мужчина уверен, что девушка любит его
всей своей мрачной бездной

Уборка изнасилования

девушку изнасиловал в парке бродяга,
словно влил в нее ил из заброшенного пруда,
словно набил в нее сухих листьев и мусора
со всего парка,
даже тех, о которых сам парк не помнил,
сколько всего, думает девушка,
девушка потрясена,
все это из нее плывет, вытекает,
словно девушка возвращает весь этот парк,
она хочет как можно скорее выйти из парка,
словно хочет выйти из своего тела
и из души,
словно хочет забыть, что душа и тело
друг с другом соприкасаются,
словно хочет сбежать от границы,
где душа и тело соприкасаются,
дома мать сажает девушку в ванную
и трет ее чуть не до крови,
словно хочет добраться до самой души и душу
тоже вымыть,

перед тем как вытереть полотенцем,
мать встряхивает девушку, словно хочет вытрясти
из нее всю грязь и весь мусор,
и трясет все сильнее, как будто хочет
наконец до души добраться и встряхнуть душу,
девушка надевает чистую ночную рубашку,
телу простить проще, чем душе,
во дворе девушка с матерью
сжигают платье, колготки, трусы, бюстгальтер,
девушка бросила бы в огонь свою душу,
смешала бы ее со своим бельем и платьем
и смотрела бы, сгорит ли она без остатка,
сгорят ли все пятна,
но не все сгорело, остались целые
несгоревшие части,
мать складывает несгоревшие части в сумку,
в эту сумку девушка положила бы и свою душу,
ее несгоревшие части,
мать и дочь стоят над рекой,
словно стоят над Временем,
мать выбрасывает в реку сумку,
словно Времени отдает остатки изнасилования,
тело уже очищено, думает девушка,
но душа — как река, темная, замутненная,
грязная, неизвестно куда плывущая,
неизвестно куда спешащая,
мать уходит с реки,
а девушка все стоит над рекой,
словно плывущее Время, как зеркало,
отразит ее душу и запятнанное отражение
в этой реке утопит

В лунном свете

Януш Стычень (р. 1939) дебютировал в 1966 году сборником «Контуры» — название, сразу вводящее в пространство мира, где именно контуры или силуэты выделяют предметы из мировой магмы, но выделяют непрочно, поскольку границы между предметами и явлениями этой действительности переменчивы, размыты, нечетки. Это поэзия, черпающая вдохновение в традиции, слабо представленной в современной польской лирике — в поэтике сюрреализма с ее полусонными видениями, позволяющими соединять реальное и воображаемое. В поэзии Стычменя переход между явью и сном, как и между жизнью и смертью, плавен и неуловим, а статус образа определяется не рациональным порядком, а силой художественного творения.

Примечательны названия поэтических сборников, опубликованных писателем за последнюю четверть века: «Листья луны» (1989), «Мужчина и женщина смотрят на луну» (1989), «Поэзия мрака» (1995), «Вечная ночь любви» (1999) или, наконец, «Фурия инстинкта» (2001). Впрочем, луна (месяц) — постоянный герой его стихотворений, ориентир:

кто-то из людей именно сейчас хочет,
чтобы месяц взял его людскую сущность в свои руки,
просеял между пальцами
и добавил к своей холодной субстанции

Причем эти стихи, как сказал бы Милош, «нашептаны эротическим воображением». Эротизм здесь является движущей силой всякого существа, а его подсознательное действие определяет способ мироощущения — как, например, в стихотворении «Белые ночи»:

вместо девушки — образ ее во сне,
вместо жизни — ночная луна жизни,
вместо страсти — горящая свеча,
вместо тела — одежды этого тела,
похожие на брошенные крылья,
вместо поцелуя — память о глазах и губах,
как портрет, написанный на холсте Времени,
вместо ночи — слепящий, непрерывный
день смерти

В свете «ночной луны жизни» контуры мира стираются, теряют свою четкость, но в то же время придают этому миру таинственный, волшебный смысл — тем более, что в своих произведениях Стычень отсылает к старым, заложенным в древних формулах символам, таким как огонь или роза. Образы, создаваемые в этих стихах, перетекают друг в друга, имеют свою динамику, которую можно проследить в каждом следующем сборнике поэта. Все его сборники складываются в своего рода фрагментарную поэму, цельность которой — несмотря на интонационное развитие, свидетельствующее о накоплении экзистенциального опыта — вполне очевидна. Несомненно, Януш Стычень — один из самых оригинальных польских поэтов современности, при этом с момента своего дебюта остающийся художником особенным, сторонящимся центров литературной жизни и модных тенденций, противопоставляющим их переменчивости последовательность собственного творчества.

Диалог о Солженицыне

Никола Кьяромонте: Писательская судьба Солженицына за пределами России кажется мне столь же необычной, сколь и симптоматичной для культурной и нравственной ситуации в Европе. С одной стороны, у нас есть писатели, критики, так называемая культурная публика (что сегодня означает: просто разбирающаяся в новинках моды). Подавляющее большинство таких людей называет Солженицына «документальным» писателем, автором с сильным и благородным характером, но скромными художественными возможностями, провозвестником «социализма с человеческим лицом», то есть моралистом, а не политическим (и потому малоубедительным) писателем; смелым поборником «десталинизации» (впрочем, кто на Западе не был сторонником «десталинизации», с тех пор как Хрущев положил начало этому не очень понятному и трудному для определения процессу?). Словом, Солженицын считается здесь замечательным писателем и человеком с характером, но если речь идет о литературном мастерстве, то он сильно отстает от наших ошеломляющих тонкостей. С другой стороны, если поговорить с людьми простыми, восприимчивыми и чуткими, которые прочли «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», «Раковый корпус», то нельзя не заметить того сильного впечатления, какое производят на них эти книги. Будь то итальянцы или французы, англичане или американцы, в Солженицыне они находят тип писателя, от которого в своих странах давно уже отвыкли, — писателя, говорящего одновременно уму и сердцу. Писателя серьезного (чтобы не употреблять слова «великий», которое в этом случае ничего не объясняет). Независимо от возраста эти люди открывают на страницах книг Солженицына образ общественного мира и моральной вселенной. Общественный мир — это сегодняшнее советское общество, описанное снизу доверху, начиная с лагерей, тюрем и больницы для раковых больных, продолжая несчастным средним классом бюрократов и кончая высокими и высшими представителями режима. Но этому серьезному и подробному изображению сопутствует как бы порождаемый им спокойный и сдержанный взгляд на человеческое бытие. В этом взгляде юные и пожилые читатели находят не ответы на отвлеченные вопросы, а подтверждение элементарного факта, чрезвычайно затемненного сегодня: что высокое назначение человека — путь истинного освобождения — состоит, согласно античной

формуле, в способности к «страданию и пониманию», а не в наслаждении своим раздутым до крайности «я». Этим читателям заключенный Герасимович из романа «В круге первом» напоминает: то, что мы привыкли называть «бессмертной душой», не присуще нам изначально, а добывается нами, и только неимущие, те, кто добровольно или силой оказывается вне мира «вольняшек», «жадно и неумело пользующихся отпущенной им свободой», способны поймать такую добычу. «Их ожидало только худшее. Но в душах их был мир с самими собой. Ими владело бесстрашие людей, потерявших все до конца, — бесстрашие, достаемое трудно, но прочно». Так в конце романа «В круге первом» автор пишет об отправке группы заключенных из шарашки вновь за колючую проволоку лагеря. В читателях, о которых я говорю, подобные слова вызывают потрясение не сами по себе, а потому, что порождены они скупым и, без сомнения, достоверным описанием действительности. В каком-то смысле можно сказать, что Солженицын не столько «представляет», не столько «дает волю фантазии», сколько укореняет в совести читателя существование действительности, которая становится предметом его изображения. Поэтому в его книгах виден ответ, а точнее — ясные контуры ответа на то ужасное смятение, которое, если даже и не вызвано автократической системой, терзает сегодня каждого сознательного человека, смятение от повседневной гонки жизни, лишенной смысла, жизни, в которой человек чувствует, что день ото дня губит свою душу.

Густав Герлинг-Грудзинский: Душу... В «культурной среде» сегодня это слово употребляется редко, оно считается атрибутом или старосветских попов, или сумасшедших. Станислав Виткевич в вышедшем недавно в Италии романе «Ненасытимость», говорит, что о душе «знают сегодня кое-что только сумасшедшие». Гениальный Виткевич! Вот как в 1927 г. он пророчил ликвидацию души с помощью Новой Веры и пилуль Мурти-Бинга: «Вера и таблетки Джевани сиюминутно давали много, каждый миг доставляя средства для борьбы с личностью (а что есть зло, как не чрезмерно буйно разросшаяся личность?), однако убивали в вероприверженцах и таблеткопоедателях всякую способность предвидеть будущее, соединять мгновения жизни в цельную конструкцию предстоящего. Происходило полное распыление личности на протяженность бессвязных моментов; возникала готовность к подчинению любой, даже самой дурацкой механической дисциплине»^[1].

Я читаю сейчас «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам. Она пишет о «психической слепоте советских людей», действующей

«разлагающе <...> на всю их душевную структуру». И прибавляет, что «поколение добровольных слепцов» уже уходит со сцены по естественным причинам — в силу старения. Но что — спрашивает семидесятилетняя спутница жизни замученного поэта — передали они по наследству своим потомкам? Много ли среди обладающих зрением тех, кто не только смотрит, но и видит? Видящим, а не только смотрящим, без сомнения, следует назвать Солженицына. Его видение выходит далеко за рамки сугубо российской проблематики, можно лишь сказать, в какой степени оно пропитано образом России. Простых, чутких и восприимчивых западных читателей Солженицына трогает и заставляет думать более всего то, что его книги возвращают значение и как бы чистое звучание девальвированным, казалось бы, и совершенно затасканным понятиям: душа, личность человека, добро и зло, справедливость, честность, любовь, правда, жажда бессмертия. Иными словами, восхищение Солженицыным являет собой скрытый, а зачастую едва ли осознаваемый бунт против мира, который «убивает в людях всякую способность предвидеть будущее, соединять мгновения жизни в цельную конструкцию предстоящего», который «распыляет личность на протяженность бессвязных моментов, чтобы тем проще ее подчинить механической дисциплине». Если бы творчество Солженицына ограничивалось лишь «Одним днем Ивана Денисовича», мы могли бы говорить только о *carmen horrendum* советского строя, как Герцен говорил о *carmen horrendum* царизма в связи с «Записками из Мертвого дома» Достоевского. Но в «Матренином дворе», «Раковом корпусе» и даже в романе «В круге первом» Солженицын поднимается над советской действительностью и вступает в универсальные области. Праведник, без которого не стоит ни одно село, ни один город; чем живет и как умирает человек; внутренняя свобода, бросающая вызов силе и насилию. Удивительно, что есть еще в мире писатель, который нашел в себе смелость так думать и так говорить. На Западе писателей, за очень малым исключением, не заботят «милые банальности» такого рода. Здесь литературные «тонкости», как ты их называешь, — это искусство делать вид перед собой и другими, что жизнь и литература не стоят на месте, это изоощренная и вместе с тем бессодержательная игра в действительность.

Никола Кьяромонте: Да, западным литераторам произведения Солженицына кажутся добросовестно документальными и не более. Что ж, мы знаем, что современные писатели не питают особого уважения ни к нравственности, ни к правде. Это не случайно, что итальянский писатель предложил формулу «литература как ложь». Формулу, гораздо более традиционную в Италии, чем это может показаться на первый взгляд, и

подходящую почти ко всему, что создается сегодня на Западе. Может, мы забыли, что выдающийся французский интеллектуал Мишель Фуко, приглашенный в Коллеж де Франс, прочитал в строгих стенах этого заведения речь, в которой «воля к истине» была названа репрессивной формой свободы слова?

У меня создается впечатление, что в этом месте мы доходим до настоящего «железного занавеса», который отделяет нынешнюю западноевропейскую интеллигенцию от интеллигенции Восточной Европы. Карло Бо, один из очень немногих итальянских критиков, которые по достоинству оценили творчество Солженицына, говорит следующее: «Это верно, что за художественную свободу гораздо серьезнее борются сегодня в стране Солженицына, чем где бы то ни было (скажем прямо, чем у нас); это объясняет и то, почему их литература более аутентична, более благородна, правдива, чем все наши неоднозначные особенности и приемы». От себя я бы еще добавил, что в этом контракте речь идет о вещах гораздо более серьезных, чем просто свобода искусства или даже политическая свобода. Речь идет о ценности человеческого бытия, которую здесь пытаются странным образом принизить и ниспровергнуть, в то время как там ценой страдания заново открывают его основы. И как мне представляется, нет вещи более важной для того, кто занимается интеллектуальным трудом и воспитывает в себе право на интеллектуальную свободу, чем найти необходимое единство между тем, что истинно, тем, что справедливо, и тем, что пробуждает в человеке стремление к истине и справедливости. Словом, мы должны знать, является ли трагедия, переживаемая народами Запада и Востока вот уже более пятидесяти лет и вызывающая содрогание в человеческой совести, фактом, достойным внимания, или это тоже что-то вроде ледяной арены для искусных фигуристов.

Густав Герлинг-Грудзинский: Я согласен с Карло Бо, поскольку знаю, что он имеет в виду литературу более или менее запрещенную. Явление касается, впрочем, не одной только России. Каждый раз «оттуда» приходит книга, непременно весомая, превосходящая по своим качествам новшества, захваленные на западных книжных рынках. Возникает естественный вопрос: почему? В ответ мы слышим: «ценой страдания». Да, это направление в русской литературе давнее и глубокое. В дневнике Надежды Яковлевны Мандельштам есть характерный эпизод. Жена поэта предлагает ему совместное самоубийство, чтобы положить конец страданиям. Осип Эмильевич не выдерживает: «Почему ты вбила себе в голову, что должна быть счастливой?». И Надежда Яковлевна вдруг вспоминает известный фрагмент из «Жития протопопа

Аввакума»: «Протопопица <...> на меня, бедная, пеняет, говоря: „Долго ли мука сея, протопоп, будет?“ И я говорю: „Марковна, до самыя смерти!“».

Это звучит как апология страдания. И в какой-то мере так оно и есть. Однако не стоит впадать в крайность. Страдания прежде всего унижают. Об исключительно унижающей роли страдания речь в первой книге Солженицына. Когда Иван Денисович Шухов вечером на лагерной койке мысленно подытоживает свой «ничем не омраченный, почти счастливый день», мы видим, как машина тоталитарного государства выдавливает из заключенного остатки его инстинкта свободы. Но страдание и унижает, и может очищать. В других книгах Солженицына действует — впрямую или на заднем плане — точно такая же унижающая человека советская «концентрационная вселенная», а вместе с тем мы встречаемся в них с совершенно новым элементом. Люди, у которых отняли, казалось бы, всё, открывают в себе несравнимо бóльшие духовные резервы, чем те, у которых, казалось бы, всё есть. В сущности, единственная тема лучших произведений Солженицына — это последнее, пограничное испытание человечности. За минуту до смерти Шулубин из «Ракового корпуса» чувствует, что «что в нем — это не всё он», что есть в нем «что-то уж очень неистребимое, высокое очень, какой-то осколочек Мирового Духа». Что такое этот «осколочек»? Что есть в нас неистребимое и высокое?

Такие вопросы, придающие смысл и жизни, и литературе, всё реже задает себе современный человек в нормальных условиях. Это вопросы религиозные, даже если человек и не верит в Бога. Поэтому приходится слышать о Солженицыне как о писателе, типичном для «религиозного вливания», каким в 1956–1957 гг. стало для СССР массовое возвращение каторжников после долгих лет страданий из тюрем, лагерей и ссылок. Я бы не пренебрегал этим утверждением. Не имеет значения, является ли и в какой мере Солженицын писателем сознательно религиозным, главным мне кажется его чувство долга, без которого не может существовать человеческий мир. В небольшом шедевре «Пасхальный крестный ход» сильнее, может быть, чем изображение хулиганства молодежи, посланной в Переделкино, поражает образ ясных и чистых лиц в праздник Светлого Воскресения. Конечно, эти несколько страниц мог написать только большой художник.

Никола Кьяромонте: О том, что относится к содержанию не меньше, чем к форме, то есть о художественном мастерстве Солженицына, я процитирую несколько слов итальянской исследовательницы русской литературы Лии Вайнштейн: «Исходя из чеховского принципа, что в литературном произведении не должно быть ничего случайного или ненужного, и применяя его последовательно, Солженицын

сумел достичь полного слияния формы и содержания, темы и стиля. Иван Денисович говорит своим языком, равно как Нержин, Матрена, Костоглотов или Немов. Каждое слово выполняет свою определенную и незаменимую функцию, которую трудно перевести. Чтобы по достоинству оценить Солженицына, нужно читать его в оригинале».

От моих знакомых, читающих по-русски, я слышу то же самое. Создание нового языка писателем требует, однако, как я думаю, чего-то большего, нежели обычного стилистического мастерства: оно требует слуха, чуткого к живому языку, к голосу своего народа и своей эпохи; или, если угодно, к формирующейся нравственной и общественной действительности. Мне трудно здесь что-либо утверждать, поскольку я не читал Солженицына в оригинале и никогда не был в России. Но может быть, ты, знающий «иной мир» советских лагерей и зеков, сумеешь объяснить, в чем заключается и что значит для русского народа новизна языка Солженицына. Итальянские переводы Солженицына, в особенности двух его больших романов («В круге первом» и «Ракового корпуса»), настолько слабы по сравнению, например, с английскими, что в какой-то мере оправдывают невнимание критиков и писателей.

Густав Герлинг-Грудзинский: Вспомним, прежде всего, Пастернака: «...мне искусство никогда не казалось предметом или стороною формы, но скорее таинственной и скрытой частью содержания. Мне это ясно, как день, я это чувствую всеми своими фибрами, но как выразить и сформулировать эту мысль? <...> Произведения говорят многим: темами, положениями, сюжетами, героями. Но больше всего говорят они присутствием содержащегося в них искусства. Присутствие искусства на страницах „Преступления и наказания“ потрясает больше, чем преступление Раскольникова».

Чеховский принцип, сам по себе правильный, объясняет немного: любой серьезный писатель старается писать так, чтобы в его произведениях не было ничего случайного и ненужного, чтобы слово выполняло в них свою определенную и незаменимую функцию. Почему же эту функцию слова не сможет передать хороший переводчик до тех пор, пока мы находимся в сфере чисто коммуникативных задач языка? От перевода ускользает всё остальное, то, что Пастернак назвал таинственной и скрытой частью содержания. Это еще полбеда, когда речь идет только о теме, положениях, сюжетах и героях: в последнее время у нас нет недостатка в прекрасных переводах Достоевского, и нерусский читатель ощущает присутствие искусства в «Преступлении и наказании» так же остро, как и русский. Но иногда, именно как в случае с Солженицыным, к

средствам искусства, названных Пастернаком, добавляется еще и язык, выросший на родной почве и подпитываемый эхом личных и весьма специфических переживаний. Этот язык наиболее труден для перевода. Во время моего пребывания в России я выучил русский язык дважды. Сначала — для нужд следствия и повседневного общения с товарищами по тюрьме и лагерю. Затем — для понимания, в том числе того, что́ они о себе говорили, всех намеков, пауз, молчания, особых выражений, как-то иначе произнесенных или оборванных фраз. И вот когда я вспоминаю то время и читаю в оригинале Солженицына, у меня постоянно возникает ощущение, будто кто-то, кто в течение многих лет привыкал к шепоту, заговорил вдруг громко, в полный голос. Во всех известных мне переводах особенный, драматичный тон двухуровневой прозы Солженицына я нашел только в польском переводе «В круге первом» Михала Канёвского^[2]. Как знать, может, здесь действует какой-то закон общего национального и политического опыта? Ведь в конце концов Солженицын — это еще и русский политический романист.

Никола Кьяромонте: Хотя и в простой форме защиты и признания «прав человека и гражданина», но Солженицын и его преследуемые соратники (А. Синявский, Ю. Даниэль, А. Амальрик) затрагивают важную политическую проблему. Говоря о Солженицыне, нельзя не говорить о политике. Эти русские пишут почти исключительно о России и с мыслью о России. Но в действительности именно благодаря тому напору, с каким они добиваются своих прав как писатели и русские, они заставляют и нас задуматься над вопросом свободы и справедливости повсеместно: в условиях современного промышленного и технологического общества, под давлением государственных аппаратов, оснащенных, как никогда прежде, инструментами репрессий. Наверное, можно сказать, что Солженицын не выступает здесь ни пессимистом, ни оптимистом, он просто решил не молчать. В то время как пессимизм, если мы говорим о России, ощущается у Амальрика. Я помню его слова: «Массовой идеологией этой страны всегда был культ собственной силы и обширности, а основной темой ее культурного меньшинства было описание своей слабости и отчужденности, яркий пример чему — русская литература». Когда я анализирую ситуацию в Западной Европе, за исключением, может быть, Англии, где история отношений между интеллектуалами и обществом совершенно иная, чем в других странах континента, мне трудно говорить о таком же пессимизме. С другой стороны, я считаю, что самый страшный враг человечности сегодня — это оптимизм, в какой бы форме он ни проявлялся. Поскольку оптимизм означает нежелание думать из опасения сделать определенные выводы. Я считаю

также, что первым вопросом, какой следует себе сегодня задавать, это не вопрос «Что делать?», а вопрос «Что думать?». Отсюда огромная ответственность интеллектуалов.

Интеллектуалы представляют собой меньшинство; в этом меньшинстве люди готовы взять на себя ответственность, то есть думать не только как специалисты. Такие люди в любой стране немногочисленны. Следует открыто признать себя меньшинством, но отнюдь не бессильным. Напротив, мы тем более сильны, чем важнее для нас необходимость думать и выражать свои мысли любой ценой по сравнению с необходимостью действовать. Что — замечу — невозможно, когда находишься в изоляции; мы должны ощущать себя связанными договором, который не признает никаких политических и идеологических границ.

Густав Герлинг-Грудзинский: В России такие различия между мыслью и поступком вполне традиционны. Бескомпромиссная, смелая мысль и высказывание во что бы то ни стало того, о чем ты думаешь, приравнивается там к поступку. В сентябре 1967 г., во время «обсуждения» «Ракового корпуса» на заседании секретариата Союза советских писателей, А. Сурков в какой-то момент обратился к Солженицыну: «Вы должны сказать, отмежевываетесь ли вы от той роли лидера политической оппозиции, которую вам приписывают на Западе?» На что Солженицын не без иронии ответил: «Алексей Александрович, ну, уши вянут такое слышать — и от вас: художник слова — и лидер политической оппозиции? Как это вяжется?». Вся суть в том, что в России и благодаря традиции, и особенно в нынешней ситуации, можно и даже нужно их «увязывать». Нужно только выражение «политический лидер» понимать не совсем буквально. Мы помним из романа «В круге первом» высказывание о писателе (разумеется, выдающемся), который в своей стране (разумеется, несвободной) становится «второй властью». Из опубликованных Солженицыным после выхода в свет «Одного дня Ивана Денисовича» писем читателей в завершение нашего разговора стоит привести одно высказывание: «В России писатели всегда занимали особое место. Хотя дела и шли, но нам всегда жилось лучше, если у нас были Тургенев, Толстой, Чехов. Нам мало было писателя хорошего или даже великого. Нам нужен был писатель, которого можно любить. Была в России Ясная Поляна Толстого, было Мелихово Чехова, а теперь есть Рязань Солженицына».

1. Перевод А. Базилевского.
2. Псевдоним Ежи Помяновского.

Жилищная политика: хорошие идеи и пять опасностей

Нельзя плыть под парусом против ветра. Все, кто хоть раз ступал на палубу яхты, знают: для того, чтобы доплыть до намеченной цели, нужно иногда менять галс и устанавливать курс, казалось бы, весьма далекий от желаемого. То же самое касается жилищной политики, которая — чтобы реально влиять на структуру рынка недвижимости — должна быть стабильной, долговременной и учитывать предпочтения населения. Причем последние являются движущей силой любых изменений, без их учета невозможны никакие реформы.

Какой должна быть цель польской жилищной политики? Необходимо одновременно сокращать недостаток помещений и увеличивать долю недвижимости, предназначенной для сдачи внаем. Первый аспект очевиден, хотя трудно оценить масштаб недостатка. Если абсолютное число жилых помещений уже приближается к числу домашних хозяйств, то более 7,2% этой недвижимости остаются незаселенными из-за технического состояния, юридических барьеров или по каким-либо иным причинам. Результат — не хватает более миллиона квартир, хотя и эта оценка может оказаться заниженной из-за большого числа семей, состоящих из нескольких поколений, желающих при первом же удобном случаеделиться на домашние хозяйства поменьше. В итоге на тысячу поляков приходится лишь 341 помещение — это наименьший показатель среди всех стран, входящих в ЕС.

Необходим широко развитый рынок квартир, предназначенных для сдачи внаём, поскольку — как показывают эмпирические исследования — он снижает циклические колебания в строительном производстве, защищая его от неожиданно резкого бума и от еще более неожиданных провалов на рынке недвижимости, а, кроме того, обеспечивает рост мобильности населения и может оказывать стабилизирующее влияние на формирование цен на квартиры.

В Польше рынок найма невелик и сильно деформирован. Квартиры, которые сдаются по рыночной цене, немедленно расходятся исключительно в больших городах и исключительно от частных лиц. Поэтому лишь 4,2%

домашних хозяйств располагает помещениями подобного типа, и плата за них составляет астрономические суммы — соотношение между месячной оплатой найма квадратного метра и медианой наличного дохода составляет в Польше 77%. В европейских странах, которые уже давно находятся в составе ЕС, это соотношение в среднем в половину меньше, а в странах, имеющих достаточно развитый рынок найма квартир, как, например, Германия или Австрия, это соотношение ниже 30%. Такая разница возникает частично из-за относительно высоких цен на недвижимость в Польше, взлетевших за счет кредитного бума и двух предшествующих программ поддержки, предусматривавших помощь при покупке квартир в собственность («Каждой семье — свое жилье» и «Квартиру молодым»), а частично из-за отсутствия предложений по найму со стороны институциональных инвесторов. Ведь если физическое лицо сдает внаем одну или несколько квартир, то проблемы, возникающие с одним жильцом, могут поставить под сомнение рентабельность всего предприятия. Поэтому частные лица сдают квартиры с большой маржей, чтобы компенсировать высокий риск.

В программе «Квартира+» поставлена цель — одновременное и равноценное решение обеих обозначенных выше проблем. И уже за само изменение жилищной политики в этом направлении правительство заслужило большой плюс. Государство намерено за свой счет построить большое количество квартир, предназначенных для сдачи внаем, что в свою очередь позволит снизить арендную плату, которая станет ниже рыночных ставок; государство будет доплачивать частным инвесторам при строительстве дешевых квартир для найма в эквиваленте 20% стоимости инвестиционных затрат. Оно же облегчит условия выдачи кредитов для Товариществ общественного строительства. Будут введены договоры на определенный срок владения коммунальным жильем, предоставляемым гминами. В случае, если уровень доходов нанимателя жилья перестанет соответствовать обязательным критериям, ему придется платить арендную плату на рыночных условиях. И еще, что также очень важно, государство увеличит дополнительное финансирование гминам на строительство новых коммунальных квартир.

Однако сразу возникает сомнение: зачем в программу «Квартира+» включена опция «дальнейшего получения собственности на квартиру»? Напрашивается простейший ответ: невозможно плыть под парусом против ветра. Жилищную политику следует проводить в соответствии с предпочтениями населения, даже тогда, когда это

противоречит долгосрочным запросам общества. Опция «дальнейшего получения собственности на квартиру» позволит людям почувствовать, что они не выбрасывают деньги на ветер, тогда они захотят воспользоваться этой программой, которая в противном случае могла бы застопориться на проблеме низкого спроса на предлагаемые помещения. Кроме того, в случае необходимости домашние хозяйства смогут скопленные средства забрать обратно и предназначить их на другие цели, не теряя при этом квартиру. Благодаря этому предлагаемые государством помещения не будут пустовать, как в случае с программой «Квартиры внаем». Более того, это может обернуться положительными просветительскими результатами. Если в одном и том же здании в тех же самых условиях будут жить семьи, которые платят больше, чтобы получить квартиру в собственность, и те, которые платят меньше, всего лишь за аренду, то постепенно в обществе неизбежно будет формироваться понимание реальной стоимостной выгоды, проистекающей из наличия разных форм удовлетворения жилищных потребностей.

На бумаге программа «Квартира+» выглядит весьма привлекательно, хотя по большей части это набор из подновленных идей родом из «Жилищного кодекса» 90-х годов и тех решений, которые в свое время внедрялись в других странах. Вместе с тем это весьма рискованная программа. Во-первых, выгоды ее мы сможем оценить лишь в начале будущего десятилетия — то есть после очередных парламентских выборов. Во-вторых, эта программа поначалу будет весьма затратной, ведь необходимо изыскать средства на строительство первых нескольких десятков тысяч квартир (а это по меньшей мере 10 млрд. злотых), при этом, чем меньше государство захочет вложить денег, тем позже появятся ощутимые результаты. На деле средства на программу «Квартира+» вовсе не обязательно брать из бюджета — их можно получить, например, от продажи земельных участков из резерва Государственного казначейства, иначе сопротивление против значительных расходов в ситуации возрастания других фискальных нагрузок и отсутствия видимых результатов может уничтожить эту программу уже на старте. В-третьих, реализация программы грозит очередной волной банкротств в сфере строительства, подобной той, которая имела место при реализации программы дорожных инвестиций. Если единственным критерием при выборе девелоперов будет цена, то при очередном шоковом скачке расценок на строительные материалы многие фирмы окажутся в долгах, которые невозможно будет покрыть. В-четвертых,

если решение проблемы размещения недвижимости будет увязано с доступом к земельным участкам из резерва Государственного казначейства, то это грозит еще большим урбанистическим хаосом, и без того царящим в польских городах, и их дальнейшим расползанием. В-пятых, в этой программе не заложена опция выхода — если государство построит недвижимость для жилищного рынка, то оно будет вынуждено так долго управлять ею, пока последняя квартира внутри данного объекта не будет продана. В противном случае вновь возникнет обширный рынок «чистильщиков» зданий ^[1].

Польская жилищная политика по истечении 25 лет трансформации избрала такой курс, который может в конце концов усилить стабильность рынка жилья, предоставить польским семьям возможность достойно жить в собственной или съемной квартире, сократить зависимость поляков от кредитов и повысить мобильность населения. Поэтому я надеюсь, что через 20 лет уйдут в прошлое истории, заставляющие сжимать кулаки, такие, как описанные, например, в цикле репортажей «13 этажей» Филиппа Спрингера. К сожалению, еще в 1954 году подобные надежды — как нам известно из романа «Злой» — питал Леопольд Тырманд. Ведь до сих пор наша жилищная политика не умела плыть под парусом против ветра, против предпочтений населения, особенно, когда для этого требовались большие финансовые затраты.

DZIENNIK
GAZETA PRAWNA

-
1. Широко распространенная практика, когда владельцы (чаще всего новые) престижных зданий в центре города, чтобы переделать квартиры в роскошные апартаменты или офисные помещения, поручают специальной фирме очистить здание от предыдущих жильцов, которых вынуждают переселиться, отключая — например, под предлогом ремонта — воду, свет и газ — Прим. ред.

Фестиваль глупости

Поколение назад, во второй половине 1980-х гг. мало кто предсказывал падение реального социализма, — который позднее перекрестили в коммунизм, — и распад Советского Союза. Совсем наоборот; даже такие известные советологи, как Збигнев Бжезинский, принимали в качестве данности, что СССР не может рухнуть и будет продолжать свое существование. Когда случилось нечто абсолютно иное, и вслед за этим Фрэнсис Фукуяма преждевременно провозгласил конец истории, тысячи советологов, особенно американских и британских, в поисках обоснования своего существования переквалифицировались в специалистов по изменениям общественного строя в нашей части планеты. И сделались знатоками сложных вопросов, связанных с всевозможными преобразованиями или трансформациями: политическими, правовыми, культурными, общественными и социальными, а в первую очередь — экономическими и финансовыми. Именно на это был наибольший спрос, да и оплачивалось такое занятие весьма недурно.

Быстро сложилось и развилось целое течение междисциплинарной науки о переходе («транзите») от одного строя к другому. И разумеется, псевдонауки — «транзитологии». В польском жаргоне общественных наук указанный термин не прижился — в отличие от самих «транзитологов». А всеобщим горячим желанием лиц, пробавляющихся общественными науками, особенно экономикой — от простых кустарей-поденщиков до светил, — стало наличие в своем багаже публикаций хотя бы одной статьи или доклада на тему «transition», иными словами, перехода от социалистической экономики к капиталистической, или, если кто-то предпочитает такую формулировку, — от плана к рынку. На сегодняшний день литература по данному предмету настолько обильна, что если бы не оцифровывание, ее плоды не вместились бы ни в какую традиционную библиотеку.

История не повторяется дважды, но нечто похожее происходит прямо сейчас. Вне всякого сомнения, вскоре образуется брекситология — междисциплинарная наука, посвященная обусловленностям, протеканию и последствиям выхода Великобритании из Европейского союза. Последствиям,

которые простираются далеко за пределы самой этой страны, равно как и всей нашей интеграционной группы, а также далеко за пределы того будущего, которое мы сегодня в состоянии предвидеть. Со временем проявятся как отрицательные, так и положительные последствия Брексита, хотя вторых будет безусловно меньше.

Нерациональность

Любопытнее всего, что решение о Брексите — хотя оно и описывается как подлинное землетрясение — само по себе не породило материальных потерь. Никакое наводнение не затопило урожайных ферм, нигде не сгорело ни единого завода или фабрики, никакой мост не рухнул и никакой стаканчик виски не разбился. Даже с головы тогдашнего британского премьер-министра Дэвида Кэмерона не упал ни единый волосок.

Зато в шоковом режиме изменяются психологические и политические факторы, в т.ч. индивидуальные и общественные ожидания, а также отечественные и международные поля возможных выборов. А тем самым расширяется пространство неопределенности и затрудняется принятие рациональных решений. Причем больше всего — порою даже радикально — предстоит измениться всяческим институтам, а, следовательно, тем правовым нормам, положениям и инструкциям, которые управляют хозяйственно-экономическими процессами, — от правил внешней торговли до принципов, определяющих трансграничные перемещения людей. Это убедительно показывает, насколько фундаментальное значение имеют в современной экономике установленные правила игры. Но нынешнее очень плохое время является вместе с тем очень хорошим периодом для экономистов, а особенно для юристов, так как здесь опять-таки больше вопросов, чем ответов.

Чаще всего задаются вопросы, касающиеся сиюминутных последствий недавнего решения не столь уж значительного, но все-таки большинства тех британцев, которые приняли участие в референдуме 23 июня с. г. и высказались за выход своей страны из Европейского союза. На сколько процентов может упасть (а упадет он наверняка) ВВП на Британских островах и на континенте? Каким образом вырастет (а она тоже наверняка увеличится) безработица? Продолжится ли дальнейшее ослабление британского фунта? Покинет ли Шотландия Соединенное Королевство? Какое количество

поляков выедет из Великобритании? Сколько из них вернется в Польшу, и хорошо это или плохо? Упадут ли цены на недвижимость в Лондоне? А в Польше? И подорожает ли еще сильнее евро, а в особенности швейцарский франк ^[1]? Наконец, возможен ли Полэксит? Это лишь часть появляющихся вопросов, и не нужно их игнорировать или недооценивать, но на сей раз мне хочется привлечь внимание к чему-то гораздо более важному — к перспективам рыночной экономики и к будущему всего мира.

Если бы из Евросоюза решили выйти маленькие Люксембург либо Мальта или же Словения либо Эстония, то замешательство тоже оказалось бы немалым, но Великобритания — это по-настоящему серьезная проблема. Самое важное — понять, почему большинство британцев проголосовало вопреки тому, что подсказывало экономическое благоразумие. Но этот вопрос обращен в большей мере к брекситологам-социологам, нежели к экономистам.

Довольно многие из тех 51,9% британцев, которые высказались за Брексит, не отдавали себе отчета в том, за что именно они голосуют. Ну, и в итоге совершили ошибку исторической значимости. Масштабы демагогии и оглупления избирателей со стороны политиков и средств массовой информации были столь огромными, что миллионы людей поддались этому воздействию и позволили склонить себя к нерациональному поведению. Ведь рационален тот, кто действует ради собственной пользы, принимая во внимание всю доступную информацию. А она подвергалась манипулированию или даже открытому искажению — лживому и лицемерному. Ведь невозможно же согласиться с тем, что англичане и валлийцы — в отличие от шотландцев и североирландцев, большинство которых выразили желание оставаться в ЕС, — сознательно голосовали во вред самим себе. Эта часть избирателей не ведала, что творит, и со временем будет жалеть о содеянном. Некоторые уже жалеют.

Вывод, проистекающий из всего этого, очевиден. Колоссальную ответственность безоговорочно несут политики и интеллектуалы, журналисты и аналитики. Везде, и в Польше тоже. Демократия — великолепная вещь, которая сама по себе является ценностью, но нужно проявлять внимательность и остерегаться, поскольку большинство может оказаться неправым, руководствуясь эмоциями или же попросту не располагая полной и доброкачественной информацией по весьма сложным проблемам.

Ненужным был прошлогодний референдум в Греции, самоубийственным — июньский в Великобритании, весьма рискованным станет всенародный осенний плебисцит в Италии. Голосующие массы зачастую вообще не учитывают отдаленные последствия собственных решений, которые они принимают на выборах. Люди говорят себе: «моя хата с краю» и не задумываются над тем, что означает то или иное решение для других, находящихся где-то далеко отсюда. А в случае Брексита оно может означать много очень и очень нехорошего.

Политический авантюризм

Кто-нибудь может рассчитывать на то, что Брексит автоматически запустит большую волну реформ, рационализирующих международные хозяйственно-экономические отношения, особенно функционирование Европейского союза, которое оставляет желать лучшего. Хотелось бы, чтобы подобные люди не тешили себя иллюзиями, но можно опасаться, что разгорится настоящий фестиваль глупости, проявляющийся в выдвижении разнообразных, но одинаково нелепых и вздорных идей. А вот идеи толковые и дельные вместо того, чтобы совершенствовать функционирование ЕС, могут его осложнять и дополнительно ухудшать ситуацию — как, например, во многом правильное требование ограничить число комиссаров ЕС.

Пока что исчезнет всего лишь один комиссар, британский, хотя их могло бы быть наполовину меньше. Только на какую половину? Ведь речь идет не столько о числе комиссаров как таковых, сколько о количестве дел, которыми должна заниматься брюссельская политика и бюрократия.

Продвижение правыми националистами из Франции и Голландии (впрочем, не только ими) идеи о проведении референдума, похожего на британский, — это политический авантюризм. Создание внутри ЕС нескольких отдельных структур, различающихся по глубине интеграции, означает укрепление центробежных сил в ситуации, которая требует содействовать интеграции. Разжигание любых национализмов (разумеется, под лозунгом патриотизма, в том числе экономического) в обстоятельствах, когда требуется больше мультикультурализма и открытости, — это вода на мельницу дезинтеграции и конфликтности.

Слышны также разнообразные предложения об «укреплении» Евросоюза, которые поступают со стороны теперешних

польских властей, включая требование о новом евросоюзном договоре. Иногда они наивны, в другой раз носят настолько общий и невнятный характер, что не вносят в данную проблему ничего конструктивного.

Наше присоединение к еврозоне

Польша — страна, которая воспользовалась европейской интеграцией, как мало какая из других стран-членов ЕС, — обязана поддерживать действия, способствующие продолжению данного процесса. Наиболее далеко идущим шагом в этом направлении было бы заявление о присоединении к общему валютному пространству, т.е. к еврозоне. Оно послужило бы сильным импульсом для дальнейшей консолидации процесса европейской интеграции и вместе с тем — для укрепления польской экономики благодаря устранению курсового риска и сокращению транзакционных издержек внешней торговли. Естественно, в том случае, если бы наше присоединение к еврозоне произошло при соблюдении определенных условий, самым важным из которых является вступление в нее с выгодным для нашей экономики валютным курсом, иными словами, с таким, который гарантировал бы конкурентоспособность нашего экспортного сектора. Ибо, если Польша хочет развиваться в темпе, превышающем средний, она обязательно должна реализовать стратегию роста, стимулируемого экспортом.

Вторым непреложным условием является преодоление кризиса в пространстве евро, где важны продвинутый в большей степени, чем до сих пор, банковский союз и наднациональная фискальная координация, но невралгическим пунктом остается вопрос о Грексите. Указанный синдром так и остался непреодоленным, и греческий кризис вскоре вернется. Победа над ним требует принципиального — примерно наполовину — сокращения внешнего долга Греции, и Польша должна настоятельно требовать этого. Однако в любом случае принимать решение на сей счет будут Франция и Германия. А это страны, где в следующем году пройдут парламентские выборы. Экономика снова может уступить напору политики.

Если будет продолжаться вредная по отношению к Греции политика затягивания поясов ее населением, и дело дойдет до Грексита, если потерпит крах соглашение между ЕС и Турцией по вопросу о контролировании потока беженцев, направляющихся в Европу из Южной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки, если итальянцы отвергнут на референдуме

конституционную реформу, предлагаемую премьер-министром Маттео Ренци, если австрийцы выберут президентом националиста, то спасти процесс европейской интеграции не удастся. А если на Брексит наложится Грексит, это будет означать конец того Европейского союза, который мы знаем.

Следовательно, на Брексит необходимо смотреть не только сквозь экономическую призму и в континентальном измерении, но и контекстуально и глобально. Если выборы в США выиграет Дональд Трамп, если ухудшатся отношения России с НАТО, особенно с государствами его восточного фланга, если еще сильнее затормозится экономический рост Китая, то скверно будет выглядеть не только будущее британцев и европейцев — дело дойдет до того, что я назвал в книге «Мир в движении» Еще Большим Кризисом^[2]. Мы движемся к нему самой что ни есть верной — а в действительности ошибочной — дорогой.

Мне по-прежнему хочется верить в здравый смысл политиков, которые должны обладать большей способностью правильно формулировать потребности своих государств и обществ, а также указывать пути, ведущие к их удовлетворению.

Декабрьские климатические соглашения в Париже показывают, что «невозможные» вещи вполне возможны, если только — всего-то делов! — люди хотят их достигнуть и знают, как это сделать. Возможно, политики, действующие на нынешнем витке истории, продемонстрируют умение смотреть далеко вперед и дадут отпор популистским ухищрениям. Это требует, однако, отхода от утопии неолиберализма, который не является панацеей от лавинообразно нарастающих трудностей, так как по самой своей сущности он не может быть таковым, ибо неолиберализм способствует обогащению немногих за счет большинства. Требуется еще и отказ — в том числе и в Польше, живущей под лозунгом «перемен к лучшему»^[3] — от иллюзии, будто такой панацеей может послужить насквозь бюрократизированный государственный капитализм. Необходимо пойти по пути нового прагматизма, который посредством надлежащей синергии институтов рынка и государственного вмешательства заботится о тройственном динамическом равновесии: экономическом, общественном и экологическом, — причем как в масштабе национальных экономик, так и в международном и общемировом разрезе.

Глобализация по-прежнему выгодна

Есть смысл осознать, что за Европейским союзом внимательно наблюдают в других частях планеты, а именно, там, где интеграционные процессы продвинуты значительно слабее, — в частности, в таких организациях, как общий рынок Меркосур (исп. Mercado Común del Sur) стран Южной Америки (Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая и Венесуэлы) или Ассоциация государств Юго-Восточной Азии АСЕАН, как САДК (Южноафриканское сообщество развития) на юге Африки или ЭКОВАС (Экономическое сообщество западноафриканских государств) на ее западе, — а в настоящее время замедляются и откладываются. Коль скоро у европейцев не получается, то, быть может, нет смысла заниматься этим? Смысл есть, потому что процессы региональной интеграции — это очень хороший способ для творческого приспособления к неотвратимой глобализации.

Я по-прежнему убежден — поскольку это не вера, а знание, хотя брекситология будет верифицировать его истинность, — что хорошо управляемая глобализация может оказаться выгодной для гармоничного развития мировой экономики и той ее части, которую составляет наша Польша. Либерализация и интеграция национальных экономик в одну взаимоувязанную и внутренне сопряженную глобальную систему — это хороший рецепт на будущее. Если в сегодняшней ситуации не удастся совершить надлежащий рывок вперед, то нечего сваливать вину на британцев или греков либо на американцев или китайцев. Сваливать ее надо на ошибки экономики и глупость политики, поскольку именно они виновны в том, что Европейский союз трещит по швам, а весь наш день ото дня анархизирующийся мир расшатывается еще сильнее.

Гжегож В. Колодко — политик, доктор экономических наук, профессор варшавской Академии Леона Козьминского. В 1994–1997 и 2002–2003 гг. был вице-премьером и министром финансов в посткоммунистических правительствах, сформированных Союзом демократических левых сил и крестьянской Польской народной партией.

1. В Польше многие физические и юридические лица брали самые разные кредиты (в т.ч. ипотечные) в швейцарских франках — Здесь и далее прим. пер.
2. Русский перевод Ю. Чайникова. — М.: «Магистр», 2009, 575 с.
3. Лозунг «перемены к лучшему» широко использует в своей политике правящая ныне в Польше партия «Право и справедливость».

Вацлав Радзивиллович вспоминает посла Ежи Бара

Ежи Бар (фото: Agencja Gazeta)

Умер Ежи Бар, чрезвычайный и полномочный посол... А для меня он сначала был консулом. Причем первым.

Мы познакомились в 1992 году в Калининграде, где он разворачивал первое дипломатическое представительство Республики Польша. «Консульством» (поскольку до постройки нынешнего здания было далеко) ему служила тесная комната в затрапезной гостинице «Калининград».

И все равно в городе на Преголе, тогда убогой дыре советской провинции, он был звездой. Еще бы! Европейец, профессиональный дипломат, который в период военного положения, как политический эмигрант, несколько лет прожил на Западе, сотрудничал со «Свободной Европой», с авторитетными исследовательскими центрами. И вдобавок — поляк, прекрасно знающий бывшую Восточную Пруссию. Как раз тогда калининградская интеллигенция осмелилась оглянуться вокруг, поинтересоваться, в каком мире мы живем. Ежи Бар очень способствовал тому, чтобы люди открыли и

поняли прибалтийскую Атлантиду, о которой в СССР было велено не помнить.

В следующий раз судьба свела нас, когда он был уже послом Республики Польша в Вильнюсе. Он прекрасно ориентировался в хитросплетении взаимных литовско-польских претензий, комплексах антипатий и симпатий. И завоевывал симпатии и уважение литовцев к Польше.

А еще несколько замечательных лет мы одновременно были в Москве. Он руководил там посольством в хорошее для польско-российских отношений время. Русские, особенно когда на них навалился кризис 2008 года, с которым Польша неплохо справлялась, смотрели на нашу страну с уважительным интересом.

Срок полномочий посла должен был завершиться весной 2010 года. Пост собирался занять тогдашний вице-министр иностранных дел Анджей Кремер. Но он погиб в Смоленской катастрофе, и Бар остался в Москве, чтобы — уже в пенсионном возрасте, тяжело больному, потрясенному трагедией — преодолевать последствия этой катастрофы.

Я мысленно возвращаюсь к нашему долгому разговору в августе 2010 года на даче в московском Серебряном Бору. Бар вспоминал Калининград, Киев, Вильнюс, встречи в России, то, как руководил Бюро национальной безопасности. И чувствовалось в его словах понимание, как много за эти годы удалось сделать. И опасение, что все это может быть уничтожено.

Открыть паратеатр

**С Полиной Степановой,
исследовательницей антропологического
театра, театра Ежи Гротовского и его
последователей, беседовала Татьяна
Косинова**

Полина Степанова (фото из архива Т. Косиновой)

Искусствовед Полина Михайловна Степанова родилась в 1978 г. в Ленинграде. В 1996 г. поступила на театроведческий факультет Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства (СПбГАТИ, в 2014 Академия была переименована в Российский государственный институт сценических искусств, РГИСИ). На третьем курсе молодая исследовательница увлеклась Ежи Гротовским, написала о его театре диплом, диссертацию и три монографии, последняя — «Театр и не-театр Ежи Гротовского» вышла в конце 2015 года (Москва, «Совпадение»).

Мы начали беседовать с Полиной после её открытой лекции о Станиславе Виткевиче (Виткациу) в Санкт-Петербургском государственном Интерьерном театре в марте 2015 года. Через месяц еще проговорили два часа, но обо всем расспросить Полину

я пока не успела. Для начала я выбрала из записанного интервью фрагменты о преподавании истории польского театра, которая стала одним из главных исследовательских интересов Полины Степановой. Она уверена в том, что студенты и аспиранты театральных вузов в России обязательно должны знать не только историю польского театра, но и его последние достижения, включая телевизионную режиссуру и альтернативные и антропологические театральные проекты.

Полина Степанова: Когда мне привезли книгу «Лаборатория Гротовского»^[1], я держала ее в руках и практически плакала. У нас тогда на кафедре [истории зарубежного искусства СПбГАТИ] работал Василий Васильевич Лецович^[2], он читал зарубежную литературу. Это были уникальные лекции, он знал очень много языков, мог во время лекции прочесть нам кусочек из «Фауста» в подлиннике. Василий Васильевич, проходя мимо меня, сказал: «Это же польский, очень легкий язык. Вы какой [язык] знаете? Английский? Значит, буквы знаете. Найдите учебник, за первые четыре урока грамматику выучите, а дальше — словарь. Сначала вы будете смотреть каждое слово, потом через слово, потом каждое десятое слово». В итоге мне так хотелось это знать, что я, правда, села со словарем и учебником.

Книга Осинского и Бужинского уникальна. Она 1978 года выпуска — моего года рождения, меня это тоже вдохновило. Когда ты юный, и ты еще учишься, ты улавливаешь какие-то совпадения, думаешь: «Наверное, вот эта книга сейчас мне всё откроет, раз мы родились в один год». Збигнев Осинский — самый знаменитый специалист по Гротовскому. Он описывал первые десять лет его театра, с 1959 по 1969 годы, которые меня в тот момент больше всего интересовали. Тадеуш Бужинский, не историк и не театровед, он журналист, но он прошёл паратеатральный опыт и участвовал в специальном проекте Гротовского в 1975 году. Известно, что Гротовский был категорически против участия в своих проектах людей театра, он был также против фото, видео и каких-либо документальных фиксаций. Поэтому поэтапное описание Бужинского — с утра мы ходили по огню, потом мы купались в ночном озере и т.д. — это единственное описание, больше нигде, ни на одном языке этого нет. Есть воспоминания, какие-то полудневниковые заметки кого-то из практиков, которые уже в 1980-е годы к Гротовскому ездили, но они не описывают, что делали. В этом смысле, конечно, книга золотая, я до сих пор ею пользуюсь.

Так в Петербурге появился исследователь творчества Ежи Гротовского. Очень скоро Полина стала также ведущим специалистом по истории польского театра XX века, уже в аспирантуре она начала читать в alma mater курсы по истории зарубежного театра XX века, в 2006 г. защитила кандидатскую диссертацию «Проблема актера в театральной системе Ежи Гротовского (1959–1969)».

— Лет десять назад, когда я была на сносях, случилась уникальная история. Вдруг мне позвонила женщина. Очаровательный, тихий-тихий голос, петербургская интеллигенция. Быстро представилась, извинилась: «Мне сказали, что вы занимаетесь польским театром. У меня подписка польских журналов «Диалог», «Театр» и «Творчество» больше чем за тридцать лет, с 1950-х. Если вам это нужно, не могли бы вы забрать эти журналы? Мы переезжаем». Естественно, я все это забрала, потому что эти журналы для меня очень важны, там много публикаций, не только по Гротовскому, но и по всему, что я делаю. И через какое-то время меня в институте вдруг спрашивают: «Ну, ты съездила, забрала толубеевские журналы?». Я поразились: «Как?» А мне говорят: «Это же сестра [Андрея] Толубеева^[3] тебе звонила. Она узнала, что ты занимаешься польским театром, что для тебя это так важно».

В те годы — шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые — узнать, что происходит в Европе, можно было, только читая польские журналы. Петербургская театральная интеллигенция специально учила [польский] язык. Они читали, чтобы понимать, что происходит в мировом театре, Польша для театрального мира была окном в Европу, в прямом смысле этого слова. На польский язык переводились современные пьесы, а на русский — нет. В журнале «Театр» появлялись короткие заметки «На сценах социалистической Польши» — примерно так. Только у поляков можно было прочитать Хайнера Мюллера, который у нас появился только в конце 1990-х, там мы находили первые пьесы Петера Вайса, которые на польском появлялись практически сразу после их публикации, пытались выяснить, где Брук, и что он делает. И все было по-другому, тогда для театрального мира в нашей стране было очень важно то, что происходит в самой Польше. При этом подробных публикаций, статей, больших дипломных или курсовых работ о польском театре не было.

Предшественников в Ленинграде–Петербурге у Полины Степановой нет. В Москве польским театром занимались Болеслав Ростоцкий^[4] и Нателла Башинджагян^[5], люди, на два поколения старше Полины Степановой, принадлежащие к иной театроведческой традиции — московской.

— У нас жуткое противостояние двух театроведческих школ. Есть московская школа, а есть петербургская — гвоздевская, берущая начало в ленинградском Институте истории искусств. Считается, что наша школа ближе к классической исторической научной концепции. Гвоздев^[6] одним из первых в самом начале XX века, предложил идею реконструкции театрального спектакля, которая исходила из постижения философии драматургии, актера и зрителя с точки зрения театрального пространства. В Петербурге до сих пор используют в процессе обучения настоящие театроны, макеты, воссоздающие пространство римского и других театров. К театральной критике в Петербурге тоже более научный подход. Московскую школу считают у нас атмосферной, метафорической. В Москве считают театральную критику искусством, а критика творцом, наравне с актером, режиссером и драматургом. Статьи по истории театра по-прежнему пишутся в Петербурге научным языком, с постановкой проблемы и выводами. Правда, сейчас это разделение вполне условно, потому что большинство статей в «Петербургском театральном журнале» тоже вполне атмосферные, в текстах возникают сложные построения и новые постановки проблем, разрабатывается новая терминология.

В 2006 году Полине Степановой доверили написать посвященный польскому театру раздел учебника по истории западноевропейского театра и подготовить материалы для соответствующего раздела хрестоматии по истории зарубежного театра под редакцией Л.И. Гительмана^[7].

— Лев Иосифович был уникален. У нас же всё очень строго, у каждого своя узкая область специализации: вот ты Польшей занимаешься, а ты — Францией. Лев Иосифович Гительман занимался французским натурализмом, при этом он знал всё

о немцах, поляках и так далее. Совершенно энциклопедических знаний огромный человек, он всё время отрицал эту узость. Он был всем: как только возникал какой-то проект, чей-нибудь юбилей — сразу шли к нему. На нем держались все международные научные симпозиумы и конференции, он сотрудничал со всеми консульствами и культурными институтами. Он одним из первых пригласил к нам в Петербург Леха Коланкевича с курсом авторских лекций. Сейчас этого масштаба нет^[8]. Уход Гительмана стал сильным потрясением для кафедры и всего института. Я только на похоронах Льва Иосифовича, на панихиде, когда его провожали, неожиданно осознала уровень уважения к профессии. Ты себя чувствуешь совершенным ребенком, когда великие, большие актеры Питера выходят попрощаться, когда выходит Мигицко^[9] и говорит: это мой любимый учитель, если бы не он, то я бы, наверное, и не стал тем, кем я стал. Ты начинаешь задумываться, какую ты несешь ответственность, когда ты приходишь к семнадцатилетним хулиганам, которые, то опоздают, то вообще забудут прийти, то у них репетиции, и они заявили, что вообще не будут ходить на твои лекции. Вдруг ты понимаешь, что это всё-таки профессия, и это очень важно. И благодаря Гительману я сама себя внутри профессии начала осознавать.

Последнее, что Лев Иосифович успел сделать, — это новый учебник и хрестоматию по истории зарубежного театра, он его редактировал и сам написал совершенно потрясающие тексты для этого учебника. Именно Гительман в последние годы сделал всё, чтобы ввести польский театр в курс истории западноевропейского театра. В старом бояджиевском^[10] учебнике был отдельный раздел, который назывался «Театр стран социалистического лагеря». В 1990-е все это было выкинуто, и в программе курса «История западноевропейского театра» уже нигде не читалось. Как только я вышла на защиту диссертации по Гротовскому, Лев Иосифович настоял, чтобы в новом учебнике был отдельный раздел о польском театре. А я — маленький хулиган, и для всей моей профессуры я, в общем, сопля, как вы понимаете. Гительман меня очень поддерживал, пока он был жив, мне было легче у себя на Моховой^[11]. Когда возникли трения: «Мол, это неправильно, это не западноевропейский театр», — Гительман сказал: «У меня два довода. Первый: Польша — это величайшие режиссеры мира. Гротовский, в общем, не только поляк. Он работал и во Франции, и в Италии, и в Соединенных Штатах Америки. И Кантор, Тадеуш Кантор... Ребята, как вы будете преподавать XX век без Кантора?» (Тогда еще книгу Ханса-Тиса Лемана

«Постдраматический театр» не перевели на русский, и то, что Кантор определил развитие современного театра, не для всех было очевидно.) Второй довод Льва Иосифовича был еще прекраснее. Он сказал: «Извините, вы же Соединенные Штаты туда записали? Поэтому и Польше, будьте добры, найдите место. А то у нас возникла совершенно глупая ситуация: у нас специалист есть, работа большая есть, мы понимаем, что там режиссура мирового уровня, величайшие актеры, а в учебнике раздела нет». Так раздел «Театр Польши» позволили написать мне.

Гительмановский учебник (2006) и хрестоматия (2007) — единственные современные учебные пособия в России, по которым будущим актерам, режиссерам и театроведам разъясняют идеи польского театра. В других учебниках этого нет, в Москве, к примеру, лекций о польском театре нет в обязательных курсах по истории зарубежного театра ни во ВГИКе, ни в ГИТИСе.

— Подробно курс польского театра я читаю только театроведам. Абсолютно уверена, что любой, даже самый простой современный русский спектакль на нашей сцене невозможно анализировать, не зная, кто такой Гротовский, Кантор, Вайда. Так как я хулиган и подрыватель всех устоев, то я ворую несколько часов, откусываю маленький кусочек от театра Соединенных Штатов, откусываю маленький кусочек от театра современной Франции и, конечно, актерам и режиссерам (последним — обязательно и всегда!) рассказываю про того же Гротовского, Кантора, Вайду и других.

Сейчас у меня есть курс истории режиссуры непосредственно для режиссеров. Им я стараюсь рассказывать про современных польских режиссеров, потому что им работать в современном театре. Сейчас границы между государствами — очень формальная история. И я пытаюсь дать им подробно Кристиана Люпу, показать специфику того, что он делал у себя, что — здесь, в Александринском театре, а что — в Европе. А также рассказать о поколении, которое он воспитал, которое пришло за ним.

Порой то, что мне самой интересно в современном польском театре, становится точкой опоры на лекциях о классических текстах. Ко мне приходят первокурсники, я им рассказываю «Федру»: вот такая жила-была Федра, у нее был пасынок Ипполит... Текст не длинный, но читать его тяжело, глаза

потухают у 16–17-летних, только что поступивших на актерский факультет. Знаете, говорю, я недавно видела спектакль, кстати, всего двадцать с небольшим лет режиссеру из Польши. В кульминационной сцене взрослая женщина, безумно красивая сорокалетняя актриса, в платье синего бархата, прямо «Blue Velvet», сидит спиной к публике. Лицом к публике — юный актер в очень дорогом костюме от Prada. Между ними огромный стол, где все настоящее, никакой бутафории: омары, дорогое шампанское, ананасы, икра. Она признается ему в любви, а он в этот момент жрёт, другого слова подобрать нельзя, и валяется по дорогим деликатесам. Меня восхитило не то, что Мая Клечевская совсем молодая девчонка, а то, насколько шустро она управилась с четырьмя текстами, взяла четыре разных «Федры» и накрутила из них в современных костюмах и декорациях в стиле между Линчем и Терри Гиллиамом, современное действие в белой кафельной больничной палате. Очень красиво, я была потрясена. Смотришь спектакль, и прямо дышать становится больно от ужаса: странная попытка обнажения души и конфликт поколений внутри общества потребления, в котором, так или иначе мы все равно находимся. Тебя что-то потрясло, тебя обидели, ты приходишь и заедаешь это или, наоборот, ты видишь, что люди вокруг страдают, но ты пытаешься абстрагироваться и говоришь: нет-нет, это не мое, мне надо не забыть колбасы кусок купить. На примере «Федры» Майи Клечевской мне очень просто объяснить ребятам: читайте еврипидовский текст не потому, что его надо прочитать, а чтобы понять, что внутри этого текста, написанного 25 веков назад, вы все равно есть. Поэтому я такой пропагандист не столько польского театра, сколько того, что меня очень сильно в нем трогает, и я не могу ребятам не рассказать.

Читаю-читаю лекцию и чувствую, что они устали, мастер их замучил чем-нибудь, мастера же строгие очень. Мастера пытаются их внутренне как-то ломать, строить, делать более совершенных людей, залезают в человека и начинают внутри что-то трясти, что часто довольно спорно, но наша театральная школа допускает это. И я вижу у студентов разочарование в профессии, в конце второго курса многие переживают кризис. И вот мне совершенно не по программе рассказывать им про Гротовского, да и вообще у нас часов на него нет на втором курсе. А я могу 15–20 минут украсть у лекции, чтобы сказать: вы знаете, я вот занимаюсь уже почти полжизни театром Гротовского, а он тоже занимался — занимался театром, и потом у него начался кризис, и он из этого кризиса ушел во что-то совершенно другое. Иными словами, не думайте, что только у вас бывают кризисы, вы

выбрали не ту профессию. Вы просто ищите всегда свою почву. Вот Гротовский на такую почву вышел, он же не просто так искал молодых людей, которым страшно, которые заблудились. Смотрю, они как воробьи перья распушили: это нас сейчас с Гротовским сравнивают, да? Я не люблю высокие слова — «избранные», «способные изменить», но, к сожалению или к счастью, мой подопытный был человеком очень пафосным и восторженным, верил в то, что театр может сделать мир лучше, и если хотя бы половина людей попробуют пройти паратеатральный опыт, то войны прекратятся. Поэтому, несмотря на все министерские ГОСТы, в каждой лекции я что-нибудь про польский театр им вкручиваю.

У нас есть странная маленькая кафедра режиссуры телевидения, ей уже пятьдесят лет. Появилась она для практической цели: таких специалистов надо было где-то учить и давать диплом. Между тем профессия существует, и кафедра себя оправдывает до сих пор. Они, разумеется, заочники, потому что диплом режиссера телевидения нужен только режиссеру телевидения — тут все логично. На последнем курсе я им читаю «Историю и теорию режиссуры, театра кино и телевидения». Как это сделать за двенадцать часов? Там взрослые люди-практики, которым нужна база. Никакой теории и истории телевизионной режиссуры до сих пор нет, еще никто этим серьезно не занимался. Что им необходимо? Физически, жизненно, даже не философски, а практически руками им нужно почувствовать и помыслить режиссуру телевизионного спектакля. Польша — единственная страна в мире, в которой до сих пор существует телевизионный театр. И это государственная программа. Раз в неделю вечером по государственному центральному каналу показывается телеспектакль. Нигде в мире такого нет, хотя телевизионные спектакли были раньше везде. Почему? И я сейчас погружаюсь в это, мы с ними смотрим телевизионные спектакли Анджея Вайды — уникальнейшая история. Гамлета у Вайды играет женщина. Казалось бы, что такое телеспектакль? Ну, поставили камеру в зрительном зале и сняли — все. Но в телевизионном спектакле есть некая специфика, свои законы, своя философия. И вот Вайда — никто такого не придумал, а поляк Вайда придумал: он поставил камеру за кулисы, в гримерку. И вот вы видите, как приходит женщина, в современном наряде, усталая, садится у зеркала, снимает, прямо при вас, юбку, блузку, и надевает мужскую одежду, убирает волосы, чтобы они были покороче. Долго и внимательно смотрит на себя в зеркало. Потом выходит на сцену и Клавдий, обращаясь к ней, говорит: «Гамлет». И практически весь спектакль снят со спины. Каков ход?! Никому же, кроме Вайды, это в голову не приходило. Я

пропагандирую польский театр, потому что в нем есть уникальнейшие явления, которые могут не просто дать эталон измерения того, что сейчас в режиссуре происходит. Но я считаю, что это практикам нужно. С точки зрения практики — это образец. Можно удивительной красоты современные вещи создавать.

Сегодня у аспирантов и студентов Российского государственного института сценических искусств условия для изучения истории польского театра значительно комфортнее, чем были в конце прошлого века у их преподавателя, доцента РГИСИ Полины Степановой.

— Последние лет шесть или семь у нас в институте есть абсолютно бесплатные курсы польского языка. Сейчас у нас есть театроведы, которые два раза в неделю учат польский язык с преподавательницей из Польши. Это была инициатива польской миссии, Польского института. Могут учиться и студенты. На третьем курсе у меня пишут семинарскую работу по истории польского театра XIX века. Это вам не современный польский текст читать, это совсем другой язык, многие конструкции поменялись. Одна моя аспирантка, молодец, легко читает, занимается польской романтической театральной школой. Аспирант Дмитрий Свистунович пишет диссертацию по польскому символизму. До сих пор нет ни одной строчки по-русски об этом, никто никогда ничего не написал об этом. В работе Свистуновича будут главы о неоромантизме и символизме Выспянского, о символизме его сценической практики, декораций, пространства света и цвета. Выспянский, вдохновленный Мицкевичем и Словацким, творил на сцене как европейский символист. Мы его «Этюд о Гамлете» сравниваем с «Искусством театра» [Эдварда Гордона] Крэга. Будет также глава о Станиславе Пшибышевском, который дружил со Стриндбергом. Ранний символизм Пшибышевского вдохновлен европейским символизмом, оттуда автобиографические мотивы, как у Стриндберга, фрейдистские мотивы женщины-паразита. У нас получается уникальный польский тяни-толкайчик: с одной стороны, польский романтизм, с другой — европейский символизм. Уникальнейшее явление — это то, что в Выспянском они странным образом срослись. Получается, как и с Кантором или с Гротовским — это не просто польское явление, это европейско-польское явление.

Лев Гительман дал толчок еще одному начинанию своей ученицы.

— После защиты диссертации Лев Иосифович ко мне подошел и спрашивает: «А что вы будете делать дальше?». Я говорю: «Знаете, мне очень интересно, что Гротовский делал дальше — паратеатр». Гительман вновь на меня хитро посмотрел: «А как заниматься паратеатром, если не окунуться хотя бы в Индию? Он же там был». Я говорю: «Ну да, безусловно, придется». Он: «Что же, вы будете учить санскрит?». Я говорю: «Наверное, выучить санскрит мне слабо, но основы философии, театрального танца, ритуала — придется». Он опять на меня хитро посмотрел и говорит: «А вы знаете, что он вместе с Бруком в Ираке однажды пытался ставить спектакль?». Я говорю: «Да». А он свое: «И пекинскую оперу он же тоже видел, специально ездил». Я говорю: «Да». «И что? Вы все это хотите тоже...» А я говорю: «Ну что значит, хочу я или нет? Это все нужно изучить, иначе я не смогу понять». И тогда он сказал: «Знаете, у нас очень давно был курс по восточному театру. И больше десяти лет этого курса нет: так сложились обстоятельства в сложные 1990-е — многие уходили из профессии, уходили из преподавания, зарплаты были никакие, нечего есть было людям. Если вы все равно всё это будете делать, то и курс нужно восстановить». И он силой из министерства выбил деньги на этот единственный в стране курс «История восточного театра». Он есть только в Петербурге и только для театроведов, больше никому его не читают. Я уже восемь лет его читаю и до сих пор с большим трудом готовлю, но каждый год с ужасом обнаруживаю, что знаю мало. Так Гительман вдохновлял, и теперь в каждом слове ты пытаешься соответствовать уровню этого человека. Эта школа внутренняя, надеюсь, у нас есть и будет сохраняться.

С Гротовским бок о бок я иду уже семнадцать лет, даже дольше, но вопросов к тому, что он делал, у меня становится с каждой секундой все больше. Когда я впервые увидела объявление, написанное по-польски от руки, то была потрясена обращением к «молодым людям, которые заблудились». Слово «заблудившиеся» мне понравилось больше всего. Гротовский искал заблудившихся молодых людей, которым страшно, чтобы через тренинги и паратеатральные проекты помочь им найти себя. Для этого он попытался соединить и внутри театра провести ритуальное и сакральное, создать новый светский ритуал, который не был напрямую инициацией. Однако, если опираться на базовые труды антропологов, то, что он делал —

очищение с помощью огня и воды, обращения с деревьями, специальные тренинги с пространством дерева, его корой и ветвями, люди как птицы, взлёт в небеса и дерево, дерево как остов мира, дерево в кельтской и античной традициях — да, наверное, это инициация. Сейчас я в прямом смысле ушла в паратеатр, за что мне в институте достаётся. Я пытаюсь разобраться во всем этом в последней книге [«Театр и не-театр Ежи Гротовского»]. Это уже не театр в прямом смысле, задействовано очень много смежных областей, и театроведением как наукой, если это считать наукой, открыть паратеатр практически невозможно. Чтобы анализировать современный спектакль, постмодернистский текст, антропология базово необходима, потому что в первую очередь театр — это живое общение живых людей. Семиотической модели также уже недостаточно: связи намного сложнее, и одни лишь знаки мы сегодня не можем анализировать. Несколько лет назад начались мои антропологические изыскания, стирающие грани между академическими науками. Я попала в международное общество антропологии, участвую в их семинарах и школах, пытаюсь с помощью культурной антропологии и других смежных дисциплин открывать паратеатр.

Ярче всего антропологический театр представлен в Польше. Сегодня это очень востребовано в Европе и в мире. Это как раз последователи идей Гротовского 1970-х и 1980-х. В Польше самый большой коллектив Европейский центр театральных практик «Гардзенице» Влодзимежа Станевского. Они получили поддержку ЮНЕСКО. Гардзенице — это польская деревенька. Мечтаю, чтобы Станевский приехал хотя бы с парой мастер-классов к нашим ребятам. Он прославился во всем мире попыткой реконструкции древнегреческого пения и танца — вот что такое антропологическая составляющая современного театра. Они занимались реконструкцией греческих танцев по вазовой живописи и реконструкцией музыкальных инструментов, так возник спектакль «Золотой осел» по Апулею. Часть актеров Станевского, проходивших тренинги в Гардзеницах, организовали собственные коллективы. Это Сельский театр «Венгайты», тоже по названию небольшой деревеньки. «Венгайты» я бы вообще не называла театром. В последние годы я из театра куда-то вылезаю, за что меня наказывают в институте. Но ведь вся Европа уже из театра вылезла. «Венгайты» реконструировали средневековую театральную литургию, богослужение с элементами театральных действий, из которого возникла классическая мистерия. В итоге почти все они монахи, прошли посвящение, живут при монастыре и занимаются литургиями. Еще есть

коллектив «Песнь козла», который тоже занимается реконструкциями древнегреческого пения и танца. Вот хотя бы один из этих театров я умоляю Польский институт в Петербурге привезти, хотя бы на видео показать нашим ребятам фрагменты, потому что это уникальные голосовые и телесные тренинги. Если искать в Польше то, чего нет больше нигде, то это вот эти ребята. Они уникальны и они очень востребованы в мире. Они ездят по всей Европе и уже практически не бывают дома, все время показывая свои штудии по всему миру.

---

1. Burzynski T., Osinski Z. *Laboratorium Grotowskiego*. Warszawa, 1978.
2. Лецович Василий Васильевич (1951–2005) — театровед, философ, культуролог, филолог.
3. Толубеев Андрей Юрьевич (1945–2008) — советский и российский актер театра и кино, народный артист РСФСР. Сын Юрия Владимировича Толубеева (1906–1979) — советского актера театра и кино, народного артиста СССР.
4. Ростоцкий Болеслав Норберт Иосифович (1912–1981) — театровед, театральный критик, доктор искусствоведения, заведующий сектором искусства европейских социалистических стран ВНИИ искусствознания. Автор монографии «Адам Мицкевич и театр» (М., 1976) и статей о польском театре и кино.
5. См. Нателла Башинджагян. Польский театр как образ жизни //»Новая Польша», 2016, № 6.
6. Гвоздев Алексей Александрович (1887–1939) — российский, советский театральный критик, театровед, литературовед и педагог, основоположник научной дисциплины «История западноевропейского театра»; автор фундаментального исследования «Западноевропейский театр на рубеже XIX и XX столетий» (1939).
7. Гительман Лев Иосифович (1927–2008) — советский, российский театровед, театральный критик, доктор искусствоведения, профессор, крупнейший специалист по истории французского театра, заведующий кафедрой зарубежного искусства СПбГАТИ (ныне РГИСИ).
8. К примеру, в 2005 Л.И. Гительман при поддержке Генерального консульства Польши сумел провести в Петербурге международный симпозиум, посвященный 120-летию Виткация, включающий научную конференцию и выставку его художественных работ.
9. Мигицко Сергей Григорьевич (р. 1953) — советский,

русский актер кино и театра, телеведущий, народный артист России.

10. Бояджиев Григорий Нерсесович (1909–1974) — советский театровед, театральный критик и педагог, профессор, соредатор учебника «История зарубежного театра». В 2-х частях. М.: 1981.
11. РГИСИ находится в Петербурге по адресу Моховая улица, дом 34.